

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук

Власть и элиты

Power and elites

Том 9
Выпуск 2

Санкт-Петербург
2022

УДК 32
ББК 66.0
В 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. Дука, к.пол.н., главный редактор
А.В. Быстрова, к.э.н.
В.В. Козловский, д.филос.н.
Д.Б. Тев, к.с.н.
А.Ю. Швая, ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Ачкасов (С.-Петербург, Россия)
О.В. Гаман-Голутвина (Москва, Россия)
В.А. Гуторов (С.-Петербург, Россия)
А.А. Зоткин (Симферополь, Россия)
Н.Ю. Лапина (Москва, Россия)
В.Г. Ледяев (Москва, Россия)
О.Ю. Малинова (Москва, Россия)
В.П. Мохов (Пермь, Россия)
П.В. Панов (Пермь, Россия)
И. Панькув (Краков, Польша)
У. Хоффманн-Ланге (Бамберг, Германия)
А.Е. Чирикова (Москва, Россия)

EDITOR

A. Duka, Dr., St. Petersburg

ASSISTANT EDITOR

A. Shvaya, St. Petersburg

EXECUTIVE BOARD

A. Bystrova, Dr., St. Petersburg
V. Kozlovskiy, Dr., Prof, St. Petersburg
D. Tev, Dr., St. Petersburg

EDITORIAL BOARD

V. Achkasov (St. Petersburg, Russia)
A. Chirikova (Moscow, Russia)
O. Gaman-Golutvina (Moscow, Russia)
V. Gutorov (St. Petersburg, Russia)
U. Hoffmann-Lange (Bamberg, Germany)
N. Lapina (Moscow, Russia)
V. Ledyayev (Moscow, Russia)
O. Malinova (Moscow, Russia)
V. Mohov (Perm, Russia)
I. Pańków (Warszawa, Poland)
P. Panov (Perm, Russia)
A. Zotkin (Simferopol, Russia)

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
«Власть и элиты» включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

СОДЕРЖАНИЕ

Политика и управление: зарубежные практики

<i>Лапина Н.Ю.</i> Политический цикл 2017-2022 гг. во Франции: институты и практики	5
<i>Лу С., Сельцер Д.Г.</i> Система аттестации руководящих кадров современного Китая	27

Партии в политическом процессе

<i>Сафронов В.В.</i> Неравенства электорального участия в России: Обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями	56
<i>Цепилова О.Д.</i> От институционализации к политизации: сравнительный анализ возникновения и развития зелёных партий Западной Европы и политического крыла зеленого движения России	96

Региональные элиты: карьеры и рекрутирование

<i>Быстрова А.С.</i> Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер	122
<i>Тев Д.Б.</i> Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера	146

Элиты в интеллектуальном пространстве

<i>Ачкасов В.А.</i> Вклад украинских интеллектуалов в информационную войну против России	172
<i>Гуторов В.А.</i> К вопросу об элитарных аспектах образовательной политики	185
Сведения об авторах	207

CONTENTS

Politics and Governance: Foreign Practices

- N. Lapina.* The 2017-2022 political cycle in France:
institutions and practices 5
- X. Lu, D. Seltser.* The attestation system of leading cadres
in contemporary China 27

Parties in the Political Process

- V. Safronov.* Inequalities of electoral participation in Russia
(a review of research in relation to Western theoretical models) 56
- O. Tsepilova.* From institutionalization to politicization: a comparative analysis
of the emergence and development of Green parties in Western Europe
and the political wing of the Green Movement in Russia 96

Regional Elites: Careers and Recruitment

- A. Bystrova.* Regional officials and politicians of the Russian Federation:
a comparative analysis of careers 122
- D. Tev.* Regional administrative elite: socio-professional sources
of recruitment and careers 146

Elites in the Intellectual Space

- V. Achkasov.* Contribution of Ukrainian intellectuals to the information war
against Russia 172
- V. Gutorov.* To the question of elitarian aspects of educational policy 185
- Contributors 209

ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ 2017–2022 ГГ. ВО ФРАНЦИИ: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ

Н.Ю. Лапина

(lapina_n@mail.ru)

Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Москва, Россия

Цитирование: Лапина Н.Ю. Политический цикл 2017–2022 гг. во Франции: институты и практики // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 5–26

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.1>

Аннотация. *Анализируется трехполюсная конфигурация политического пространства, сложившаяся во Франции в результате прошедших в 2017–2022 гг. выборов. Рассматривается роль и электорат политических партий — президентской партии «Возрождение», праворадикальной партии «Национальное объединение» и леворадикальной партии «Непокоренная Франция», объединившей вокруг себя левые силы. Показаны сложности второго президентского срока для главы государства Э. Макрона, связанные с возникновением нового баланса сил между исполнительной и представительной ветвями власти. Анализируются перспективы центризма в политической жизни Франции.*

Ключевые слова: *избирательный цикл 2022, президентские выборы, парламентские выборы, Франция, Э. Макрон, М. Ле Пен, Ж.-Л. Меланшон, центризм.*

В период между выборами 2017 и 2022 гг. мир стал свидетелем метаморфоз французской политической жизни. В 2017 г. на президентских выборах победил никому не известный и ранее не избиравшийся политик Эммануэль Макрон, а в 2022 г. ему удалось переизбраться

на новый срок. При этом во второй тур голосования ни в 2017 г., ни в 2022 г. не вышли представители исторических системных партий. Оба раза главным оппонентом Э. Макрона становилась лидер праворадикальной партии «Национальное объединение» (НО) Марин Ле Пен. По результатам прошедших в 2017–2022 гг. выборов во Франции сложилась новая трехполюсная конфигурация политического пространства, открылись перспективы у политического центра, возник новый баланс сил между исполнительной и представительной ветвями власти.

В статье анализируется, как в современной Франции складываются отношения между политическими институтами — институтом президентства, правительством, парламентом, политическими партиями и каким образом президент и правительство планируют осуществлять запланированные реформы при отсутствии в парламенте абсолютного большинства. Также ставится более общий вопрос, касающийся политического будущего макронизма как политического течения.

2017–2022 ГГ.: «ЗАКОН ДЮВЕРЖЕ» НЕ РАБОТАЕТ

В соответствии с законом, сформулированным М. Дюверже, между партийной системой и способом голосования существует прямая связь: пропорциональная система выборов порождает политическую многопартийность, тогда как мажоритарная система — двухпартийность [Дюверже 2007: 258–336]. Политическая жизнь Пятой республики с момента ее основания определялась мажоритарной системой голосования на парламентских, а позже президентских выборах. Начиная с 1980-х годов в течение четырех десятилетий у власти во Франции чередовались две системообразующие партии — Французская социалистическая партия (ФСП) и неоднократно менявшая название правоцентристская партия (ныне «Республиканцы»). Традиционное для Франции противостояние правых и левых сил отражало особенности социальной и экономической структуры общества, а мажоритарная система заставляла избирателей делать выбор между двумя этими силами. Наряду с системными партиями, поочередно формировавшими политическую повестку, во Франции существовали и другие политические объединения, за редким исключением не игравшие большой политической роли и в ряде случаев входившие в политические союзы с системными партиями. Именно так дело обстояло в 1972 г., когда между ФСП, коммунистической партией (ФКП) и партией левых радикалов был заключен союз левых сил.

Еще одна особенность политической системы с доминированием двух партий состоит в отсутствии оснований для возникновения влиятельной центристской партии, феномен, также описанный М. Дюверже. При двухпартийности, писал он, «не существует центра: в ней можно иметь партию центра, но не течение центра или доктрину центра» [Дюверже 2007: 267]. Действительно, в Пятой республике центристам не удавалось надолго закрепиться у власти и стать подлинно влиятельной силой [Шмелев 2018].

В ходе избирательного цикла 2017 г. ситуация радикально поменялась. Во французской прессе президентская кампания получила название «сумасшедших выборов». Никогда прежде избрание президента не сопровождалось таким количеством скандалов и интриг. В исключительно сложной ситуации оказались исторические партии. Президент-социалист Франсуа Олланд отказался выдвигать свою кандидатуру на выборах. Отсутствие сильного кандидата определило результаты голосования: мало популярный Бенуа Амон в первом туре голосования набрал всего 6,3 %. Но в полном смысле слова ход избирательной кампании был изменен «пенелопагейтом», скандалом вокруг кандидата республиканцев Франсуа Фийона. Он был обвинен в использовании служебного положения, когда в бытность депутатом оформил жену в качестве помощницы.

В условиях, когда ведущие политические партии страны не смогли выдвинуть достойных кандидатов, дорога к высшему государственному посту Французской республики оказалась открытой для мало известного молодого политика Э. Макрона. Кандидат заявлял, что он ни левый и не правый, обещал модернизировать Францию и способствовать ее адаптации к «меняющемуся миру», открыть новые возможности для всех граждан страны. Программа Макрона укладывалась в одно слово: «революция». Так называлась и выпущенная им в преддверии кампании книга [Macron 2016]. Уверенность, молодость, динамизм сделали свое дело — Э. Макрон был избран президентом Франции, а в 2022 г. сумел переизбраться на высокий пост.

В задачи статьи не входит анализ избирательных кампаний 2017–2022 гг. Выделим наиболее важные для нашего исследования моменты. В 2017 г. впервые после победы на президентских выборах Валери Жискар д'Эстена (1974) во Франции у центризма открылись новые политические возможности. Опросы показывают, что накануне выборов подавляющее большинство французов (63 %) не относили себя ни к пра-

вым, ни к левым [Baromètre... 2017]. Избирательный цикл 2017 г. продемонстрировал высокий запрос на перемены. Во втором туре президентских выборов за новое лицо в политике Э. Макрона проголосовали 20,7 млн избирателей (66,1 % голосов), а на парламентских выборах созданная им партия «Вперед, Республика!» (ныне «Возрождение») получила 43,6 % (7,8 млн избирателей). Вместе с политическими союзниками партия президента получила абсолютное большинство голосов в нижней палате парламента (351 депутатское кресло)¹. На фоне этой победы внутри ФСП и партии «Республиканцы» усилились центробежные силы, некоторые социалисты и особенно республиканцы перешли на сторону Э. Макрона.

В 2017 г. во Франции сформировалось трехполюсная конфигурация политического пространства. В центре находится Э. Макрон и его партия, справа — «Национальное объединение», праворадикальная партия, которую вплоть до ноября 2022 г. возглавляла М. Ле Пен, слева — леворадикальная «Непокоренная Франция» во главе с бывшим троцкистом Жаном-Люком Меланшоном. В ходе избирательного цикла 2022 г. эта конфигурация не просто сохранилась, но еще больше окрепла. На парламентских выборах правые радикалы одержали серьезную победу, десятикратно увеличив свое представительство в Национальном собрании (89 депутатских мандатов). А Меланшону удалось сплотить вокруг своей партии левые силы, создав «Новый народный экологический и социальный союз» (NUPES), в который вошли социалисты, экологи, коммунисты и другие левые политические образования. Для них вступление в союз левых сил стало способом политического самосохранения. После формирования партийных групп леворадикальная «Непокоренная Франция» получила 75 депутатских мандатов, социалисты — 31, экологи — 23, левые республиканцы, куда входят коммунисты, — 22 мандата [Assemblée Nationale 2022].

В 2022 г. в пользу президента не сработал календарь выборов, когда избрание депутатов следует сразу за президентскими выборами. Этот порядок был принят с тем, чтобы закрепить, как полагают эксперты, позиции главы государства, чтобы народные избранники не слишком «кичились» своим избранием и были уважительны к главе государства [Duhamel 2000: 109]. Логично предположить, что только что избравшие

¹ Для абсолютного большинства надо получить 289 депутатских мандатов. — *Н.Л.*

президента граждане, высказав свои электоральные предпочтения и проголосовав «сердцем» в первом туре парламентских выборов, объединятся во втором туре, чтобы поддержать главу государства. По крайней мере так было в предшествующие годы при Н. Саркози, Ф. Олланде и в первый президентский срок Макрона. В 2022 г. эта логика не сработала: президентская партия не получила абсолютного большинства голосов и не сумела сформировать, как это было пять лет назад, «Республиканский фронт» против праворадикального «Национального объединения». Ей также не удалось, как это было в 2017 г., оттянуть голоса левых избирателей, на этот раз голосовавших за «Новый народный экологический и социальный союз» (он во втором туре собрал голоса 6,5 млн избирателей).

Нередко в литературе можно встретить мнение, что Э. Макрон разрушил двухпартийную систему Пятой республики. Это далеко не так. «Макрон является не разрушителем системы, а своеобразным продуктом ее распада» [Бунин 2018: 18]. Двухпартийная политическая система во Франции, прежде чем разрушиться, давно начала ослабевать. И тому был целый ряд причин.

Во-первых, избиратели все больше разочаровывались в системных политических партиях. В прошлом их программы и проводимая ими политика были конкурентными. Однако со временем конкурентность исчезла, ей на смену пришло сближение политических курсов социалистов и правоцентристов. ФСП в годы правления Ф. Олланда окончательно утратила имидж оппозиционной левой партии. Она перестала защищать интересы трудящихся, сосредоточившись на отстаивании прав отдельных сообществ (женщины, ЛГБТ, иммигранты).

Во-вторых, новая конфигурация политического пространства отражала глубокие социальные сдвиги, произошедшие во французском обществе в последние десятилетия. Системные партии опирались на средний класс, представители которого занимали стабильное место в обществе. Эти люди в целом были настроены оптимистично, верили в будущее, в то, что их дети будут жить лучше, чем они сами. В современной Франции средний класс фрагментируется, нижняя его страта по своему социальному положению приближается к рабочему классу и служащим. Люди тяжело переживают утрату социального статуса, отсутствие социальных перспектив. Опрос, проведенный в январе 2022 г. Центром изучения французской политической жизни (CEVIPOF), свидетельствовал, что треть французов (30 %) относили себя к низшим

социальным слоям, их доля за последние годы возросла, тогда как доля относящих себя к средним (24 %) и высшим (38%) слоям сократилась [Baromètre 2022]. Анализ социального профиля электората политических партий приводит исследователей к выводу, что сторонников правых и левых радикалов объединяет общее чувство утраты социального статуса [Rouban 2022a].

В-третьих, в обществе на фоне усталости и разочарования наблюдался рост недоверия к политике и политикам. Впервые эта тенденция проявилась полвека назад, но с каждым десятилетием лишь нарастала. В 2017 г. политика у 40 % французов вызывала недоверие [Baromètre 2017]. В 2022 г. это мнение высказали 36 % опрошенных. Скепсис в отношении политики напрямую связан с недоверием к действующим политикам, чувство, которое испытывают даже те люди, которые готовятся войти в состав элиты. Опрос студентов Парижского института политических наук (Sciences Po), одной из кузниц элитных кадров Франции, показал, что подавляющее большинство опрошенных не доверяют действующим политикам, считая их нечестными и коррумпированными (65 %) [Foucault, Muxel 2022]. Французы находятся под впечатлением громких коррупционных скандалов, в которых замешены лица первого эшелона. В обществе широко распространено мнение, что политики преследуют личные интересы и не выполняют своих обещаний. Новые средства коммуникации позволяют рядовым гражданам не церемониться с первыми лицами государства, в социальных сетях французы высказываются о них без стеснения. Н. Саркози они ненавидели, над Ф. Олландом смеялись, Э. Макрону не доверяют¹. Кризис политического лидерства привел, как считает социолог Брис Тентюрье (Французский институт изучения общественного мнения, IFOP), автор книги с впечатляющим названием «Нет надежды и наплевать на все», к глубокому кризису демократии во Франции [Teinturier 2017].

В-четвертых, аналитики объясняют недоверие к политике особенностями французской политической культуры. Одни подчеркивают, что воспитанные на идеях «республиканского пакта» французские граждане остро переживают растущее социально-экономическое неравенство и отсутствие справедливости в обществе. В связи с этим

¹ Сразу после президентских выборов в июне 2022 г. 55 % французских граждан заявляли, что не доверяют президенту, 59 % не были удовлетворены его деятельностью [Baromètre... 2022].

вспоминают Алексиса де Токвиля, писавшего о том, что французской политической культуре присущ эгалитаризм. Для политолога Паскаля Перрино (CEVIPOF) причины недоверия к политике кроются в «демократическом разломе». Суть его в том, что часть общества продолжает доверять представительной демократии и ее институтам, тогда как другая высказывается в поддержку «прямой демократии» [Perrineau 2019]. Опросы подтверждают этот тезис: летом 2022 г. половина французских граждан (50 %) считали, что сами граждане, а не политические представители должны участвовать в принятии политических решений [Baromètre... 2022]. Мысль о «демократическом разломе» получила развитие в работах Люка Рубана (CEVIPOF). Социолог подчеркивает, что принципы прямой демократии пользуются популярностью во многих странах, однако особенность французского случая состоит в том, что идеи «критически настроенного гражданства» разделяют прежде всего представители низших социальных категорий. А это значит, что в основе отношения к демократии лежит социальный конфликт [Rouban 2022 (b): 34.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПАРЛАМЕНТ МЕСТОМ ДЛЯ ДИСКУССИЙ?

В рамках Пятой республики баланс сил между исполнительной и представительной ветвями власти сложился не в пользу последней. Главной задачей основателей Пятой республики был разрыв с «режимом Ассамблеи» времен Четвертой республики. Снижение статуса представительной власти преследовало своей целью оградить Францию от частой смены правительственных кабинетов. В случае если президент опирается на абсолютное парламентское большинство (для этого требуется 289 мандатов), проблем с прохождением правительственных законопроектов не возникает. Именно так происходило в первый президентский срок Э. Макрона, когда тексты законопроектов писались в Елисейском дворце, а затем автоматически принимались Национальным собранием. Роль парламента заметно снизилась в ситуации санитарного кризиса, когда широко стала использоваться ускоренная процедура принятия законодательных актов.

В 2022 г. автоматическая связь между президентскими и парламентскими выборами была нарушена. В нынешнем составе Национального собрания Э. Макрон располагает голосами 250 депутатов, тогда как оппозиция, пусть и неоднородная, более чем 300 депутатскими ман-

датами. Уже в ходе летней сессии парламента, когда обсуждался законопроект о покупательной способности, стало ясно, как непросто будет работать новому правительству во главе с Элизабет Борн. Дебаты не прекращались в течение трех недель, дискуссии были жаркими, а руководителю партийной группы «Возрождение» приходилось постоянно напоминать депутатам-макронистам, чтобы они не манкировали своими обязанностями и присутствовали на заседаниях.

В настоящее время обсуждения в парламенте, отмечает Б. Морель, политолог, профессор Парижского университета Пантеон-Ассас, напоминают сцены из пьес Ионеску. «Театрализация» становится частью политической игры, в которой участвует вся страна. В 1990-е годы впервые появился парламентский телевизионный канал, дававший возможность гражданам следить за дебатами в реальном времени. Теперь «спектакль» переместился в социальные сети. Кроме этого, у народных избранников, как у артистов в театре, есть своя публика. На заседаниях присутствуют приглашенные депутатами делегации, журналисты. Находясь постоянно перед камерами, депутаты стремятся выглядеть эффектно, быть яркими и запоминающимися.

В прошлом журналисты приходили в Национальное собрание, чтобы записать интервью с наиболее известными политиками. Теперь они целые дни проводят в зале заседаний. Депутаты, имеющие опыт работы в парламенте, немало удивлены: в комиссиях их предложения выслушиваются и учитываются, а поправки к законопроектам принимаются. Прежде такого не случалось. Летом пропрезидентская партия «Возрождение» вынуждена была согласиться с рядом предложений оппозиции.

В условиях, когда оппозиция становится значимой силой, роль политических партий возрастает. Сразу после парламентских выборов президент высказался за создание коалиционного правительства, с этой целью сразу после парламентских выборов он и его премьер-министр провели консультации со всеми политическими партиями, заседающими в парламенте. Однако расширить парламентское большинство не удалось, за редким исключением большая часть политиков, представляющих оппозицию, войти в правительство отказались. В результате главной задачей властей стал поиск ситуативного большинства — ad hoc при обсуждении и голосовании по конкретным законодательным актам. Задача, крайне сложная и требующая, по признанию самих участников политического процесса, много времени и сил. Теперь

министрам регулярно приходится встречаться с депутатами в неформальной обстановке, обсуждая законопроекты, которые планируется вынести на голосование. «Общение с Национальным собранием стало нашей повседневной жизнью», — признается один из членов кабинета.

Основная ставка макронистами делается на партию «Республиканцы», которая идеологически ближе всего действующему президенту. Однако далеко не все республиканцы к такому сотрудничеству готовы, тем более что партия готовится к съезду и выборам нового руководства. В этих обстоятельствах республиканцам важно не раствориться в макроновском движении и сохранить собственное лицо. Далеко не все в партии с этой позицией согласны. Республиканцы — мэры крупных городов не отвергают возможности сотрудничества с правительством по важнейшим вопросам общественно-политической жизни. Летом в 2022 г. они поддержали закон о покупательной способности. Власти рассчитывают, что республиканцы поддержат пенсионную реформу, реформу полиции и Военную программу на 2024–2030 гг., которая будет обсуждаться в середине 2023 г.

Нет абсолютного единства и внутри «Нового народного экологического и социального союза». Позиция «Непокоренной Франции» по отношению к действующей власти однозначно непримиримая. Во время дискуссий в парламенте сторонники Меланшона устраивают демарши: скандируют лозунги, поют, кричат. В свое время Меланшон сформулировал свою позицию: «Нужно любую ситуацию превращать в конфликтную». Собственно, этим и занимаются представители его партии, облеченные депутатскими полномочиями. Напротив, социалисты не столь едины в своей оппозиционности. Летом и осенью 2022 г. ряд депутатов-социалистов отказались голосовать за вотум недоверия правительству. Является ли этот жест шагом в сторону действующей власти, покажет время.

Особое место в составе нынешнего Национального собрания принадлежит праворадикальному «Национальному объединению». Перед М. Ле Пен стоит задача институционализации партии и ее полной интеграции в системное политическое пространство. Важными вехами на этом пути стало получение депутатами НО постов двух вице-председателей нижней палаты из шести, а также двух кресел в Суде республики (Cour de Justice de la République), который занимается расследованием преступлений министров в момент исполнения ими служебных обязанностей. Депутатов НО Ле Пен призвала быть «ответственной

оппозицией», вести себя в парламенте достойно и не поддаваться на провокации.

Что для партии означает быть системной и как этого достигнуть? Определяя системность, М. Дюверже отмечал, что важнейшим ее критерием, является принятие политической партией существующей политической системы и отказ от ее трансформации. В выступлениях после победы на парламентских выборах Ле Пен постоянно подчеркивала, что ее партия уважает республиканские принципы, выступает против хаоса в поддержку порядка. Другой важный критерий системности — это умеренность позиций. Следует отметить, что во время избирательной кампании и после ее окончания М. Ле Пен высказывалась главным образом по поводу острых социально-экономических проблем, не акцентируя внимание на вопросах идентичности и «национального приоритета», которые, впрочем, из партийной программы никуда не исчезли.

В начале октября 2022 г. партия М. Ле Пен отпраздновала свое пятидесятилетие. За прошедшие столетия электорат партии изменился. На последних выборах за нее голосовали люди с высшим образованием, государственные служащие, руководители. Можно сказать, что теперь эта партия представляет интересы не только «народных классов», но и средних и высших слоев. В глазах французов НО получило легитимность, за него больше не стыдятся голосовать, замечает Л. Рубан [Rouban 2022c].

Из маленькой неонацистской группировки «Национальное объединение» превратилось «в одну из ведущих политических партий» Франции, пишет газета «Ле Монд». Никогда прежде у партии не было столь заметных позиций в республиканских институтах. На сегодняшний день главная задача НО — это упрочить позиции во власти с ориентацией на президентские выборы 2027 г. Именно это, на взгляд историка правых движений Н. Лебура, и определяет исключительную пластичность «Национального объединения», которое внимательно следит за изменением настроений электората [Guillon, Mestre 2022]. Вместе с тем встраивание в систему власти несет в себе реальную опасность. Институционализация может привести к «растворению» оппозиционного НО, утрате им своей специфики. «Прагматизм в политике, — замечает политик из окружения Ле Пен, — это поза, не имеющая отношения ни к стратегии, ни к видению общества. Прагматизм может стать ловушкой для партии» [Laubacher 2022].

ГЛАВА ГОСУДАРСТВА ПЕРЕД ЛИЦОМ НОВЫХ ВЫЗОВОВ

Второй президентский срок исключительно важен для французского президента. В 2017 г. Э. Макрон пришел к власти как реформатор, он обещал модернизировать Францию и провести системообразующие реформы. В первый президентский срок ему многое сделать не удалось. Вначале руки были связаны движением «желтых жилетов», затем начавшейся пандемией COVID-19. Под влиянием обстоятельств президент-реформатор уступил место президенту, который взял на себя функцию «защиты» населения от заболевания. В феврале 2022 г. началась Специальная военная операция РФ на Украине, и международный контент заслонил все другие проблемы. Однако неблагоприятная экономическая ситуация, увеличение цен на энергоносители и растущая инфляция заставили главу государства сконцентрироваться на решении острых социально-экономических проблем. Складывается впечатление, что в условиях прогнозируемой экономической рецессии Э. Макрону в его второй президентский срок уготована роль президента — антикризисного менеджера.

Конституция Пятой республики предоставляет президенту широкие полномочия: он является гарантом Основного закона, фактически возглавляет исполнительную власть, назначая премьер-министра и участвуя в формировании правительства, имеет право распустить Национальное собрание. При наличии парламентского большинства президент руководит государством, не оглядываясь на оппозицию. Хотя это вовсе не значит, что в своей деятельности он ничем не ограничен. Первый президентский срок показал, как непросто управлять страной, когда ее сотрясает мощное движение протеста.

Если у президентской партии нет абсолютного большинства в парламенте, существуют различные выходы из сложившейся ситуации. О создании коалиционного правительства речь шла выше. Этот сценарий при формировании правительства летом 2022 г. осуществить не удалось.

Второй сценарий — «сосуществование» президента, принадлежащего к одной партии, с премьер-министром и правительством, представляющим оппозицию, у которой имеется абсолютное большинство в парламенте. В этом случае президент «царствует, но не правит», как это было дважды в годы правления Франсуа Миттерана (1986–1988,

1993–1995) и в президентство Жака Ширака (1997–2002). В 2022 г. на этот исход рассчитывал Меланшон, надеясь получить пост премьер-министра в случае победы альянса левых сил на выборах.

Третий сценарий — промежуточный и реализуется, когда у президентской партии отсутствует абсолютное большинство в парламенте, но она располагает относительным большинством голосов. В 2022 г. глава государства назначил премьер-министра из своего окружения, во Франции было сформировано правительство, готовое осуществлять политику президента. У президента сохраняются важнейшие конституционные полномочия, в том числе право распустить Национальное собрание. В свою очередь, Конституция Пятой республики предоставляет премьер-министру право использовать статью 49.3 Основного закона, которая «является самым серьезным оружием из тех, которыми располагает правительство» [Formery: 106]. Эта статья, напомним, позволяет принимать закон без голосования в парламенте. Новое состоит в том, что президент продолжает руководить страной, но ему в парламенте противостоит мощная оппозиция, и это серьезная проблема для Э. Макрона. Есть и другие проблемы.

1. Повторно избранный президент ослаблен, поскольку третьего президентского срока у него не будет. Близкие к Э. Макрону лица отмечают, что это обстоятельство сильно деморализует главу государства. Характерно, что уже на следующий день после президентских выборов в политическом сообществе начал обсуждаться вопрос, кто станет следующим президентом Франции.

2. Когда президент ситуативно ослабевает, ему все сложнее контролировать свое политическое окружение. В парламент не были избраны близкие главе государства фигуры — Ришар Ферран, в течение пяти лет руководивший Национальным собранием, и Кристоф Кастанер, возглавлявший партийную группу пропрезидентской партии в нижней палате парламента. Непростые отношения у него с нынешним руководителем партийной группы в Национальном собрании Авророй Берже и председателем Национального собрания Й. Браун-Пивэ. Обе дамы считают, что их вклад в победу президента на выборах недооценен. В 2017–2022 гг. Елисейский дворец контролировал деятельность пропрезидентской партии, основные кадровые и программные вопросы решались в администрации президента. Сегодня внутри партии возникают протестные настроения, не со всеми правительственными решениями депутаты-макронисты согласны. А главное, внутри партии

так и не был преодолен раскол. В «Возрождении» существуют два течения: правоцентристское, представители которого стремятся склонить макронизм вправо, и левое, сторонники которого призывают к объединению всех социалистических и социал-демократических сил. Внутренние противоречия усиливаются политическими амбициями первых лиц: министр экономики и финансов Бруно Ле Мер и министр внутренних дел Жеральд Дарманен фигурируют в списке претендентов на президентский пост в 2027 г. В ситуации непредсказуемости каждый политический актер стремится нарастить собственные ресурсы влияния без оглядки на президента.

3. Не может, как в прошлом, Макрон рассчитывать и на своих политических союзников — Франсуа Байру, возглавляющего центристскую партию «Демократическое движение», и бывшего премьер-министра, руководителя партии «Горизонты» Эдуара Филиппа. Байру не скрывает своего раздражения в связи с использованием при принятии бюджета статьи 49.3, считая этот шаг недемократичным. Осенью 2022 г. уже на первых стадиях обсуждения бюджета Филипп высказался о нем критически. Это не случайно. Бывший премьер, всегда говоривший о себе, что он «лояльный, но свободный», является еще одним претендентом на президентский пост в 2027 г. В оставшееся время ему предстоит зарабатывать политические очки.

4. Ближайшее окружение Э. Макрона все чаще оказывается под ударом. Первая неприятная история произошла с руководителем личной охраны президента Александром Беналлой еще в 2018 г. В том же году был обвинен в принуждении к сексуальной близости нынешний министр внутренних дел Ж. Дарманен. Доказать эти факты не удалось, и в 2022 г. обвинения с министра были сняты. В 2019 г. появилась информация о связях между главой президентской администрации, самым близким к президенту человеком Алексисом Колером и принадлежащей его родственникам крупнейшей в Европе компанией морских перевозок. Его обвиняют в сокрытии конфликта интересов и пособничестве в заключении контрактов компании. Осенью 2022 г. дело Колера было передано в Суд республики. На рассмотрение в суд поступило и дело министра юстиции Эрика Дюпон-Моретти, его обвиняют в использовании служебного положения. В 2017 г. кандидат в президенты Макрон заявлял, что министр, против которого начато судебное расследование, должен подать в отставку. Однако на момент написания статьи Колер и Дюпон-Моретти оставались на своих постах.

5. Кризис — всегда серьезное испытание для элиты. В период пандемии COVID-19 французские власти предприняли эффективные меры, направленные на поддержку населения, особенно наиболее уязвимых его категорий. В 2022 г. французская экономика развивалась под давлением неблагоприятных внешних обстоятельств: санитарного, энергетического, климатического, геополитического кризисов. В результате резкого роста цен на энергоносители экономический рост к концу года ожидается на уровне 2,6 % [Point de conjoncture 2022]. Невысокие темпы экономического роста сочетаются с высокой инфляцией (+6 % в среднем в октябре, +20 % — на некоторые продукты первой необходимости), чего во Франции не было уже более четырех десятилетий. Аналитики все чаще сравнивают нынешнюю ситуацию с «нефтяным шоком» 1973 г. Создание новых рабочих мест и сокращение уровня безработицы не компенсируют снижение покупательной способности широких слоев населения.

С лета аналитики прогнозировали рост в стране социального напряжения. И они не ошиблись. В конце сентября на нефтеперерабатывающих предприятиях группы «Тоталь» и «Esso-Exxon Mobil» вспыхнули забастовки. Требование бастующих — увеличение заработной платы с тем, чтобы компенсировать растущую инфляцию и перераспределить в пользу работников сверхдоходы нефтяных гигантов. Забастовка в отрасли, имеющей общественную значимость, сказалась на повседневной жизни граждан: не стало горючего на автозаправках, нарушился нормальный ритм работы скорой помощи, школьных автобусов, полиции. На горизонте замаячил призрак «желтых жилетов», поскольку энергетический кризис в первую очередь затрагивает людей, живущих в загородной и сельской местности и вынужденных, чтобы ездить на работу, пользоваться индивидуальным транспортом, а таких во Франции 30 млн человек.

В начале первого президентского срока Макрон излучал оптимизм, вселял надежду, казалось, все ему под силу. Второй президентский срок начался в крайне неблагоприятной международной и внутривнутриполитической ситуации. Глава государства изменился, теперь в его голосе звучат пессимизм и тревога. Он не скрывает угроз, стоящих перед страной, говорит, что Франция находится в состоянии «экономической войны», призывает французов к «сдержанности» и экономии. Накануне зимы президент в публичном пространстве стал появляться в водолажке, что должно приучить французов к экономии газа и электричества и более низким температурам дома и на работе.

ДИЛЕММА ВЛАСТИ: МЕЖДУ ВЕРТИКАЛЬНЫМ И ГОРИЗОНТАЛЬНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ

Одним из лозунгов первой президентской кампании Э. Макрона было «расширение демократии». Однако в реальности в течение пяти лет им была выстроена жесткая «вертикаль власти», в рамках которой Елисейский дворец контролировал деятельность премьера, правительства, пропрезидентской партии, о чем мы уже писали [Лапина 2022]. Результаты парламентских выборов со всей остротой поставили вопрос о демократизации управления. В официальном обращении главы государства (22 июня) отмечалось, что французское общество политически фрагментировано и что ни одна из политических сил не сможет в одиночку управлять страной. «Мы должны научиться руководить по-новому, достигая компромиссов на основе диалога, учитывая мнение и уважая других», — заявил президент [Macron 2022a].

Сразу после избрания Э. Макрон выступил с инициативой создания Национального совета по перестройке (НСП, Conseil national de réfon-dation), призвав «все живые силы нации» к честному и прямому диалогу. В Совет было предложено войти представителям политических партий, ассоциаций, других общественных организаций. В обращении к согражданам 3 октября 2022 г. президент призвал французов принять участие в общенациональных консультациях, формулируя свои вопросы и предложения. «Сегодня я предлагаю возможность вместе изменить порядок вещей. По важнейшим вопросам мне необходимо, чтобы вы тоже участвовали в работе Национального совета по перестройке», — заявил глава государства [Macron 2022b]. Выделены и приоритетные темы, которые будут обсуждаться в Совете, — система школьного образования и здравоохранения, занятость.

Создание Совета, пишет газета «Л’Опиньон» состоит в том, чтобы показать французам, что глава государства активно работает, а не парализован отсутствием большинства в парламенте, что именно он, а не Национальное собрание принимает решения [Segaunes 2022]. Однако создание новой параллельной структуры с самого начала натолкнулось на препятствия. Оппозиционные партии — «Республиканцы», «Национальное объединение» и союз левых сил — отказались участвовать в работе Совета, полагая, что его цель — заменить собой парламент. «НСП не сможет ответить на кризис демократии», — заявил председатель Сената Жерар Ларше, также отказавшийся сотрудничать с новым институтом.

Параллельно с заявлениями о «мягких» методах управления страной власти не скрывали, что готовы использовать и жесткие меры в случае, если оппозиция заблокирует принятие важнейших законодательных актов в парламенте. В начале октября открылась осенняя сессия французского парламента. На ней обсуждалось принятие бюджета, всегда сопровождающееся бурными дискуссиями. На этот раз они были еще более ожесточенными. Оппозицией были выдвинуты более 3500 поправок. Депутаты от альянса левых сил настаивали на том, что в правительственном варианте бюджета не учтена чрезвычайная ситуация, вызванная растущей инфляцией и острыми климатическими проблемами. Если рассматривать все предложения, обсуждение могло затянуться на месяцы. В результате власти использовали статью 49.3 Конституции. В будущем предстоит еще одно непростое обсуждение — запланированная в первый президентский срок Макрона и крайне непопулярная в обществе пенсионная реформа. Есть все основания предполагать, что и в этом случае правительство пойдет по пути жесткости, а не переговоров и дискуссий.

В свой второй президентский срок глава государства стоит перед непростым выбором: продолжать строить жесткую вертикаль власти или ориентироваться на компромисс. Скорее всего, он будет пытаться сочетать оба метода. Что же касается французов, то они полагают, что в свой новый президентский срок Э. Макрон не изменит стиль управления страной [Vigogne 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Франция не первая европейская страна, где происходят масштабные политические изменения. Важно отметить, что переход к трехполюсной конфигурации политического пространства состоялся во Франции без институциональных преобразований и изменения закона о выборах, которое планировалось, но осуществлено не было. Нынешняя трехпартийность — отражение фрагментации французского общества. За Э. Макрона голосуют образованные люди, жители больших городов, которые интегрированы в глобальную экономику и с оптимизмом смотрят в будущее (около четверти населения страны). Им противостоит «периферийная» Франция, страдающая от глобализации и отрицающая открытость. Ее представители боятся утраты социального статуса и бедности. Многие из них составляют опору радикальных партий и дви-

жений. Однако к ним все чаще присоединяются представители высших классов, которые раздражены ростом насилия в стране, притоком иммигрантов, такими реформами Макрона, как ликвидация «больших корпусов» и Национальной школы администрации. Нынешняя структура политического пространства — отражение глубоко фрагментированного общества.

Вместе с тем проблема Франции не в том, что оппозиция усилила свои позиции в обществе и парламенте — это нормальная практика в условиях демократии. Главное в том, что во французском обществе растет неприятие парламентской демократии. Если в основе отношения к демократии, как отмечено выше, лежит социальный конфликт, то многочисленные социальные, экономические, поколенческие, территориальные и прочие расколы, которые фрагментируют французское общество [Лапина 2021], в перспективе будут усиливать идеи «критически настроенного гражданства» и ставить под сомнение существующие политические институты со всеми вытекающими из этого последствиями. «Давление улицы» в ближайшее время, скорее всего, будет нарастать.

Другая проблема Франции в том, что в стране есть политические акторы, которые стремятся углубить кризис и на этой волне прийти к власти. В первом туре президентских выборов за кандидатов от радикальных партий подали свои голоса 57 % избирателей. Радикальная левая оппозиция в лице Меланшона призывает к массовым протестам, «гражданской революции», рассчитывая посеять хаос и беспорядок в стране. Противостояние политических сил в стране становится все более острым, а политический дискурс все более ожесточенным.

Аналитики по-разному оценивают политическую ситуацию, сложившуюся во Франции в результате избирательного цикла 2022 г. Для одних новая расстановка политических сил — это свидетельство кризиса политической системы. Для других главная особенность нового этапа — формирование впервые за многие годы представительного парламента, в котором заседают различные политические силы. Политолог Р. Кейроль полагает, что Франция в настоящее время «вошла в парламентскую фазу развития» [C'est dans l'air... 2022]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что между исполнительной и представительной ветвями власти сложилось относительное равновесие. Полномочия президента не сократились, но *de facto* он ослаблен. Правительство вынуждено учиться работать в новых условиях, когда голос оппозиции слышен все явственнее.

Логично задать вопрос, поставленный в самом начале статьи: есть ли будущее у политического центризма во Франции? Центризм с присущим ему отрицанием деления страны на правых и левых, выступающий за приверженность демократии, диалог, либеральные ценности и социальное реформирование с избранием Макрона «получил новый исторический шанс» [Шмелев 2018: 139]. Наряду с президентской партией усилили свои позиции и другие центристские партии — «Демократическое движение» и «Горизонты». Вместе с тем будущее центризма во многом зависит от того, сможет ли он, во-первых, сплотить французское общество, сделав его более солидарным, и во-вторых, получить поддержку более широких слоев населения. Ни первая, ни вторая задачи до сих пор не выполнены.

Электорат Макрона в первом туре президентских выборов составил в 2017 г. 24 % избирателей (8,6 млн голосов), в 2022 г. — 27,8 % (9,7 млн голосов). В избирательных циклах 2017 и 2022 гг. центризм в макроновском варианте получил поддержку одной четверти избирателей, которые составляют ядерный электорат президент. В перспективе эти люди, скорее всего, и впредь будут выступать в поддержку либеральных ценностей и европейское строительство. Партия центра — это их партия.

Если же говорить о макронизме как о политическом течении, его будущее вызывает сомнения. Движение, созданное одним человеком и держащееся на его личном авторитете, вряд ли переживет второй президентский срок Макрона. Тем более что за прошедшие годы «Возрождение» так и не превратилось в серьезную политическую силу и не смогло выдвинуть ярких политиков. Тем не менее в окружении Макрона есть амбициозные политики, которые не прочь стать его политическими наследниками. И если «передача власти» состоится, партия может либо поправеть, если ее возглавит нынешний министр внутренних дел Ж. Дарманен, либо полеветь, если лидером станет бывший социалист и нынешний министр труда Оливье Дюссоп.

В настоящее время во французских медиа обсуждается вопрос «обамаизации» французской политической жизни, когда после двух сроков пребывания у власти реформатора к власти может прийти популист. В этом отношении красноречив опыт других европейских стран. В сентябре 2022 г. на парламентских выборах в Италии победила правоцентристская коалиция во главе с Джулией Мелони, лидером партии «Братья Италии». И в этой связи не могут не волновать два вопроса: сможет ли политический центризм в будущем противостоять правому

и левому популизму и не придет ли через пять лет в Елисейский дворец М. Ле Пен?

Литература

Бунин И. Выборы Макрона, или Выбор Франции: французская политика в 2017–2018 годах. М.: Школа гражданского просвещения, 2018. 198 с.

Дюверже М. Политические партии. 4-е изд-е. М.: Академический проект; Трикста, 2007. 544 с.

Лапина Н.Ю. Общество утраченных иллюзий // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3. С. 85–112. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.04>. EDN: ZAGXOE.

Лапина Н.Ю. Франция: жизнь в условиях пандемии // Россия и современный мир. 2022. № 2. С. 119–134. <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.02.07>. EDN: NWUTDT.

Шмелев Д.В. Французский центризм в испытании выборами 2017 г. // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 137–155. EDN: XNIWZV.

Duhamel O. Le quinquennat. 2-ème édition. Paris: Presses de sciences po, 2000. 135 p.

Formery S.-L. La Constitution commentée article par article, 15-me édition. Paris: Hachette, 2012. 176 p.

Foucault M., Muxel A. Une jeunesse engagée. Paris: Presses de Sciences Po, 2022. 242 p.

Macron E. La Révolution. Paris: XO, 2016. 270 p.

Perrineau P. Le Grand écart. Chronique d'une démocratie fragmentée. Paris: Plon, 2019. 273 p.

Rouban L. L'électorat de la nupes ou la radicalité dans la divergence: Note de recherche. Enquête électorale. Vague 11, Juin 2022a // Архив автора.

Rouban L. Les raisons de la défiance. Paris: Presses de Sciences PO, 2022b. 172 p.

Rouban L. La mutation du Rassemblement national. Note de recherche CEVIPOF, juillet 2022c. URL: <https://hal-sciencespo.archives-ouvertes.fr/hal-03722314/document> (дата обращения: 12.07.2022).

Teinturier B. Plus rien à faire, plus rien à foutre». La vraie crise de la démocratie. Paris: Robert Laffont, 2017. 198 p.

Источники

Assemblée Nationale: Les groupes politiques actuels. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/les-groupes-politiques> (дата обращения: 10.06.2022).

Baromètre de la confiance politique Vague 8. Janvier 2017. URL: https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr.cevipof/files/BJ15515-CEVIPOF-Barometre_confiance_en_politique_vague8-1.pdf (дата обращения: 05.02.2017).

Baromètre de la confiance politique. Vague 13, janvier 2022 URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr.cevipof/files/BONNE%20VERSION%20FINALE-1.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).

C'est dans l'air. Macron 2: le coup de barre à droite, 27.07.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kE4C8Jyv5Dc> (дата обращения: 28.07.2022).

Guillon C., Mestre A. Rupture sur la forme mais continuité sur le fond // Le Monde. Paris. 5 oct. 2022. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2022/10/05/rupture-sur-la-forme-continuite-sur-le-fond-les-mues-du-fn-rn_6144425_823448.html (дата обращения: 06.10.2022).

Laubacher P. Marine Le Pen, les défis de l'institutionnalisation // L'Opinion. 16 sept. 2022. URL: <https://www.lopinion.fr/politique/marine-le-pen-les-defis-de-linstitutionnalisation> (дата обращения: 17.09.2022).

Macron E. Allocation du 22 juin 2022a (intégrale) URL: https://www.youtube.com/watch?v=fwx_flpYEY (дата обращения: 23.06.2022).

Macron E. Une méthode nouvelle. Allocation du 3 octobre 2022b. URL: https://www.google.fr/search?q=e.+macron+la+nouvelle+methode&ei=3b1OY4DUGYyOrwS0nbOQDA&oq=e.+macron+la+nouvelle+method&gs_lcp=Cgxnd3Mtd2l6LXNlcnAQRgAMgUIIRCgATIFCCEQoAEyBQghEKABOgoIABBHENYEELADOGQIIRAVOggIIRAWEB4QHToHCCEQoAEQCKoECE0YAUoECEEYAEoECEYYAFDZCViEIWDWM2gBcAF4AIAVpwGIAawGkgEDMy40mAeAoAEByAEIwAEB&sclient=gws-wiz-serp#fpstate=ive&vld=cid:a06bd925,vid:TgzxltbJH1s (дата обращения: 04. 10.2022).

Point de conjoncture du 7 septembre 2022: INSEE. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/6526900> (дата обращения: 10.09.2022).

Segaunes N. Macron, un CNR pour conjurer la défiance // L'Opinion. 8 septembre 2022. URL: <https://www.lopinion.fr/politique/macron-un-cnr-pour-conjurer-la-defiance> (дата обращения: 09.09.2022).

Vigogne L. Bernard Sananès : Aujourd'hui on ne sait pas quelle est la marque de fabrique de ce second quinquennat // L'Opinion. 24 oct. 2022. URL : <https://www.lopinion.fr/politique/bernard-sananes-aujourd'hui-on-ne-sait-pas-quelle-est-la-marque-de-fabrique-de-ce-second-quinquennat> (дата обращения: 25.10.2022).

THE 2017–2022 POLITICAL CYCLE IN FRANCE: INSTITUTIONS AND PRACTICES

N. Y. Lapina

(lapina@inion.ru)

Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy
of Sciences (INION RAS)
Moscow, Russian Federation

Цитирование: Лапина Н.Ю. Политический цикл 2017–2022 гг. во Франции: институты и практики // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 5–26

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.1>

Abstract. *The article analyzes the three-pole configuration of the political space that has developed in France as a result of the elections held in 2017–2022. The role and electorate of political parties — the presidential party “Renaissance”, the right-wing radical party “National Union” and the left-wing radical party “Unconquered France”, which united the left forces around itself, are considered. The difficulties of the second presidential term for the head of State E. Macron associated with the emergence of a new balance of power between the executive and representative branches of government are shown. The prospects of centrism in the political life of France are analyzed.*

Keywords: *election cycle 2022, presidential elections, parliamentary elections, France, E. Macron, M. Le Pen, J.-L. Melenchon, centrism.*

References

- Bunin I. *Vybory Makrona ili Vybor Francii: Francuzskaya politika v 2017–2018 godah* [The election of Macron or the choice of France: French politics in 2017–2018]. Moscow: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya, 2018. 198 p. (In Russian)
- Duhamel O. *Le quinquennat. 2-ème édition*. Paris: Presses de sciences po, 2000. 135 p.
- Duverger M. *Politicheskie partii* [Political parties. 4th edition]. Moscow: Akademicheskij proekt; Triksta, 2007. 544 p. (In Russian)
- Formery S.-L. *La Constitution commentée article par article, 15-me édition*. Paris : Hachette, 2012. 176 p.
- Foucault M., Muxel A. *Une jeunesse engagée*. Paris: Presses de Sciences Po, 2022. 242 p.
- Lapina N.YU. Obshchestvo utrachennyh illyuzij [Lapina N. Yu. Society of lost illusions], *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2021, 3, pp. 85–112. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.03.04>. EDN: ZAGXOE. (In Russian)

Lapina N.YU. Francija: zhizn' v usloviyah pandemii [France: living in a pandemic], *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the contemporary world], 2022, 2, pp.119–134. <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.02.07>. EDN: NWUTDT. (In Russian)

Macron E. *La Révolution*. Paris: XO, 2016. 270 p.

Perrineau P. *Le Grand écart. Chronique d'une démocratie fragmentée*. Paris: Plon, 2019. 273 p.

Rouban L. *L'électorat de la nupes ou la radicalité dans la divergence: Note de recherche*. Enquête électorale. Vague 11, Juin 2022a.

Rouban L. *Les raisons de la défiance*. Paris: Presses de Sciences PO, 2022b. 172 p.

Rouban L. *La mutation du Rassemblement national. Note de recherche CEVIPOF*, juillet 2022c. Available at: <https://hal-sciencespo.archives-ouvertes.fr/hal-03722314/document> (accessed: 12.07.2022).

Shmelev D.V. Francuzskij centrizm v ispytanii vyborami 2017 g. [French centrism in the test of the 2017 elections], *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2018, 2, pp. 137–155. EDN: XNIWZV. (In Russian)

Teinturier B. *Plus rien à faire, plus rien à foutre. La vraie crise de la démocratie*. Paris: Robert Laffont, 2017. 198 p.

СИСТЕМА АТТЕСТАЦИИ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Сяо Лу, Д.Г. Сельцер

seltser@yandex.ru

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия

Цитирование: Лу С., Сельцер Д.Г. Система аттестации руководящих кадров современного Китая // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 27–55.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.2>

Аннотация. Представлены архетипы аттестационных процедур в Китае. Дан обобщенный очерк развития современной системы аттестации кадров. Проанализированы принципиальные изменения аттестации кадров в годы руководства страной Си Цзиньпином (с 2012 г.). Разбирается действующее на текущий момент «Положение об аттестации государственных служащих». Детализировано содержание аттестационных процедур по критериям «нравственность», «работоспособность», «отношение к работе», «успехи в работе» и «неподкупность». Конкретизированы содержательные признаки этих критериев в практике проверки кадров государственного управления. Классифицированы виды аттестации государственных служащих. Приведены примеры конкретных аттестационных процедур. Выявлено, из чего складываются показатели аттестации и как на них влияет пятимерная система оценочных критериев («нравственность», «работоспособность», «отношение к работе», «успехи в работе» и «неподкупность»). Иллюстрируется на материалах комплексной аттестации руководящих кадров префектуры Чанцзи Синьцзянского автономного района, проведенной в 2020 г., «вес» каждого критерия аттестации. Описана система государственных наказаний кадров и практика партийных взысканий. Подчеркнуто действие принципа «дисциплина перед законом и партийная дисциплина строже закона» — неизбежность партийного взыскания помимо уголовного наказания. Выявлен пересмотр при Си Цзиньпине содержания аттестации кадров КПК и методов кадровой

селекции. Сформулировано авторское видение будущего аттестационных мероприятий КПК — сочетание постоянного научного поиска оптимальных кадровых процедур при использовании технологии больших данных.

Ключевые слова: Китай, КНР, КПК, кадры, кадровая политика, кадровая работа, кадровые процедуры, кадровая аттестация, критерии оценки.

ВВЕДЕНИЕ

Задача авторов и проста, и сложна одновременно. Простота во внешне понятных даже стороннему наблюдателю правилах установления китайского чиновничества и форм его контроля — той самой аттестации руководящих кадров. Казалось бы, их надо просто увидеть, осмыслить и описать.

Сложность же, во-первых, заключается в непохожести кадровых процессов в КНР ни на современную российскую кадровую политику, ни на кадровую политику периода СССР, что порождает для российского исследователя существенные проблемы. Оговоримся, впрочем, что эта ситуация создает для них и большие возможности. В России всегда бытовал стереотип, что кадровая политика КНР возникла как клон советской кадровой политики. Вместе с тем китайская кадровая система вырабатывалась тысячелетиями и во многом наследовала собственный исторический опыт. Это надо отчетливо понимать.

Во-вторых, сейчас происходят большие и спрессованные во времени изменения в кадровой политике КНР. Они связаны с влиянием двух больших трансформаций — цифровой и внутривнутриполитической.

Цифровая трансформация дала властям возможность резко динамизировать процессы кадрового рекрутинга. Чиновник в Китае в полном смысле рождается в цифре. Используются колоссальные возможности цифровых технологий, что в разы повысило и без того невероятно высокий уровень кадровой мобильности в стране.

Внутриполитическая трансформация заметна всем, особенно в свете решений XX съезда КПК (16–22 октября 2022 г.). В прошлом году с японским коллегой Кимитакой Мацузато в статье «Государственная кадровая политика в КНР (время Ху Цзиньтао)», опубликованной в альманахе «Власть и элиты» [Мацузато, Сельцер 2021], мы подвели некоторые итоги нашего совместного эмпирического исследования состояния кадров государственного управления КНР в 2011 г. — последнем

полноценном году руководства страной Ху Цзиньтао (его уход произошел в ноябре 2012 г.). Символизм нашего исследования заключался в том, что одна из трех провинций, где мы работали, была Цзянсу — родина Ху. Все решения «эпохи Ху» доводились там китайскими чиновниками до идеала. Мы вскользь писали тогда, что современная ситуация с кадрами политического управления в КНР существенно иная, чем та, что мы фиксировали в 2011 г. Многие из того, что было можно при Ху, при Си категорически недопустимо. Стал иным кадровый контроль партией всех внутривластных процессов: он теперь требовательнее и жестче, особенно в оценке эффективности управления и моральных оснований всей работы, резко ужесточились аттестационные процедуры — предмет предлагаемой статьи.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Работа по вполне понятным причинам целиком основана на китайских источниках. В КНР — множество сайтов, содержащих самые разные документы, которые регулируют деятельность *ганьбу* — китайских кадровых рабочих (чиновников): инструкции, нормы, правила, условия конкурсных процедур и аттестационных проверок, требования к кандидатам, их формуляры. Этап за этапом мы разбираем нормы и практику установления китайского чиновничества, соотносим наши наблюдения с мнением китайских ученых и вписываем их в текущий политический контекст. Стараемся понять, как политическая реальность влияет на формирование корпуса китайских чиновников. Наши статьи на концептуальном [Зуенко, Сельцер 2022] и практическом [Лу, Сельцер 2022] уровнях обобщили некоторые итоги этой работы.

Одна из специфических черт китайской модели демократии — установление собственной элиты через использование принципа меритократии. Выявление и учет морально-деловых качеств и готовности кандидатов к нравственному служению в ходе конкурсных процедур — одна из важных особенностей китайской модели формирования управленческого класса. Соответственно и все аттестационные процедуры направлены на выявление именно этого.

Единство *сиань* 贤 («превосходной нравственности») и *нэн* 能 («способности») — вот требования к китайскому чиновнику. Проще говоря, вся задача кадровой политики в Китае — это поиск оптимальных *сиань* и *нэн* в людях, претендующих на участие в управлении страной на всех

уровнях. Это обстоятельство накладывает на претендентов два требования. Во-первых, руководитель должен иметь высокий моральный уровень. Во-вторых, руководитель должен уметь управлять страной.

В кадровой политике КНР есть два ключевых этапа — отбор и контроль. Китайская модель кадрового рекрутинга строится по методу не выборов, а именно отбора. 2100 лет назад китайцы впервые попытались рекрутировать чиновников через выборы методом *джу сяо лян* 举孝廉. Однако, поскольку право выдвигать кандидатуры было в руках местных губернаторов, вскоре проявился недостаток метода — большинство выборных должностных лиц оказались выходцами из богатых семей. Появилось понимание, что важны не столько выборы, сколько отбор, где можно отобрать из масс людей наиболее достойных. Появилась гибридная схема выбора людей через формирование механизмов их продуктивного отбора. 1300 лет назад китайцы впервые пытались рекрутировать чиновников через экзамен (*кэцзюй*). Преимущество такого метода установления элиты в том, что это более справедливо и независимо от происхождения — у каждого есть шанс стать чиновником. Так система была дополнена механизмом экзамена.

Сегодняшняя кадровая политика в Китае продолжает идею «выбор через отбор + экзамены». Экзамен демонстрирует всестороннюю квалификацию кандидата, собеседование как часть отбора позволяет минимизировать риски неверных решений.

Кадровые процессы развиваются по пяти линиям — открытое выдвижение (1), экзамен (2), аттестация кадров (3), кадровая ротация (4), децентрализация аппаратного управления (усиление кадров локального уровня и высокое качество низовой демократии на стадии обсуждения решений) (5). Эти практики, по сути, были закреплены в проекте «Временного положения о госслужащих» (1988).

Есть еще один ключевой принцип — подчинение общей дисциплине, исходящей от КПК и цементирующей все кадровые процессы, система партийного контроля. Именно она настаивает на том, чтобы чиновник соответствовал высоким моральным принципам (прежде всего не был коррумпирован) и был дисциплинирован даже более, чем того требует закон.

Профессор Фуданьского университета Фань Юнпэн считает, что западная политическая наука сосредоточена на изучении права, режимов и систем, но игнорирует вопрос о формировании натального политического порядка как главной ценности любой страны [Фань 2020].

Особый порядок установления китайского национального чиновничества, способы его контроля и аттестации и есть один из элементов такого порядка. Результаты аттестации являются основой для отбора и назначения, подготовки и обучения, соподчиненности и подотчетности, размера заработной платы. В Китае считается очень важным понять, как повысить научный и объективный характер аттестации кадров. Именно эта задача решается сейчас в ходе реформы системы аттестации кадров КПК.

ИСТОКИ СИСТЕМЫ АТТЕСТАЦИИ КАДРОВ КИТАЯ

Аттестационные процедуры возникла в системе *као кэ* 考课 в древнем Китае. Она называлась *шан цзи* 上计 (*шан* означало отчетность перед начальником, *цзи* — фиксирование оценки на бамбуковых дощечках). В конце каждого года местные чиновники проводили оценку подчиненных, фиксируя ситуацию на бамбуковых дощечках, и сообщали о ней императорскому двору. Содержание оценки учитывало следующие критерии — сбор налогов, динамику народонаселения, возделывание земли и общественную безопасность. Оценка должностных лиц подразделялась на шесть степеней. Высшая называлась *лян шань* 廉善 («честный и с отличными политическими достижениями»), что отражало значение морального облика чиновника [Чжао 2016]. Во времена династии Хань частота аттестаций была уточнена: малая аттестация (каждый год) называлась *чанг ке* 常课, а большая аттестация (раз в три года) — *да ке* 大课. В то же время была установлена система урвневой аттестации: чиновники центрального правительства аттестовали чиновников каждого уезда, а затем чиновники каждого уезда аттестовали чиновников подчиненных уездов. При династии Тан система *као кэ* была усовершенствована созданием *као гуна* 考功司 — отдела оценки должностных лиц, а также введением официальной должности наблюдателя (*цзянь као ши* 监考使) для надзора за процессом оценки. Во время правления императора Сюаньцзуна из династии Тан был обнародован самый ранний административный кодекс Китая «Тан Лю Дянь» (唐六典), и система *као кэ* специально прописывалась в кодексе, что усилило нормативный характер аттестации. При династии Сун большее внимание уделялось стажу чиновников, при этом главными оценками были стаж и эффективность работы чиновников, а административный опыт стал ключевым основанием для продвижения по службе. Династии Мин и Цин имели

в целом один и тот же метод оценки чиновников, который в основном делился на *цзин ча* 京察 («аттестация центральных чиновников») и *вай ча* 外察 («аттестация местных чиновников»). Во времена династии Мин чиновники центрального уровня оценивались каждые шесть лет, а местные чиновники — на три года. При династии Цин аттестация следовала каждые три года во всех случаях. К этому времени система *као ке* полностью сложилась: были хорошо понятны периоды аттестации, аттестующие органы, характер аттестации, ее критерии, поощрения и наказания, а анализ повседневного поведения (*бу цзинь* 不谨¹) и состояния здоровья (*лао бин* 老病²) стали частью аттестации. Су Сюнь 苏洵 из династии Сун в «Цзяоцзи» 嘉祐集 упоминает, что «пока есть чиновники, есть аттестация, а пока есть аттестация, есть награды и наказания (有官必有课, 有课必有赏罚). Это требование к чиновникам — быть последовательными в своих полномочиях и обязанностях (полномочия должны быть соизмеримы с обязанностями, которые они на себя берут) — оказало глубокое влияние на современный Китай.

СИСТЕМА АТТЕСТАЦИИ КАДРОВ КПК

Система аттестации кадров КПК возникла при основании партии и до создания нового Китая была известна как *шен ча* (审查), после основания страны — *као ча* 考察 и *цзянь дин* 鉴定, и только после третьего пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (8–22 декабря 1978 г.) унифицирована как *као хэ* 考核 («аттестация») [Ян 1996].

Во время демократической революции 1927–1949 гг. КПК еще не разработала систему аттестации кадров в подлинном смысле этого слова, и основной целью *шен ча* в этот период была борьба за внутреннее партийное единство, устранение шпионов и скрытых врагов. В июле 1940 г. в «Инструкции Центрального комитета КПК по проверке кадров» (中共中央关于审查干部问题的指示) было четко сказано: создается секция кадров для проверки политической преданности членов партии, их работоспособности, социальных связей, семейного положения, сильных и слабых сторон с целью рационального распределения кадров

¹ Одним из замечаний, сделанных в адрес чиновников династии Мин, было то, что их поведение не соответствовало конфуцианским нормам.

² Один из комментариев, сделанных о чиновниках династии Мин, говорит об их критической старости или болезнях.

и выявления шпионов, предателей и опасных элементов. Инструкция регулировала процедуры внутрипартийных проверок — самостоятельное заполнение анкет, беседы, составление справок и вынесение заключений на заседаниях секции кадров [Документоведение 2011]. В ноябре 1949 г. в «Положении о работе по идентификации кадров» (关于干部鉴定工作的规定), составленном Центральным организационным отделом, указывалось, что основная цель отдела идентификации кадров изменилась с предотвращения и устранения предателей на содействие повышению качества кадров и кадровой работы. Причем качество определялось в основном по двум аспектам: «мораль» (политические качества) и «способности» (работоспособность и деловой уровень) [Луо, Чжао 2009]. Конференции в Ханчжоу и Наньине, состоявшиеся в 1958 г., подчеркнули единство политики и деятельности как содержания аттестации кадров — «красной и специализированной» (又红又专) норм аттестации кадров. «Красная» подчеркивала политическую позицию и фокусировалась на том, поддерживает ли человек руководящую роль партии и социалистический путь; «специализированная» означала способность учиться и овладевать навыками построения социализма. Обнародованный в 1964 г. «Пробный проект Положения об управлении научно-техническими кадрами» (科学技术干部管理工作条例试行草案) требовал, чтобы ведущие научно-технические кадры оценивались по стандарту «красный и профессиональный» [Цзя 2021]. Во время «культурной революции» система аттестации кадров была подорвана и постепенно восстановлена только после третьего пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва.

В ноябре 1979 г. Организационный отдел ЦК КПК издал документ «Мнения по внедрению системы аттестации кадров» (关于实行干部考核制度的意见), в котором была официально закреплена система аттестации, подробно определены принципы, методы и цели аттестации, подчеркнуты четыре аспекта аттестации: нравственность (德), работоспособность (能), отношение к работе (勤), успехи в работе (绩) [Лю 2009]. В августе 1995 г. Центральный организационный отдел выпустил «Уведомление об усилении и улучшении оценки эффективности работы партийных комитетов и руководителей правительства в уездах (городах)» (关于加强和完善县(市)党委、政府领导班子工作实绩考核的通知), где критерий «реальные достижения» стал ключевым содержанием аттестации, а такие показатели, как общая стоимость промышленной продукции, налоговые поступления, выработка сельскохозяй-

ственной продукции, инвестиции в инфраструктуру, стали центром оценки¹. Эта процедура управления эффективностью работы сотрудников, в которой формулируются, выполняются, оцениваются цели и обязанности, привела к выстраиванию количественных оценок целевых обязанностей, отличающихся от традиционной качественной оценки. Реформа позволила оценивать кадры с помощью более объективных количественных показателей, значительно мобилизуя инициативу кадров в развитии экономики и в то же время транслируя сверху вниз цели, обязанности и требования к кадрам в интересах экономического развития страны.

Однако модель «политического турнира», основанная на показателях ВВП, привела и к негативным последствиям, таким, например, как увлечение кадров экономическими, имиджевыми показателями и проектами эффективности [Шэн, Цай 2018]. Кроме того, экстенсивный экономический рост привел к серьезному ущербу для окружающей среды. Поэтому в декабре 2005 г. Государственный совет принял «Решение о реализации научной перспективы развития и усиления охраны окружающей среды» (关于落实科学发展观加强环境保护的决定). Оно включало охрану окружающей среды, энергосбережение и сокращение выбросов в качестве важного содержания оценки кадров. Примечательно, что именно тогда в методы оценки включаются опросы общественного мнения [Хоу 2007]. В ноябре 2012 г. XVIII съезд КПК выступил с предложением «улучшить механизм анализа и оценки кадров и продвигать ведущие кадры, чтобы установить правильный взгляд на достижение политических результатов». В декабре 2013 г. Организационный отдел ЦК КПК издал «Уведомление об улучшении аттестации руководящих групп и ведущих кадров местных партий и правительств» (关于改进地方党政领导班子和领导干部政绩考核工作的通知), которое ослабило значение темпов экономического развития в системе аттестации, сделав больший акцент на качество и эффективность развития².

¹ 关于加强和完善县(市)党委、政府领导班子工作实绩考核的通知 // 中国政府网 [Уведомление об усилении и улучшении оценки эффективности работы партийных комитетов и руководителей правительства в уездах (городах) // Правительственная сеть Китая]. URL: <http://www.gov.cn/gongbao/shuju/1995/gwyb199512.pdf> (дата обращения: 22.05.2022).

² 关于改进地方党政领导班子和领导干部政绩考核工作的通知 // 中国共产党新闻网 [Циркуляр о совершенствовании оценки деятельности местных

В ноябре 2020 г. Организационный отдел ЦК КПК издал «Уведомление о совершенствовании оценки деятельности по продвижению высококачественного развития» (关于改进推动高质量发展的政绩考核的通知), где говорилось, что «равенство, счастье и безопасность народа будет рассматриваться как важный критерий оценки деятельности ведущих кадров по продвижению высококачественного развития, а в центре внимания оценки будут народное благоденствие и интересы народа»¹.

СИСТЕМА АТТЕСТАЦИИ КАДРОВ ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ

Развитие Китая всегда вращалось вокруг идей справедливости и эффективности, а критерии аттестации кадров всегда основывались на текущих целях развития страны. На Национальной конференции по организационной работе, состоявшейся в июле 2018 г., Си Цзиньпин предложил новые требования к оценке кадров с точки зрения регионального разнообразия и различий в административных позициях: «Для усиления классификационной аттестации территории с разной обеспеченностью ресурсами, базовым уровнем, стадией развития и позиционированием основной функциональной области должны рассматриваться по-разному с точки зрения содержания аттестации. ...должны быть разные требования к оценке для ключевых ведущих кадров и членов групп и для тех, кто занимает разные должности» [Ма 2021].

На X заседании Центральной финансово-экономической комиссии 17 августа 2021 г. Си Цзиньпин выступил с речью «Твердое продвижение всеобщей зажиточности» (扎实推动共同富裕), из которой следует, что целью развития страны больше не является концентрация усилий на высоких темпах экономического роста, а усилия направляются на

руководящих групп партии и правительства и ведущих кадров // Сеть новостей Коммунистической партии Китая] URL: <http://tenshi.people.com.cn/n/2013/1210/c139617-23793409.html> (дата обращения: 21.05.2022).

¹ 中共中央组织部关于改进推动高质量发展的政绩考核的通知 // 共产党员网 [Уведомление Организационного отдела Центрального комитета Коммунистической партии Китая о совершенствовании оценки эффективности для продвижения высококачественного развития // Сеть членов Коммунистической партии]. URL: <https://www.12371.cn/2020/11/05/ARTI1604550625321414.shtml> (дата обращения: 21.05.2022).

устранении разрыва между богатыми и бедными¹. На этом фоне «Положение об аттестации государственных служащих»², принятое в окончательном виде годом ранее³, внесло новые изменения в содержание, результаты, процессы и применение результатов аттестации: во-первых, она больше не основывается на росте ВВП; во-вторых, в качестве основного показателя при аттестации используется «высококачественное развитие»; в-третьих, больше внимания уделяется построению «экологической цивилизации» [Цюй 2019].

Статья 4 «Положения...» (公务员考核规定) указывала, что аттестация государственных служащих должна основываться на должностных инструкциях и рабочих задачах, выполняемых государственным служащим, комплексной оценке нравственности (德), работоспособности (能), отношения к работе (勤), успехов в работе (绩) и неподкупности (廉) с акцентом на политические качества и эффективность работы, что продемонстрировано нами в таблице 1⁴.

Аттестацию государственных служащих бывает обычной, специальной и регулярной. Обычная аттестация — периодическая оценка повседневной работы государственного служащего и выполнения им своих обязанностей. Процедура — получение от испытуемого личного резюме, его рассмотрение, оценка, по результатам — организация обратной связи.

Специальная аттестация — целенаправленная оценка политической деятельности, ответственности, роли в организации и фактической эффективности государственных служащих при выполнении ими важ-

¹ 扎实推动共同富裕 // 求是网 [Твердое продвижение всеобщей зажиточности // Сеть «Цю Ши». URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-10/15/c_1127959365.html (дата обращения: 22.05.2022).

² 公务员考核规定 // 共产党员网 [Положение об аттестации государственных служащих // Сеть Коммунистической партии]. URL: <https://www.12371.cn/2021/01/11/ART11610349207260939.shtml> (дата обращения: 22.05.2022).

³ «Положение об аттестации государственных служащих» рассмотрено и утверждено на заседании Министерства организации ЦК КПК 26 декабря 2006 г., издано Министерством организации и Министерством кадров ЦК КПК 4 января 2007 г., пересмотрено на заседании Министерства организации ЦК КПК 8 декабря 2020 г. и издано Министерством организации ЦК КПК 28 декабря 2020 г.

⁴ 公务员考核规定 // 共产党员网 [Положения об аттестации государственных служащих // Сеть членов Коммунистической партии]. URL: <https://www.12371.cn/2021/01/11/ART11610349207260939.shtml> (дата обращения: 22.05.2022)..

Таблица 1

Содержание аттестации государственных служащих Китая

Критерии аттестации	Содержание критериев аттестации
Нравственность (德)	Политические качества и моральное поведение, владение идеями Си Цзиньпина о социализме с китайскими особенностями. Реализация «четырёх сознательностей», «четырёх уверенностей» и «двух защит». Культивирование основных социалистических ценностей, профессиональной и социальной этики, семейных и личных добродетелей
Работоспособность (能)	Политические способности, работоспособность и профессионализм. Политическая проницательность, способности к исследованию, управлению, работе с массами, коммуникации и координации, реформам и инновациям, действиям в чрезвычайных и других ситуациях
Отношение к работе (勤)	Психическое состояние и стиль работы. Верность долгу, соблюдение трудовой дисциплины, любовь к работе, трудолюбие и ответственность, инициатива, самоотдача
Успехи в работе (绩)	Умение ставить во главу угла интересы людей, выполнять должностные обязанности в соответствии с законом и брать на себя срочные и трудные задачи. Понимание количества, качества, эффективности работы и эффектов, получаемых от ее выполнения
Неподкупность (廉)	Неподкупность и выполнение восьми положений ЦК КПК. Бескорыстие, самодисциплина и беспристрастность

ных специальных заданий (или при выполнении срочных и сложных задач в критические моменты). Процедура — всесторонняя проверка аттестуемого, исследование его разнообразных качеств, по результатам — организация обратной связи.

Регулярная аттестация — ежегодная (календарная) комплексная оценка общей эффективности работы государственного служащего. Проводится в конце каждого календарного года или в начале следующего года и учитывает весь комплекс требований к работающему. Что касается результатов аттестации, то к первоначальному оценкам «отлично», «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» при Си добавлена оценка «в принципе удовлетворительно».

Третья глава «Положения...» устанавливает процедуры аттестации государственных служащих, при этом основную ответственность за нее несет комитет КПК (партийная группа), а конкретные обязанности возлагаются на организационный (кадровый) отдел самой организации (табл. 2).

Таблица 2

Процедуры аттестации государственных служащих Китая

Этапы аттестации	Содержание этапа аттестации
1. Самоотчет	Государственные служащие подводят итоги в соответствии с должностными обязанностями, годовыми целями, задачами и необходимыми требованиями, заполняя регистрационную форму ежегодной оценки государственных служащих
2. Внешняя демократическая оценка	Государственные служащие, занимающие руководящие должности, подлежат внешней демократической оценке в форме опросов по их деятельности. Другие государственные служащие проходят внешнюю демократическую оценку по мере необходимости
3. Проверка	Сбор информации о государственных служащих посредством индивидуальных интервью с ними, опросы населения, анализ комментариев в интернете. При необходимости — запрос мнения органов инспекции и надзора за дисциплиной
4. Оценка начальника	Руководитель проводит всесторонний анализ деятельности государственного служащего, пишет целевой комментарий, дает рекомендации по результатам оценки и пожелания по улучшению
5. Определение результата	Руководитель органа или уполномоченная оценочная комиссия определяет результаты оценки. Гражданский служащий с отличной оценкой будет популяризирован в организации в течение пяти рабочих дней. Результаты аттестации доводятся до сведения гражданского служащего в письменной форме и подписываются им

Четвертая глава «Положения...» регулирует использование результатов оценки. В статье 21 говорится, что если два года подряд государственный служащий квалифицируется оценкой «удовлетворительно», его административная позиция должна быть скорректирована (очевидно, что он будет понижен). Статья 22 предусматривает увольнение чиновника в том случае, если оценка «неудовлетворительно» ставится ему

в течение двух лет подряд. К бездействующим чиновникам, следовательно, применяется механизм автоматического увольнения.

КЕЙС ПРЕФЕКТУРЫ ЧАНЦЗИ

Как же в практической реальности выстроены показатели аттестации на основе пятимерной системы «нравственность — работоспособность — отношение к работе — успехи работы — неподкупность»? В качестве примера возьмем оценку кадров префектуры Чанцзи Синьцзянского автономного района в 2020 г. Система оценки и этой аттестации представлена в таблице 3 [Хуан 2021].

Таблица 3

Система аттестации и оценки руководящих кадров уездного уровня префектуры Чанцзи

Позиции аттестации	Содержание аттестации	«Вес» оценки, балл
Предотвращение и контроль вспышек эпидемий (15 баллов)	Усиление систем профилактики и контроля эпидемий, осуществление различных мер профилактики и контроля и т.д.	15
Экономическое и социальное развитие (25 баллов)	Высококачественное развитие	10
	Предупреждение и контроль рисков	3
	Предотвращение и контроль загрязнения окружающей среды	4
	Возрождение села	4
	Развитие туризма	4
Поддержание стабильности (25 баллов)	Комплексное управление социальным порядком и безопасностью	10
	Фанг хуэй джу ¹ (работа «внизу»)	4
	Национальное единство, религиозная деятельность	4
	Идеологическая работа	4
	Сетевая безопасность	3

¹ Фанг хуэй джу — направление кадровой работы: фанг 访 («посещение»), хуэй 会 («встреча»), джу 聚 («собрание»). Направление требует, чтобы кадры шли работать на самый низкий уровень чиновничьей иерархии — в сельскую местность.

Окончание табл. 3

Позиции аттестации	Содержание аттестации	«Вес» оценки, балл
Строгое внутрипартийное управление (10 баллов)	Помощь низовым слоям населения	2
	Создание и реализация системы «не забывай, с чего начал, и твердо помни о своей цели»	2
	Кадровое строительство	2
	Внедрение комплексного строгого управления. Основная ответственность партии	2
	Антикоррупционная работа	2
Улучшение условий жизни людей (10 баллов)	Производственная безопасность и управление чрезвычайными ситуациями	2
	Продовольственная безопасность.	2
	Планирование рождаемости.	2
	Безопасность пищевых продуктов, безопасность лекарств.	2
	Работа для ветеранов.	1
	Конфиденциальность.	1
Программа интенсивной ликвидации бедности (10 баллов)	Сочетание комплексного искоренения бедности и возрождения села	10
Углубление реформы (5 баллов)	Реализация основной ответственности за реформу. Выполнение стратегических годовых задач	5

С точки зрения весомости оценки, наиболее важной задачей в Чанцзи является борьба с коронавирусом. Кроме того, заметна ориентация на сохранение экологической среды при развитии экономики и туризма на основе преимуществ собственных ресурсов. Несмотря на то что уйгурское население Синьцзяна за последние 60 лет выросло с 2,2 до 12 млн человек, СМИ США скептически оценивают успехи центрального и местного правительств по развитию территории. Между тем практика аттестационных процедур демонстрирует в Синьцзяне четкую критериальную нацеленность его чиновничества на развитие.

Итак, аттестация кадров во времена Си Цзиньпина приобрела ярко выраженный региональный характер, когда различные провинции развивают местные отрасли в соответствии с собственными ресурсами и функциями, а не просто стремятся к высокому росту ВВП. Акценты системы оценки и аттестации смещены к жизнеобеспечению населения.

ПАРТИЙНАЯ ДИСЦИПЛИНА СТРОЖЕ ЗАКОНА

В практической повестке в системе аттестации кадров при Си Цзиньпине наибольшее значение придается моральным требованиям к кадрам. Си Цзиньпин подчеркивает, что «руководящие кадры должны говорить о политической добродетели (политических делах и добродетели). Политическая добродетель — это флюгер для морального строительства всего общества. Чтобы установить политическую добродетель, мы должны понимать великую добродетель (明大德) (для членов партии и кадров, особенно ведущих кадров, понимать великую добродетель означает иметь принципы и быть преданным государству и народу. — Л.С., Д.С.). Самое главное — быть хорошим и честным человеком, соблюдать общественную мораль (守公德) и быть строгим в частной морали (严私德)» [Сань 2021]. Однако качество добродетели является внутренним и скрытым. Особенно это касается частной добродетели отдельного человека, ведь его жизнь вне службы трудно отразить через показатели системы аттестации кадров, и их необходимо отслеживать с помощью других систем.

В древнем Китае чиновников сурово наказывали, а тех, кто имел низкие моральные стандарты или не обладал достаточными навыками управления, не только снимали с должности, но и могли посадить в тюрьму, сослать или даже казнить. В современном Китае существуют отрицательные примеры жизни чиновников вне работы, проявляющиеся из-за недостатка их нравственных качеств. Причем их действия могут и не являться уголовными преступлениями. Однако чиновники по определению должны обладать высоким нравственным уровнем и способностями. Этот консенсус, сложившийся в обществе на протяжении тысячелетий, уже стал в Китае универсальным ценностным принципом, так что в современной КНР существует четкое правило: «Партийная дисциплина строже закона». Например, измена в браке и жизнь в роскоши не противоречат закону, но противоречат партийной дисциплине. В сочетании с особенностями китайской кадровой системы дисциплина,

создаваемая КПК, имеет большой размах и интенсивность сдерживания этих негативных тенденций. Руководители партийных и государственных органов, бюджетных учреждений, государственных предприятий и общественных организаций связаны партийной дисциплиной. По некоторым китайским оценкам, интенсивность фактора партийной дисциплины выше, чем ответственность западных политических деятелей перед законом [Чжоу, Юань 2015]. Наказания для членов КПК в Китае гораздо более суровы. «Положение о дисциплинарном взыскании КПК» (中国共产党纪律处分条例), пересмотренное в 2018 г., предусматривает 10 категорий дисциплинарных нарушений: нарушения политической дисциплины; нарушения организационной и кадровой дисциплины; нарушения правил честности и самодисциплины; коррупция и взяточничество; действия, подрывающие социалистический экономический порядок; нарушение финансовой дисциплины; неисполнение обязанностей и манкирование службой; нарушение прав членов партии и гражданских прав; деяния, грубо нарушающие социалистическую мораль и препятствующие общественному управлению. Существуют пять видов дисциплинарных взысканий для членов партии: предупреждение, строгое предупреждение, снятие с партийной должности, оставление в партии с испытательным сроком и исключение из партии. Последствия каждого партийного взыскания для карьеры чиновника показано в таблице 4¹.

Таблица 4

Партийные дисциплинарные взыскания

Виды партийных взысканий	Последствия партийных взысканий
Предупреждение, строгое предупреждение.	В течение одного года после получения предупреждения и в течение полутора лет после получения строгого предупреждения чиновник не может быть повышен в должности внутри партии и не может занимать должность вне партии выше своего прежнего ранга
Снятие с партийной должности	Увольнение из партийного органа. Рекомендация об увольнении для тех, кто занимает должность вне партии

¹ 中国共产党纪律处分条例//共产党员网 [Положение о дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая // Сеть членов Коммунистической партии]. URL: <https://www.12371.cn/2018/08/27/ART11535321642505383.shtml> (дата обращения: 20.05.2022).

Окончание табл. 4

Виды партийных взысканий	Последствия партийных взысканий
Оставление в партии с испытательным сроком	Снятие с партийной должности. Рекомендация об увольнении для тех, кто занимает должность вне партии. В течение двух лет после восстановления прав члена партии чиновник не может занимать должность в аппарате партии, а вне партии — эквивалентную или более высокую, чем его прежняя должность
Исключение из партии	Запрет нового вступления в партию в течение пяти лет, а также быть рекомендованным на должность вне партии, эквивалентную или более высокую, чем его прежняя должность

Если член партии нарушает закон, помимо уголовного наказания, в соответствии с законом, он также подвергается дисциплинарному взысканию, что как раз и отражает принцип «партийная дисциплина строже закона» (纪在法前、纪严于法).

БУДУЩЕЕ СИСТЕМЫ АТТЕСТАЦИИ КАДРОВ КПК

Система аттестации кадров при Си Цзиньпине, помимо нового положения о содержании аттестации, содержит указания по методу аттестации. В апреле 2019 г. Главное управление ЦК КПК издало «Положение о работе по оценке руководящих кадров партии и правительства» (党政领导干部考核工作条例), в статье 48 которого говорится, что организационные (кадровые) отделы должны укреплять информационные технологии работы по оценке, полностью использовать интернет- и информационные технологии для проведения оценки, повышать качество и эффективность работы¹. Существующие методы аттестации показали очевидные недостатки. Во-первых, понять качество работы и проверить реальные достижения можно прежде всего в формах самообследования, собеседования и опросной техники, где не всегда возможны стандар-

¹ 中共中央办公厅印发《党政领导干部考核工作条例》//中华人民共和国中央人民政府网 [Главное управление ЦК КПК издает Положение об аттестационной работе руководящих кадров партии и правительства // Сайт Центрального правительства Китайской Народной Республики]. URL:http://www.gov.cn/zhengce/2019-04/21/content_5384955.html (дата обращения: 25.05.2022).

тизированные методы количественной оценки. Во-вторых, в силу неразвитости информационных технологий в кадровых службах Китая существенно уменьшается значение демократических оценок деятельности чиновников: опросы зачастую остаются пустой формальностью.

С развитием сетевых технологий и реформой цифрового правительства большие данные постепенно находят все большее применение, ведь как крупнейший владелец информационных ресурсов правительство имеет беспрецедентное преимущество в сборе и обработке данных. Работа по аттестации кадров с использованием больших данных, сбор массивов информации по всем аспектам и формирование баз данных, а затем проведение всестороннего количественного исследования с помощью интеллектуального анализа данных и применения других методов, полученные результаты становятся существенно более объективными, справедливыми и являются верным способом аттестации кадров.

Фэн Лян в 2019 г. исследовал систему аттестации кадров в городе J провинции Хубэй и обобщил ее с точки зрения содержания, метода и результатов [Фэн 2019]. Система берет за основу пятилетние планы провинций и городов и ежегодные отчеты о работе партийных комитетов и правительств. Далее она дробит все важные задачи на четкие рабочие элементы и анализирует их по департаментам и ответственным лицам. Объем работы является фокусом анализа больших данных. Список конкретных ежемесячных и ежегодных целей представлен на рисунках (снимках экрана) 1 и 2.

Что касается методов оценки, то четыре основных компонента — *цзи* 记, *шай* 晒, *као* 考 и *юн* 用. *Цзи* — это система, в которой кадры фиксируют цели своей работы, процесс выполнения и достигнутые результаты, как показано на рисунке (снимке экрана) 3.

Шай означает, что содержание документации в определенной степени обнародуется и станет предметом контроля со стороны администрации и общественности. *Као* — это оценка работы кадров на регулярной основе. *Юн* — применение результатов аттестации для ежегодной аттестации кадров, оценки заслуг, продвижения, назначения и т.д.

Результаты аттестации, выводимые с платформы оценки эффективности работы кадров, делятся на четыре оценки — А, В, С и D, причем на первые три оценки приходится максимум 10, 20 и 70 % от общего числа аттестаций, а оценка D не ограничена (рис. 4).

我的绩效
我要请假

2018年 八月 查看

Дата

年度目标清单: Годовая цель

全年奖惩记录: Запись о наградах и взысканиях в течение года

2018年8月份绩效表

本月目标清单: (条文式, 200字以内) 分管领导: 当前字数: 88

党建责任

(本栏目仅各地各单位党员领导干部填写)

Руководители, ответственные за проект

- 1、协助领导开展创建全国文明城市工作, 搜集资料, 协调相关工作;
- 2、协助班长定期开展“书香组工”学习活动, 组织参加市直机关干部写作技能大赛;
- 3、办公室日常工作和其他领导交办工作.

Цель на месяц

提交
审核通过

Рис. 1. Ежемесячные цели

年度目标清单
年度实现清单

项目名称

年份 2018

分类 请选择类别

目标任务

重要提示: 1、目标清单要求填报5-10条; 2、清单确定提交后, 由分管领导审核后发布, 分管领导有修改、调整的权限; 3、清单中的“目标任务”将直接链接到年底实施清单中, 作为年度工作体现核心, 体现争先进步, 体现主动作为, 全是常规工作的将影响年底评价。

2018 查看

序号	项目名称	目标任务	目标分类评价
1	做好网宣、组工信息工作	保质保量完成网宣、组工信息工作, 督促市区进一步提高信息质量, 增加信息数量	争先进位类
2	高质量完成领导交办的各类材料	对于领导交办的各类材料, 做到完成及时、质量有保障。	日常类
3	机关人事工作	做好机关干部遴选、调动、转正、绩效考核等工作。	日常类
4	机关党建、机关纪委工作	协助机关党委、机关纪委做好机关党建、党风廉政建设各项工作。	重要任务类
5	机关日常事务	协助领导做好办公厅(室)、计划生育、综合治理、法制建设、保密安全、文明创建等工作, 落实各项工作任务。	日常类

Название проекта

Индивидуальные цели задания

Определение приоритетов проектов

Рис. 2. Годовые цели

Что касается текущей ситуации с аттестацией кадров в местных органах власти в Китае, технологии больших данных позволили решить два застарелых недостатка, не решаемых с использованием других методов.

Во-первых, большие данные активизируют механизм стимулирования инициативы в организации, что значительно нарушает эгалитарную

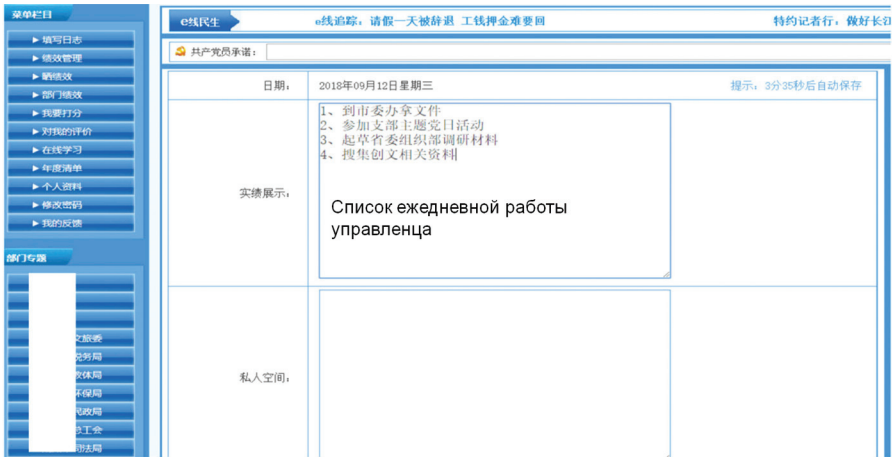

Рис. 3. Ежедневная работа чиновника

考评表						
2018年		七月 - 八月				
-科室负责人		其他干部				
提示: 点评和评分结果确认后, 请于30号以前点击页面下的【确定】按钮, 否则视为无效点评和评分						
姓名	自荐主要绩效	分管领导点评	评分			
Имя 彭伟	7月, 1. 开展支部主题党日活动, 2. 推进创建全国文明城市相关工作, 3. 完成保密工作、机关党建七个专项整治检查, 4. 协助部领导落实河湖长制工作, 5. 办公室其他日常工作。 [详细] 8月, 1. 处理挂职人员相关工作2. 研究挂职干部住宿问题 3. 参与研究机关党委相关工作 [详细]	Комментарии ответственного руководителя	优	良	一般	差
			98分	87分	70分	55分
			94分	84分	65分	50分
			90分	81分	60分	45分
			Оценка			
姓名 钟真	7月, 做好部机关财务日常整理审核报销工作; 做好部机关纪检日常工作; 办理部机关工作人员工资调整补发、养老保险有关事宜; 做好部机关固定资产政府采购、资产清查、印章管理、公务接待、信访接待、会务服务和后勤保障、文书档案日常查阅等工作; 到银行、人社局、财政局、行管局、医保局、公积金管理中心等相关部门联系办理。 [详细] 8月, 做好部机关财务日常整理审核工作; 做好部机关干部2018年医保年检数据审核上报工作; 做好部机关财务预		优	良	一般	差
			98分	87分	70分	55分
			94分	84分	65分	50分
			90分	81分	60分	45分

Рис. 4. Результаты аттестации кадров

традицию «есть из общего котла». Ли Юаньчжэнь и Лу Дэвэнь в 2022 г. провели исследование в уезде S провинции Чжэцзян и обнаружили, что там для аттестации кадров на основе технологии больших данных используется интеллектуальная офисная «Тянь Гунсистема». Система связала результаты аттестации с материальным вознаграждением. При этом индивидуальные награды за работу по итогам года = «вес» каж-

дого балла × количество баллов × коэффициент должности. Общая премия за работу в конце года, полученная подразделением на основе рейтинга работы всей структуры, делилась на общее количество баллов, заработанных всеми сотрудниками подразделения, что приблизительно составляло 240 юаней за балл в 2020 г. для отделов класса I округа S. Балл — это общая оценка работы человека в течение года. Чем больше ключевых работ и проектов выполнено, тем выше и балл за индивидуальность, и общий балл. Коэффициент должности в основном зависит от ранга должности сотрудника, который составляет 0,85 для бюджетного учреждения, 1 для общих кадров, 1,7 для заместителя руководителя подразделения, 2,0 для руководителя подразделения. Ученые пришли к выводу, что «в 2020 г. ряд сотрудников подразделений первой категории получили более 30 000 юаней, в то время как такие подразделения, как Федерация культуры и Ассоциация науки и техники, — всего несколько тысяч юаней. Для небольшого уезда в горном районе на юго-западе Чжэцзяна такая разница в стимулирующих выплатах за работу показывает очень четкую степень различий» [Ли, Лу 2022].

Во-вторых, большие данные решают проблему устранения формализма в работе низовых организаций. В прошлом низовые кадры должны были доказывать свою состоятельность, оставляли «следы» (письменные материалы) по всему, чем занимались, что не только увеличивало нагрузку на них, но и приводило к проблеме формализма на низовом уровне. Аттестация кадров, основанная на технологии больших данных, решает проблему «самопродвижения» кадров. Вместо индивидуального изучения рабочей ситуации интеллектуальная офисная система способна представить ход работы, проделанной человеком, в виде естественного результата. Итог таков: «В начале 2020 г. количество вопросов надзора, инспекции и аттестации центральных и государственных органов, включенных в план, было сокращено с 96 в 2019 г. до 50, включенные в годовые планы провинций, автономных районов и муниципалитетов вопросы сократились на 30 %, а модель «интернет + надзор» повысила эффективность работы»¹.

¹ 破形式主义之弊 减基层负担之重 — 2020 年以习近平同志为核心的党中央深化拓展基层减负工作纪实 // 新华网 [Устранение формализма и снижение нагрузки на низовой уровень: хроника работы Центрального комитета партии с товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра в 2020 году по углублению и расширению работы по снижению бремени на низовом уровне // Синьхуанет].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система аттестации кадров КПК уходит корнями в древнекитайскую систему *као ке* и наследует традицию поиска моральных акцентов в деятельности чиновников. Элементы кадровой аттестации в разные периоды КПК определялись целями развития страны и задачами партийного строительства. До реформы и открытости самым важным была «политическая безопасность», а после реформы и открытости самой насущной потребностью страны стал «экономический рост». Соответственно критерии оценки кадров изменились с «красных и профессиональных» на «реальные достижения и способности». Экстенсивный экономический рост нанес серьезный ущерб экологической среде, и охрана окружающей среды, энергосбережение и сокращение выбросов стали важными показателями аттестации.

С приходом к власти Си Цзиньпина, с повышением уровня доходов населения Китая наиболее актуальной проблемой, которую необходимо решить, является сокращение разрыва между богатыми и бедными и достижение общего процветания. Аттестация кадров в основном имеет три характеристики: оценка, во-первых, больше не основывается на росте ВВП; во-вторых, рассматривает «высококачественное развитие» как основной показатель; в-третьих, сосредоточена на строительстве экологической цивилизации.

Аттестация проводилась по пяти параметрам: «нравственность (德), работоспособность (能), отношение к работе (勤), успехи в работе (绩) и неподкупность (廉)». После XVIII съезда КПК были проверены и наказаны в общей сложности 414 чиновников центрального управления (на уровне от заместителя министра или выше), 18 000 чиновников провинциального и 137 000 чиновников уездного уровней¹. После значительных успехов в борьбе с коррупцией акценты в аттестации перенесены на проблемы бездействия кадров и совершенство-

URL:http://www.xinhuanet.com/politics/2021-01/14/c_1126982835.html (дата обращения: 25.05.2022).

¹十八大以来，414名中管干部、1.8万厅局级、13.7万县处级，已被查 // 共产党员网 [После XVIII съезда КПК были проверены и наказаны 414 кадров на уровне центрального управления, 18 000 — на уровне департаментов и бюро и 137 000 — на уровне уездов // Сеть членов Коммунистической партии]. URL: <https://www.12371.cn/2020/05/11/ART11589154324337146.shtml> (дата обращения: 24.06.2022).

вание механизма увольнения государственных служащих. В практической работе по оценке, поскольку «частные добродетели» трудно отразить через показатели системы оценки кадров, контрольные органы больше полагаются на партийную дисциплину, что накладывает более строгие ограничения на поведение кадров. Реформа «цифрового правительства» задала новые направления для научного развития кадровой политики, а сочетание технических средств, в основном больших данных, с аттестацией кадров повысило объективность и научный характер аттестации. Проблемы, выявленные в прошлом в оценочной работе, такие как субъективизм оценки, отсутствие научных оценочных показателей для содержания оценки, были в определенной степени решены.

Поскольку содержание оценки всегда определяется целями национального развития и партийного строительства, при условии, что существующие цели остаются неизменными, метод оценки по-прежнему находится в центре внимания реформы оценки кадров. Следует признать, что оценка в рамках кадровой системы всегда имеет субъективный элемент. В прошлом субъектом оценки была оценочная группа. Она состояла из коллег оцениваемого или других сотрудников. Высшими же «оценщиками» были сотрудники партийных и государственных учреждений, что затрудняло проведение такой оценки и ее значительно бюрократизировало. Построение гармоничных и доверительных отношений между кадрами и общественностью, создание механизма аттестации кадров с участием населения, применение новых технологий должны улучшить систему аттестации кадров в Китае.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Объяснение распада СССР и сохранения КНР через анализ кадровой политики. Что сделано “так” в китайском примере и что случилось “не так” — в советском?», № 20-011-00105).

Литература

Зуенко И.Ю., Сельцер Д.Г. «Кадры решают все»: реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980–1990-х годов // Известия Восточного института. 2022. № 1 (53). С. 58–69.

Лу С., Сельцер Д.Г. Меритократия как принцип формирования управленческой элиты современного Китая // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 8 (84). С. 2618–2626.

Маццзато К., Сельцер Д.Г. Государственная кадровая политика в КНР (время Ху Цзиньтао) // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8, № 2. С. 113–133.

李元珍, 吕德文. 干部数字化考核: 组织内部激励创新路径 // *理论与改革*. 2022. 02: 88–100, 157 [Ли Юаньчжэнь, Лу Дэвэнь. Цифровая аттестация кадров: инновационный путь к мотивации в организациях // *Теория и реформа*. 2022. № 2. С. 88–100, 157]. (На кит. яз.)

罗国亮, 赵铮. 新中国60年来干部考核制度的历史演变 // *中共贵州省委党校学报*. 2009. 05: 7–10 [Луо Голянь, Чжао Чжэн. Историческая эволюция системы аттестации кадров за последние 60 лет в Новом Китае // *Журнал партийной школы Гуйчжоуского провинциального комитета КПК*. 2009. № 5. С. 7–10]. (На кит. яз.)

刘旭涛. 改革开放40年干部考核制度改革的回顾与展望 // *中国党政干部论坛*. 2018. 07: 23–26 [Лю Сютао. Обзор и перспективы реформы системы оценки кадров за 40 лет реформ и открытости // *Китайский форум партийных и государственных кадров*. 2018. № 7. С. 23–26]. (На кит. яз.)

马丽. 党的干部考核制度发展的五重维度 // *理论视野*. 2021. 03: 73–79 [Ма Ли. Пять измерений развития системы оценки партийных кадров // *Теоретическое видение*. 2021. № 3. С. 73–79]. (На кит. яз.)

桑林峰. 明大德 守公德 严私德 // *旗帜*. 2021. 07: 93 [Сань Лин Фэнг. Понимание великих добродетелей, соблюдение общественных добродетелей и строгих частных добродетелей // *Знамя*. 2021. № 7. С. 93]. (На кит. яз.)

范勇鹏. 中国政治学知识体系的核心概念 — 统一性 // *复旦政治学评论*. 2020. 01: 67–86 [Фань Юнпэн. Основное понятие китайской системы политических знаний — единство // *Обзор политических наук*. Фудань, 2020. № 1. С. 67–86]. (На кит. яз.)

冯亮. 运用大数据完善干部绩效考核研究 // *重庆大学*. 2019: 23–27 [Фэн Лян. Исследование по использованию больших данных для улучшения аттестации кадров // *Чунцинский университет*. 2019. С. 23–27]. (На кит. яз.)

侯建良. 公务员制度发展纪实. Р.: 中国人事出版社. 2007: 126 [Хоу Цзяньлянь. Хроника развития системы государственной службы. Пекин: Китайское кадровое издательство, 2007. 297 с.]. (На кит. яз.)

黄涛. 昌吉州县级领导干部考核评价研究 // *新疆大学*. 2021: 25 [Хуан Тао. Исследование по оценке и аттестации руководящих кадров на уровне уезда в префектуре Чанци // *Синьцзянский университет*, 2021. С. 25]. (На кит. яз.)

贾彦辉. 建党百年领导干部考核制度的发展历程、演变逻辑与经验反思 // *河南大学学报(社会科学版)*. 2021. 61 (06): 16–23 [Цзя Яньхуэй. История развития, логика эволюции и осмысление опыта аттестации руководящих кадров в столетие после основания партии // *Журнал Хэнаньского университета (издание по общественным наукам)*. 2021. Т. 61, № 6. С. 16–23]. (На кит. яз.)

屈晓东. 新时代干部分类考核机制创新的原则、方法与路径 // *领导科学*. 2019. 14: 41–43 [Цюй Сяодун. Принципы, методы и пути инновации механизма классификации и оценки кадров в новую эпоху // *Наука руководства*. 2019. № 14. С. 41–43]. (На кит. яз.)

赵陇波. 古代考课制对当今公务员考核制度的启示 // 华北理工大学学报(社会科学版). 2016. 16 (05): 25–29 [Чжао Лунбо. Наследие древней системы каоэ для современной системы оценки государственных служащих // Журнал Северо-Китайского технологического университета (издание по общественным наукам). 2016. Т. 16, № 5. С. 25–29]. (На кит. яз.)

周淑真, 袁野. 论国家法律与党纪党规关系之协调——以当代德国为例 // 中共中央党校学报. 2015. 19 (03): 24–29 / Чжоу Шучжэнь, Юань Е. О согласовании государственного права с партийной дисциплиной и уставом партии — на примере современной Германии // Журнал партийной школы ЦК Коммунистической партии Китая. 2015. Т. 19. № 3. С. 24–29. (На кит. яз.)

盛明科, 蔡振华. 改革开放40年来干部考核制度的历史变迁及其逻辑 // 湖南社会科学. 2018. 05: 34–39 [Шэн Мингэ, Цай Чжэньхуа. Исторические изменения системы оценки кадров и ее логика за последние 40 лет реформ и открытости // Хунаньская социальная наука. 2018. № 5. С. 34–39]. (На кит. яз.)

燕振科. 干部考核制度的历史发展 // 领导科学. 1996. 10: 15–16 [Ян Чженьке. Историческое развитие системы аттестации кадров // Наука руководства. 1996. № 10. С. 15–16]. (На кит. яз.)

Источники

中共中央办公厅印发《党政领导干部考核工作条例》 // 中华人民共和国中央政府网. [Главное управление ЦК КПК издает Положение об аттестационной работе руководящих кадров партии и правительства // Сайт Центрального правительства Китайской Народной Республики]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-04/21/content_5384955.htm (дата обращения: 25.05.2022). (На кит. яз.)

中共中央文献研究室, 中央档案馆. 《建国以来重要文献选编》第17册. P.: 中央文献出版社. 2011: 433–436 [Документоведение ЦК КПК, Центральный архив. Избранные произведения важных документов со времен основания Китайской Народной Республики. Т. 17. Пекин: Центральный документ, 2011. С. 433–436]. (На кит. яз.)

中国共产党纪律处分条例 // 共产党员网 [Положение о дисциплинарных взысканиях Коммунистической партии Китая // Сеть членов Коммунистической партии]. URL: <https://www.12371.cn/2018/08/27/ARTI1535321642505383.shtml> (дата обращения: 20.05.2022). (На кит. яз.)

公务员考核规定 // 共产党员网 [Положение об аттестации государственных служащих // Сеть членов Коммунистической партии]. URL: <https://www.12371.cn/2021/01/11/ARTI1610349207260939.shtml> (дата обращения: 22.05.2022). (На кит. яз.)

十八大以来, 414名中管干部、1.8万厅局级、13.7万县处级, 已被查 // 共产党员网. [После 18 Съезда КПК были проверены и наказаны 414 кадров на уровне центрального управления, 18000 — на уровне департаментов и бюро и 137 000 — на уровне уездов // Сеть членов коммунистической партии]. URL:

<https://www.12371.cn/2020/05/11/ARTI1589154324337146.shtml> (дата обращения: 24.06.2022).

扎实推动共同富裕 // 求是网 [Твердое продвижение всеобщей зажиточности // Сеть Цю Ши]. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2021-10/15/c_1127959365.html (дата обращения: 22.05.2022). (На кит. яз.)

关于加强和完善县(市)党委、政府领导班子工作实绩考核的通知 // 中国政府网 [Уведомление об усилении и улучшении оценки эффективности работы партийных комитетов и руководителей правительства в уездах (городах) // Правительственная сеть Китая]. URL: <http://www.gov.cn/gongbao/shuju/1995/gwyb199512.pdf>. (дата обращения: 22.05.2022). (На кит. яз.)

中共中央组织部关于改进推动高质量发展的政绩考核的通知 // 共产党员网 [Уведомление Организационного отдела Центрального комитета Коммунистической партии Китая о совершенствовании оценки эффективности для продвижения высококачественного развития // Сеть членов Коммунистической партии]. URL: <https://www.12371.cn/2020/11/05/ARTI1604550625321414.shtml> (дата обращения: 21.05.2022). (На кит. яз.)

破形式主义之弊 减基层负担之重 — 2020年以习近平总书记为核心的党中央深化拓展基层减负工作纪实 // 新华网 [Устранение формализма и снижение нагрузки на низовой уровень: хроника работы Центрального комитета партии с товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра в 2020 году по углублению и расширению работы по снижению бремени на низовом уровне // Синьхуанет]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2021-01/14/c_1126982835.html (дата обращения: 25.05.2022). (На кит. яз.)

关于改进地方党政领导班子和领导干部政绩考核工作的通知 // 中国共产党新闻网 [Циркуляр о совершенствовании оценки деятельности местных руководящих групп партии и правительства и ведущих кадров // Сеть новостей Коммунистической партии Китая]. URL: <http://renshi.people.com.cn/n/2013/1210/c139617-23793409.html> (дата обращения: 21.05.2022). (На кит. яз.)

THE ATTESTATION SYSTEM OF LEADING CADRES IN CONTEMPORARY CHINA

Lu X., D. Seltser

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia

Citation: Lu X., Seltser D. [The attestation system of leading cadres in contemporary China]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 27–55. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.2>

Annotation. *The archetypes of attestation procedures in China are presented. A general outline of the development of the current cadre attestation system is given. The fundamental changes in cadre certification during the years of the country's leadership by Xi Jinping (since 2012) are analyzed. The current "Regulations on the attestation of Chinese civil servants" are analyzed. The content of attestation procedures according to the criteria "morality", "efficiency", "attitude to work", "success in work" and "integrity" is detailed. The substantive features of these criteria in the practice of checking public administration cadre are specified. The types of attestation of civil servants are classified. Examples of specific attestation procedures are given. It is revealed what the attestation indicators consist of and how they are influenced by a five-dimensional system of evaluation criteria ("morality", "efficiency", "attitude to work", "success in work" and "integrity"). The substantive features of these criteria in the practice of checking public administration cadre are specified. The types of attestation of civil servants are classified. Examples of specific attestation procedures are given. It is revealed what the attestation indicators consist of and how they are influenced by a five-dimensional system of evaluation criteria ("morality", "efficiency", "attitude to work", "success in work" and "integrity"). The "weight" of each attestation criterion is illustrated on the materials of the comprehensive attestation of senior personnel of Changji Prefecture of the Xinjiang Autonomous Region, conducted in 2020. The system of state punishments of cadres and the practice of party penalties are described. The effect of the principle "discipline before the law and party discipline is stricter than the law" is emphasized — the inevitability of party punishment in addition to criminal punishment. The revision of the content of the CPC personnel certification and methods of cadre selection under Xi Jinping was revealed. The author's vision of the future of CPC attestation activities is formulated — a combination of constant scientific search for optimal cadres' procedures when using big data technology.*

Keywords: *China, PRC, CPC, leading cadres, cadre policy, cadre work, cadres' procedures, the attestation system, evaluation criteria.*

References

Zuenko I.YU., Sel'cer D.G. «Kadry reshayut vsyo»: reforma kadrovoj sistemy KNR na rubezhe 1980–1990-h godov, *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2022, 1, pp. 58–69. (In Russian)

Lu X., Sel'cer D.G. Meritokratiya kak princip formirovaniya upravlencheskoj elity sovremenogo Kitaya, *Voprosy politologii*, 2022, 12 (8), pp. 2618–2626. (In Russian)

Macuzato K., Sel'cer D.G. Gosudarstvennaya kadrovaya politika v KNR (vremya Hu Czin'tao), *Vlast' i elity*, 2021, 8 (2), pp. 113–133. (In Russian)

Li Yuanzhen, Lv Dewen. Ganbu shuzihua kaohe: zuzhi neibu jili chuanguan lujing// Lilun yu gaige. [Li Yuanzhen, Lv Dewen. Digital assessment of cadres: the path of innovation within the organization], *Theory and Reform*, 2022, 2, pp. 88–100, 157. (In Chinese)

Luo Guoliang, Zhao Zheng. Xin zhongguo 60 nianlai ganbu kaohe zhidu de lishi yanbian // Zhonggong guizhou shengwei dangxiao xuebao [Luo Guoliang, Zhao Zheng. The historical evolution of the cadre assessment system in the past 60 years since the founding of New China], *Journal of the Party School of the Guizhou Provincial Committee of the Communist Party of China*, 2009, 5, pp. 7–10. (In Chinese)

Liu Xutao. Gaige kaifang 40 nianlai ganbu kaohe zhidu gaige de huigu yu zhanwang [Liu Xutao. Review and Prospect of the Reform of Cadre Assessment System in the 40 Years of Reform and Opening-Up], *Zhongguo dangzheng ganbu luntan*, 2018. № 7. pp. 23–26. (In Chinese)

Ma Li. Dang de ganbu kaohe zhidu fazhan de wuchong weidu [Ma Li. Five dimensions of the development of the Party's cadre appraisal system], *Lilun shiye*, 2021, 3, pp. 73–79. (In Chinese)

Sang Linfeng. Ming dage Shou gongde Yan side [Sang Linfeng. Be aware of the great virtues, keep the public virtues and be strict with the private virtues], *Qizhi*, 2021, 7, p. 93. (In Chinese)

Fan Yongpeng. Zhongguo zhengzhixue zhishi tixi de hexin gainian — tongyixing [Fan Yongpeng. The Core Concept of Chinese Political Science System of Knowledge — Unity], *Fudan zhengzhixue pinglun.*, 2020, 1, pp. 67–86. (In Chinese)

Feng Liang. Yunyong dashuju wanshan ganbu jixiao kaohe yanjiu [Feng Liang. Research on using big data to improve cadres' performance appraisal], *Chongqing daxue*, 2019, pp. 23–27. (In Chinese)

Hou Jianliang. *Gongwuyuan zhidu fazhan jishi* [Hou Jianliang. Chronicle of the development of civil service system]. Beijing: Zhongguo renshi chubanshe, 2007, 297 p. (In Chinese)

Huang Tao. Changjizhou xianji lingdao ganbu kaohe pingjia yanjiu [Huang Tao. Research on the assessment and evaluation of county-level leading cadres in Changji Prefecture], *Xinjiang daxue*, 2021. p. 25. (In Chinese)

Jia Yanhui. Jiandang bainian lingdao ganbu kaohe zhidu de fazhan licheng, yanbian luoji yu jingyan fansi [Jia Yanhui. The development history, evolution logic and experience reflection of the appraisal system of leading cadres in the century of

the founding of the Party], *Henan daxue xuebao (shehui kexue ban)*, 2021, 61 (6), pp. 16–23. (In Chinese)

Qu Xiaodong. Xinshidai ganbu fenlei kaohe jizhi chuangxin de yuanze, fangfa yu lujing [Qu Xiaodong. Principles, methods and paths of cadre classification and assessment mechanism innovation in the new era], *Lingdao kexue*, 2019, 14, pp. 41–43. (In Chinese)

Zhao Longbo. Gudai kaokezhi dui dangjin gongwuyuan kaohe zhidu de qishi [Zhao Longbo. The inspiration of ancient Kaoke system for today's civil service assessment system], *Huabei ligong daxue xuebao (shehui kexueban)*, 2016, 16 (5), pp. 25–29. (In Chinese)

Zhou Shuzhen, Yuan Ye. Lunguojia falv yu dangji danggui guanxi zhi xietiao — yi dangdai deguo weili [Zhou Shuzhen, Yuan Ye. On the Harmonization of the Relationship between State Laws and Party Discipline and Regulations: The Case of Contemporary Germany], *Zhonggong zhongyang dangxiao xuebao*, 2015, 19 (3), pp. 24–29. (In Chinese)

Sheng Mingke, Cai Zhenhua. Gaige kaifang 40 nianlai ganbu kaohe zhidu de lishi bianqian jiqi luoji [Sheng Mingke, Cai Zhenhua. Historical changes of the cadre appraisal system and its logic in the past 40 years of reform and opening-up], *Hunan Social Science*, 2018, 5, pp. 34–39. (In Chinese)

Yan Zhenke. Ganbu kaohe zhidu de lishi fazhan [Yan Zhenke. Historical development of the cadre appraisal system], *Lingdao kexue*, 1996, 10, pp. 15–16. (In Chinese)

ПАРТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

НЕРАВЕНСТВА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УЧАСТИЯ В РОССИИ (обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями)

В.В. Сафронов

(vsafronov@list.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Сафронов В.В. Неравенства электорального участия в России (обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями) // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 56–95.

doi: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.3>

Аннотация. Представлен обзор исследований электоральной активности российских граждан в соотнесении с теоретическими представлениями, получившими эмпирическое обоснование в стабильных западных демократиях и в странах Центральной и Восточной Европы. Выявленные в России на индивидуальном уровне зависимости укладываются в западную теоретическую модель «ресурсы — мотивация — мобилизация». Отмечается, что в российских работах недостаточно внимания уделялось социальному структурированию участия в выборах, возможно в силу невыразительности таких отличий, а мобилизация обсуждается преимущественно в связи с работой политических машин — роль партий, организаций гражданского общества и социальных сетей остается вне фокуса внимания. В литературе о российских избирателях есть общее согласие относительно ключевых факторов, объясняющих участие в голосовании, они относятся к мотивационному блоку. Утверждается, что абсентеизм поддерживается низким интересом наших сограждан к политике и политическим отчуждением — недоверием властям, политикам и демократическим институтам, невосприимчивостью политической системы к предпочтениям граждан и их неспособностью повлиять

на политические решения. Однако, не считая редких исключений, представленных работами западных исследователей, убедительных подтверждений таких зависимостей, полученных с использованием релевантных статистических методов, не приводится. Анализ региональной и районной статистики показывает, что различия явки могут свидетельствовать о задействовании властями политических машин, которые служат мобилизации зависимых от государства избирателей — получающих социальные льготы и услуги, работников государственных предприятий и учреждений, жителей национальных республик. Эти зависимости заслуживают дополнительной проверки при обращении к опросным данным.

Ключевые слова: обзор исследований, электоральное участие, социальные неравенства, мотивации голосования и абсентеизма, мобилизация и политические машины, западные демократии, Центральная и Восточная Европа, Россия.

ВВЕДЕНИЕ

Проблеме неравенств электорального участия, связанной с проявлением того, почему одни граждане голосуют на выборах, а другие нет и отчего в одних странах явка оказывается выше, а в других ниже, посвящена обширная научная литература, характеризующая главным образом состояние дел в консолидированных западных демократиях, в меньшей степени — в Центральной и Восточной Европе и России. В представленном обзоре, нацеленном на прояснение состояния исследований этой проблемы в России, сначала дается характеристика теоретических представлений о ней, выработанных при изучении западных демократий, затем будут рассмотрены сравнительные работы, описывающие посткоммунистические страны Европы, и, наконец, приводятся имеющие эмпирическое подкрепление факты, выявленные при анализе индивидуальных особенностей тех, кто в России голосует на выборах и не принимает в них участия, а также рассматриваются закономерности, объясняющие большие различия региональной явки и свидетельствующие о задействовании властями политических машин.

ЗАПАДНЫЕ ДЕМОКРАТИИ

В западных демократических странах основные различия между голосующими и не голосующими на выборах, согласно обзору 2007 г. А. Блэ, связаны с наличием у избирателей интереса к политике и чувства гражданского долга, а на экологическом уровне явка (составляющая

около двух третей от числа тех, кто имеет право голосовать) оказываются ниже в небогатых странах и выше, когда выборы являются более важными и конкурентными, а также регламентированы в законе как обязательные [Blais 2007].

В этих демократиях, как показал Р. Далтон, анализируя неравенства в основных разновидностях политической активности по данным ISSP 2004 и 2014 гг. и других опросов, участие в выборах связано с более высоким социально-экономическим статусом, повышается с возрастом (снижаясь у самых пожилых), предполагает вхождение индивида в общественные организации, приверженность нормам гражданскому долгу, уверенность в способности влиять на политику и доверие другим людям [Dalton 2017]. Оно зависит и от общественного контекста — явка избирателей была большей в странах с более высокими показателями действительного числа партий (предположительно, вследствие их усилий по мобилизации избирателей), а также в федеральных системах, в отличие от унитарных, однако контекстуальные переменные не оказывали заметного влияния на выраженность индивидуальных зависимостей.

Обобщая исследования агрегированного и индивидуального уровней, Х. Васс и А. Блэ указывают, что участие в голосовании зависит от характеристик избирателей — наличия у них ресурсов, связанных с социально-экономическим статусом, усвоенными избирательными предпочтениями родителей, здоровьем, и мотивации, проявляющейся в интересе индивида к политике, его уверенности в восприимчивости политической системы к интересам граждан и в собственной способности оказывать на нее влияние, а также от развитости чувства гражданского долга, простоты избирательной процедуры, не предполагающей существенных затрат, и ожидания выгод при победе поддерживаемых кандидатов [Wass, Blais 2017]. Отмечается, что институциональные и контекстуальные особенности, такие как близость результатов конкурентов, действительное число партий, мобилизация, способны оказывать медиативное и модулирующее воздействие на зависимости между электоральным участием и характеристиками избирателей, однако такие межуровневые интеракции остаются недостаточно изученными.

В недавней характеристике демографических и социальных особенностей избирателей Е. Плутцер подчеркивает: «Несмотря на быстрые общественные изменения, продолжают наблюдаться значительные раз-

личия участия в выборах, связанные с возрастом, этнической принадлежностью и образованием <...> однако в каждом случае знакомство с тщательными эмпирическими исследованиями наводит на мысль, что ни одна демографическая переменная не воплощает простую причинную историю» [Plutzer 2018: 78–79]. Так, выдвигаются три основных объяснения сильных возрастных эффектов, фиксирующих отчетливое нарастание электоральной активности: постепенное проявление политических интересов и предпочтений в зрелых и старших возрастах, продолжающаяся интернализация социальных норм и усвоение взрослых ролей, вхождение в зрелые годы в сети социальных взаимодействий с более высокими ожиданиями гражданской активности. Образование выступает одним из самых сильных предикторов голосования и политического участия, но в последнее десятилетие серия эмпирических работ поставила под сомнение заключение, что его связь с участием в выборах является причинной: сильные корреляции нельзя объяснить производными образования, такими как когнитивные способности и будущие доходы, они скорее объясняются семейными особенностями и ранней социализацией, указывая на механизмы селекции и социальные силы, распределяющие людей по путям относительной привилегированности. Другие особенности социальной демографии большого значения для участия в голосовании не имеют: классовые и доходные различия очень малы, особенно в Европе, участие женщин и мужчин является сходным, оно несколько выше у состоящих в браке и заметно ниже у родителей-одиночек. В другом недавнем обзоре исследований, посвященных политическому равенству и участию в выборах, А. Блэ, Р. Дассонневий и Ф. Костелка соглашаются, что в сложившихся демократиях молодежь, менее образованные и бедные с меньшей вероятностью голосуют, особенно при невысокой общей явке, и сообщают о важных политических последствиях различий в явке: высокая способствует политике, направленной на перераспределение и большую восприимчивость политиков к интересам избирателей, кроме того, не подтвердилось предположение об ухудшении результатов левых партий при низкой явке [Blais, Dassonneville, Kostelka 2020].

Участие в одних выборах, замечает Е. Динас, способствует голосованию на последующих, и у индивидов формируется привычка к такому поведению: «Те, кто начинают участвовать в выборах <...> с большей вероятностью придут к тому, что станут регулярными избирателями» [Dinas 2018: 109].

Несмотря на систематическое указание, как видно из приведенных обзорных работ, сходного набора индивидуальных факторов голосования, обобщение с помощью метаанализа исследований, посвященных поиску таких детерминант участия в национальных парламентских и президентских выборах в стабильных демократиях (2000–2010 гг., 90 работ), говорит, заключают К. Сметс и К. ван Хам, об отсутствии согласия в научных кругах относительно базовой объяснительной модели [Smets, van Ham 2013]. Среди 170 изучавшихся переменных лишь восемь включались хотя бы в четверть из этих работ, и среди претендентов на входжение в эту модель — возраст (рост участия с его увеличением и снижение среди самых пожилых), образование (высокое увеличивает вероятность голосования), мобильность относительно места жительства (снижает ее), потребление информации СМИ, партийная и внепартийная мобилизация, голосование на предстоящих выборах, партийная идентификация, интерес к политике и политические знания (с ростом значений этих переменных увеличивается вероятность голосования).

Модель основных детерминант электорального участия, представленная в недавнем исследовании А. Блэ и Ж.-Ф. Дау выборов разного уровня в сложившихся западных демократиях, свидетельствует, что оно, нарастая с возрастом и образованием, зависит прежде всего от двух общих мотивационных диспозиций — интереса индивида к политике и чувства гражданского долга, а также от двух более конкретных представлений — обеспокоенности результатами выборов и уверенности, что проголосовать нетрудно, причем эти зависимости проявляются в разнообразных контекстах — они мало отличаются в избирательных системах с пропорциональным представительством и без него, характерны для национальных, региональных и европейских выборов [Blais, Daoust 2020].

Важным фактором электорального поведения выступает партийная идентификация — устойчивая психологическая приверженность определенной политической партии. Она способствует, как было показано еще А. Кэмпбеллом и его коллегами, психологической вовлеченности индивидов в политику, участию в голосовании и поддержке определенной партии и кандидатов [Campbell et al. 1980: Chapter 6]. И сегодня партийная идентификация, отмечает Р. Далтон, облегчает оценку политических проблем, событий, кандидатов и вовлекает граждан в проведение кампаний и выборы, а также определяет избирательные пред-

почтения и стабилизирует паттерны голосования и партийную систему [Dalton 2021]. «Приверженность определенной политической партии, — пишет И. Макаллистер, — служит фоном для почти всех разновидностей политического участия», в частности снижение в развитых демократиях явки на выборах в последние десятилетия было вызвано в определенной степени ослаблением партийной лояльности, особенно среди молодежи [McAllister 2020: 266, 270]. Невысокая явка на парламентских выборах в новых демократиях, в том числе в Центральной и Восточной Европе, может свидетельствовать о неразвитости партийной идентификации. Действительно, для ее формирования необязательно требуется длительный промежуток времени и смена нескольких поколений, как предполагалось в первоначальной формулировке, связывающей эту идентификацию с аффективной привязанностью к определенной политической партии, возникающей под влиянием социализации в подростковом возрасте [Campbell et al. 1980]. В теории рационального выбора признается, что идентификация может постепенно меняться по мере накопления опыта, отражающего ретроспективные оценки партийной политики [Fiorina 1981]. Партийная идентификация определяет мнения и ценности, восприятие результатов работы кандидатов и их оценку, а также голосование, однако сама не остается неизменной, и сила ее влияния может варьировать [Johnston 2006].

Существенное значение для электоральной явки, как уже видно из приведенных свидетельств, имеет общественный контекст, и этой проблеме посвящено отдельное исследовательское направление. В Соединенных Штатах, где явка заметно ниже, чем в других сложившихся демократиях, причины этого связаны с институциональными особенностями, которые снижают влияние отдельного голоса на направление публичной политики (электоральная система относительного большинства, *first past the post*, разделение властей, затрудняющее атрибуцию ответственности, относительно слабая связь партийной системы с классовым и религиозным расслоением общества) и делают голосование непростым и неудобным событием, требующим предварительной регистрации и временных затрат [Martinez 2010]. Причем, согласно этому обзору, на протяжении десятилетий участие в американских выборах постепенно снижалось, отражая ослабление партийной идентификации и социальной связанности, сокращение профсоюзов и представительства ими интересов рабочего класса, распространение мобилизации через СМИ вместо персональных контактов, которые сочетались

с сокращением у граждан интереса к политике и потерей уверенности в возможности ее изменения. Отмечается, уровень явки имеет важное значение, поскольку с ее повышением снижаются классовые неравенства в голосовании (правда, по многим вопросам политики взгляды людей, участвующих и не участвующих в выборах, сходятся) и, хотя остается неясным, способствует ли большая явка успехам левых партий, она, скорее всего, связана с более щедрой социальной политикой. В Швейцарии, как и в США, низкую явку на парламентских выборах определяли институциональные особенности электоральной системы — слабая связь между их результатами и проводимой политикой (здесь важные решения принимаются на референдумах и мало зависят от состава кабинета), а также частое проведения различных выборов [Franklin 2002: 156]

Анализ участия в парламентских (в нижнюю палату) выборах в 22 западных демократиях с 1945 по 1999 г. свидетельствует, что изменение явки зависит от выраженности конкуренции (степени поддержки ведущей партии и ее отрыва от преследователей) и численности новых избирательных когорт, представители которых особо восприимчивы к характеру выборов — электоральная социализация при низкой или высокой состязательности продолжает сказываться на последующих выборах, и колебания в явке связываются со сменой таких поколений [Franklin et al. 2004].

Сравнительные исследования, резюмировал А. Блэ в 2000-е годы, позволяют «с уверенностью говорить, что участие в выборах ниже в бедных и выше в малых странах, что обязательное голосование способствует участию и что явка повышается при высоко конкурентных выборах» [Blais 2006: 122]. В этом обзоре отмечается, что важное направление дальнейших исследований связано с многоуровневым анализом, который позволит рассматривать контекстуальные переменные в сочетании с индивидуальными характеристиками избирателей. Высказывается предположение (вслед за Франклиным), согласно которому влияние институциональных факторов может с большей отчетливостью проявляться у представителей новых возрастных когорт с еще не укоренившимися привычками электорального поведения.

Изучение по агрегированным данным причин неодинаковой в разных странах явки на выборы, проведенное Б. Гейсом с помощью метаанализа опубликованных исследований [Geys 2006], продемонстрировало, что участию способствуют, во-первых, меньший размер населения

страны и близость результатов конкурентов, повышающие вероятность влияния избирателя на исход выборов, во-вторых, стабильность населения, благодаря социальному давлению и меньшим затратам на поиск информации в устойчивых образованиях (но не концентрация и гомогенность населения), в-третьих, большие расходы на проведение кампании, облегчающие избирателю понимание ситуации и поиск информации (но не партийная фрагментация), и, наконец, институциональные процедуры, предполагающие упрощенную регистрацию, пропорциональную избирательную систему и одновременное проведение выборов разных уровней. Продолжение этого метаанализа десятилетием позже позволило уточнить эти выводы, показав, что к факторам повышения участия в национальных выборах (они отличаются от тех, которые способствуют явке на субнациональных уровнях) относятся: (а) социально-экономические переменные — явка на предыдущих выборах (привычное поведение), стабильность населения и меньшее представительство меньшинств (в силу больших социальной связанности и контроля, однако меньшая численность населения — только в половине релевантных случаев), (б) институциональные переменные — упрощенные регистрационные требования и обязательное голосование (пропорциональная электоральная система — в половине работ), (в) политические особенности — значительные расходы на проведение кампании и высокая конкуренция (но не партийная фрагментация) [Cancela, Geys 2016: 270, table 3]. Другой мета-анализ научных статей, посвященных сравнению агрегированных показателей электорального участия на национальном, региональном и местном уровнях (2004–2013, 130 публикаций), обнаружил общее согласие в литературе о более высоких их значениях при институте обязательного голосования, большей важности выборов, в маленьких странах, однако сведения о влиянии других факторов, включая тип избирательной системы, число партий, социально-экономическое развитие, выраженность доходных неравенств и остроту партийной конкуренции, пока не позволяют прийти к строго определенным выводам [Stockemer 2017].

Наконец, исследования индивидуального и агрегированного уровней дополняет анализ в немногочисленных работах межуровневых интеракций — влияния контекстуальных факторов общественных различий на проявление связей между социально-демографическими и атitudными переменными, с одной стороны, и участием в голосовании — с другой. Неравенства электорального участия по образованию

(по данным CSES, 1996–2009, 36 стран, 85 выборов, а также опросных экспериментов) зависят от контекста, пишет А. Галлего, отчетливо проявляясь в одних странах и ситуациях, но не в других: непонимание избирателем, как голосовать, вызванное сложными правилами регистрации и избирательной процедуры, необходимостью учитывать партийные коалиции и недостаточным информированием при преобладании коммерческих массмедиа над общественными способствует усилению этих неравенств, снижая явку менее образованных граждан [Gallego 2015]. Факты, полученные в этой работе, не подтверждают распространенной точки зрения о мобилизации профсоюзами низкостатусных избирателей: хотя с увеличением в стране доли работников, состоящих в профсоюзах, повышается электоральная явка, образовательные неравенства меняются мало — сегодня эти организации охватывают не только рабочие профессии, но и квалифицированных работников в общественных секторах, равно мобилизуя тех и других на участие в выборах. Неоднозначными оказались результаты проверки предположения об усилении образовательных различий электорального участия с ростом в стране доходных неравенств.

Решение граждан об участии в выборах, установили С. Бандуччи и Дж. Карп, зависит от их убежденности в том, что голосование способно привести к действительному изменению в политике, а она, в свою очередь, связана с особенностями электоральной и партийной систем — «PR-системы (с пропорциональным представительством — ВС) укрепляют такую убежденность, преимущественно у сторонников небольших партий, обеспечивая пропорциональные результаты. Однако коалиционные правительства, которые также являются следствием PR-систем, вызывают ее снижение, особенно в том случае, когда формируется широкая коалиция» [Banducci and Karp 2009: 127]. По результатам М.К. Киттилсон и К. Андерсона, решение граждан об участии в голосовании зависит от степени поляризации партийной системы, причем этот контекстуальный фактор действует в сочетании с переменной индивидуального уровня, фиксирующей их уверенность в том, что со сменой руководства можно добиться изменений в политике и что участие в голосовании имеет значение. Так, «граждане, уверенные, что их голос имеет значение, с большей вероятностью примут участие в выборах, если они живут в странах, где партии представляют более поляризованные профили политики. Напротив, граждане, не разделяющие этой уверенности о своем участии, гораздо реже голосуют, когда поли-

тические партии располагаются идеологически дальше друг от друга» [Kittilson, Anderson 2011: 33–34].

Многоуровневое моделирование, в котором учитывались интеракции между переменными индивидуального и социетального уровней (анализ серии опросных данных для развитых индустриальных демократий за ряд лет), продемонстрировало, что с повышением в стране доходных неравенств заметно снижается интерес людей к политике, частота политических дискуссий, а также электоральное участие, причем такое снижение происходит во всех доходных стратах, кроме самой верхней: «Рост экономического неравенства все сильнее искажает демократию в интересах самых богатых граждан, вследствие чего многие другие люди склоняются к мнению, что в политические игры попросту не стоит играть» [Solt 2008: 58].

Таким образом, в западных демократиях многочисленные исследования электоральной активности позволили выделить ряд принципиальных составляющих теоретической модели, объясняющей, кто участвует в выборах и почему их больше в одних странах, чем в других, и как участие менялось от выборов к выборам. На индивидуальном уровне эта модель учитывает ресурсы, мотивацию и мобилизацию, а на контекстуальном — определенные электоральные институты и остроту политического противостояния, которые могут усиливать электоральные неравенства.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Исследования выборов в посткоммунистических странах, проводившиеся в первое десятилетие, практически не затрагивали проблему электорального участия, как следует из обзора Дж.А. Такером 101 статьи, опубликованной между 1990 и 2000 г. в ведущих научных журналах [Tucker 2002]. О явке речь идет только в двух работах, в одной из которых показано по агрегированным данным за десятилетие для посткоммунистических стран, что ее повышение способствует поддержке левых партий [Bohrer, Rasek, Radcliff 2000]. Другая статья свидетельствует о снижении явки на выборах 1990–1992 гг. в Болгарии, Чехии и Словакии, Польше вследствие экономических трудностей [Rasek 1994].

В начале 2000-х годов, как обнаружила Т. Костадинова при регрессионном анализе агрегированных данных для четырех последовательных парламентских выборов в 15 странах Восточной Европы, прово-

дившихся вслед за крушением коммунистических режимов, наблюдалось снижение явки, вызванное постепенным спадом демократической активности, причем более высокой она оставалась в электоральных системах с пропорциональным представительством, что подтверждает, как и в западных демократиях, идею рационального поведения избирателя при условии значимости отдельного голоса, однако не удалось обнаружить отчетливого влияния на электоральное участие ни многопартийности и партийной конкуренции, ни состояния экономики и урбанизации [Kostadinova 2003].

Дальнейшее изучение агрегированных данных о парламентских и президентских выборах в 19 посткоммунистических странах, состоявшихся в первые полтора десятилетия, свидетельствует, как указывают А.С. Пасек, Г. Поп-Елечес и Дж.А. Такер, что гораздо лучшее объяснение различий явки удастся получить при учете важности выборов (большей значимости избираемого института, меньших международных ограничений внутренней политики, невысоких уровнях благосостояния и этнической неоднородности), а не недовольства избирателей, как предполагается в другой теории, состоянием дел в экономике и политике, способного вызвать, по одной версии, подавление активности или, по другой, ее стимуляцию [Пасек, Поп-Елечес, Tucker 2009]. Сравнение электоральной явки в странах Центральной и Восточной Европы (к концу 2000-х годов) подтверждает, по результатам С. Бирч, что она была выше в избирательных системах с пропорциональным представительством, на президентских по сравнению с парламентскими выборах, если страна не входила в Советский Союз, при невысоком уровне экономического развития, и ниже при ухудшении ситуации в экономике — инфляции, безработице, замедлении роста [Birch 2013]. Согласно данному обзору, на индивидуальном уровне электоральное участие в этой части Европы связано с теми же демографическими факторами, что и в развитых демократиях, а также, возможно, с отношением к демократической системе — недовольство политикой и коррупцией может удерживать от голосования, хотя возможна и мобилизация.

Электоральное участие (в парламентских, президентских и местных выборах) в посткоммунистических демократиях, входящих в ЕС, между 1990 и 2010 гг. постепенно сокращалось (больше в одних и меньше в других странах), сообщает Ф. Костелка, и оказалось заметно ниже, чем в Западной Европе, при этом неравенства участия (по социально-демографическими категориями и идеологическим позициям) были в обеих

частях континента сходными, так что низкая активность в восточно-европейских странах не вела к серьезному искажению демократического процесса [Kostelka 2014]. Кроме того, в посткоммунистических странах намного более низким по сравнению с Западом, но устойчивым было и участие в не электоральных политических действиях, к которому также прибегали представители разных социальных слоев, причем заметно чаще, как и в стабильных демократиях, образованные и обеспеченные граждане, те, у кого работа предполагала известную автономию. В недавнем обзоре С. Бирч также указывается, что в Восточной Европе «сравнительно низкий уровень электорального участия, по крайней мере в сравнении с уровнями, достигаемыми обычно в Западной Европе», и в посткоммунистический период явка постепенно снижалась — недовольство многих граждан политикой вело к нежеланию в ней участвовать [Birch 2018: 161]. Б. Сека полагает, что жесткая политическая конкуренция снижала в посткоммунистических странах доверие людей к политике, вызывая нежелание участвовать в выборах [Сека 2013].

При трехуровневом моделировании кросс-секционных индивидуальных данных для 12 посткоммунистических демократий, полученных в четырех исследовательских проектах и охватывающих 1990-е и 2000-е годы, К. Нортмор-Балл обнаружила, что снижению неравенств электорального участия по образованию способствовали некоторые электоральные институты — простота заполнения бюллетеней, а также членство в профсоюзах, мобилизующие избирателей с ограниченными ресурсами [Northmore-Ball 2016]. Однако сильные левые партии такой мобилизующей роли не играли, вероятно в силу ориентаций на поддержку нового общественного устройства, и, кроме того, участие в выборах многочисленных партий не отпугивало граждан с невысоким статусом, а большие доходные неравенства в обществе вызывали электоральную демобилизацию среди более благополучного сегмента, возможно по причине их недовольства тем, как осуществлялись экономические и демократические преобразования. Усиление электоральных неравенств со временем происходило вследствие затухания первоначальных надежд на проведение демократических выборов и утраты иллюзий людьми с невысоким статусом, а смена старших поколений, привыкших к обязательному участию в выборах в коммунистическую эпоху, младшими играла в этом процессе лишь незначительную роль.

Сравнительные исследования в посткоммунистических европейских странах позволяют прийти к заключению о релевантности теоретиче-

ских воззрений, выработанных в западных демократиях, для объяснения неравного участия граждан в выборах органов власти. Оно различалось в зависимости от переменных, характеризующих статусные ресурсы, возрастные различия и мотивацию, а также между странами, отражая различную значимость выборов и особенности избирательных институтов.

РОССИЯ

Исследования электоральных неравенств в нашей стране проводились в двух основных направлениях и посвящены выявлению социальных особенностей избирателей и абсентеистов, их политических взглядов, а также различий явки на региональном и районном уровнях, связанных с мобилизацией граждан властями при помощи политических машин.

Характеристики избирателей и контекст

Проблема электорального участия и абсентеизма обсуждается в многочисленных работах, представленных в научных журналах и материалах конференций, однако в настоящем обзоре рассматриваются только те из них, в которых приводится эмпирическое обоснование полученных выводов.

Согласно опросам, проводившимся в 1990-е годы, сообщает Т. Колтон, участие в выборах Государственной Думы было связано криволинейной зависимостью с возрастом, повышаясь с его увеличением и затем снижаясь среди самых пожилых, и характерно для более образованных избирателей, а также для людей с социальными связями (состоящих в браке и дружеских отношениях с соседями). Неучастие способствовали отсутствие у человека интереса к политике и конкретным выборам, уверенность, что голосование ничего не изменит, а также недоверие властям и сомнение в справедливости выборов. Эти зависимости, замечает Колтон, сходны с объяснениями различий электоральной активности в стабильных демократиях, при этом в России особенно много было тех, кто с недоверием относился к политическим институтам и полагал, что политическая система не дает им возможности влиять на происходящее [Colton 2000].

Основные мотивы неучастия в выборах Государственной Думы 2003, 2007 и 2011 гг., по данным Левада-Центра, — это недоверие политикам,

невозможность повлиять на результаты и предопределенность победы партии власти [Гудков, Дубин, Зоркая 2012: 13, табл. 9]. Опрос ВЦИОМ накануне выборов в Государственную Думу 2007 г., позволивший Е.А. Кулагиной выявить мотивацию участия и неучастия в них с помощью открытых вопросов, свидетельствует, что «постоянные избиратели» ссылаются прежде всего на чувство гражданского долга (почти половина этой категории), кроме того, на стремление поддержать свою партию, кандидата, повлиять на формирование власти и происходящее в стране, а склонные к абсентеизму указывают, что не интересуются политикой и выборами (две пятых респондентов), что их голос не повлияет на результаты (треть), они будут сфальсифицированы и что ни одна партия им не нравится [Кулагина 2007]. В кратком обзоре российских исследований проблемы абсентеизма отмечается, что воздержание от электорального участия обусловлено политической апатией, отсутствием у потенциальных избирателей интереса к политике, а также недовольством властями и выборами [Ковров 2015].

Причины абсентеизма при выборах Президента РФ 2004 и 2008 гг., на которые указывали респонденты в опросах ВЦИОМ, по заключению Р.А. Алексева и А.В. Абрамова, — привычка к постоянному неучастию (пассивные граждане) и низкий интерес к политике (аполитичные), а также предсказуемость результатов и возможность их фальсификации, отсутствие достойных кандидатов (отчужденные от политики) [Алексеев, Абрамов 2016]. Последующий анализ, представленный этими авторами, говорит о том, что абсентеизм на общероссийских выборах, проводившихся с 1993 по 2018 г., был связан при избрании президента с апатией избирателей, недостатком интереса к политике и непониманием ими значимости выборов, отсутствием конкуренции с действующим главой государства, а на парламентских выборах ему способствовали их меньшая значимость (по сравнению с президентскими), ухудшение социально-экономической обстановки, недоверие депутатам и неверие в возможность перемен посредством парламента, а также плохая погода и неудачное время проведения [Алексеев, Абрамов 2018]. В другой работе о думских выборах 1993–2016 гг. Р.А. Алексеев вновь отмечает, со ссылкой на материалы Левада-Центра, что абсентеизм был обусловлен неверием избирателей в возможность влияния на политические институты, ухудшением социально-экономической ситуации в стране, неудобным временем проведения выборов и плохой погодой [Алексеев 2018].

По мнению Т.А. Берш и Е.М. Якимовой, основные причины электорального абсентеизма в РФ связаны с уверенностью избирателей, что их голос не важен, результаты предрешены, выборы являются непрозрачным и нечестными, а также с отсутствием возможности проголосовать против всех и недостатком информации о партиях, необходимой для реальной конкуренции [Берш, Якимова 2020]. С этим согласны В.В. Яценко и Н.С. Дубровский, полагающие, что неучастие в российских выборах обусловлено убежденностью избирателей в предопределенности их результатов и нарушении избирательных процедур, невозможностью отвергнуть всех баллотирующихся кандидатов [Яценко, Дубровский 2021]. Электоральный абсентеизм в России, по мнению О.В. Милаевой, А.Е. Сиушкина и Л.А. Андросовой, опирающемуся на результаты опросов ВЦИОМ, Левада-Центра, Ромир и др., связан с отчуждением общества от власти, безразличным отношением граждан к политическому процессу и демократическим процедурам, подкрепляемым авторитарной политической культурой и уверенностью избирателей, что на формирование выборных институтов и решения властей невозможно повлиять, а также со слабым использованием избирателями новых информационно-коммуникативных технологий [Милаева, Сиушкин, Андросова 2017].

Вероятность голосования на выборах Государственной Думы 2016 г., по данным проведенного вслед за ними общероссийского опроса, повышается, сообщают И. Макаллистер и С. Уайт, при наличии у граждан социоэкономических ресурсов, их мобилизации благодаря связям с гражданским обществом и уверенности избирателей в честности голосования и осмысленности выбора. Причем участие было в первую очередь связано с поддержкой избирателями политических партий (намного перевешивающей прочие влияния), оно заметно усиливалось с возрастом, ему также способствовали в определенной мере уверенность человека, что его голос имеет значение, и одобрение президента В.В. Путина (в сочетании с представлением о честности проведения выборов), но, вопреки известным закономерностям, не образование [McAllister, White 2017: 423, table 2]. Эти зависимости, по мнению авторов, показывают, что Россия при некотором сходстве все же отличается от западных демократий, где решение избирателя о голосовании не предполагает тесных связей с поддержкой режима.

На участие в выборах влияют не только характеристики избирателей, но и особенности общественного и политического контекста,

в которых они проводятся. Оно может зависеть от исторически сложившихся региональных различий, свидетельствующих о недоверии власти: неодинаковые в разных частях России уровни явки на федеральные выборы 2003–2012 гг. (как и соответствующие различия на Украине) объясняются в определенной степени, согласно результатам Ю.М. Жукова и Р. Талибовой, долгосрочными последствиями сталинского террора — там, где он был особенно массовым, электоральное участие оказалось более низким [Zhukov, Talibova 2018].

Исследование «титულных российских регионов», в котором проверались теоретические представления об уменьшении электорального участия при слабой политической конкуренции, показало, что система с доминирующей партией «Единая Россия» действительно снижает явку — она удерживает граждан от голосования, отстраняя конкурентов, уменьшая ставки и искажая результаты [Robbins, Rybalko 2013].

С опорой на опросы ВЦИОМ М. Мамонов, И. Гаврилов и М. Вядро приводят ряд обстоятельств, которые определили результаты выборов в Государственную Думу 2016 г. — низкую явку и успех «Единой России»: разнесение во времени избрания парламента и президента и возвращение смешанной избирательной системы, уменьшающие мотивацию участия, перенос сроков на сентябрь и невысокий интерес к выборам, пассивность партий при проведении кампаний, размывание границ политического позиционирования между ними и их ориентация на взаимодействие с властями, слабая конкуренция между партиями и высокая легитимность В.В. Путина, вялая избирательная кампания и ее регионализация, повышение в этих условиях важности партийной принадлежности при реальном ослаблении партийной идентификации избирателей, большая, чем на предшествующих выборах, социально-экономическая стабильность [Мамонов, Гаврилов, Вядро 2019].

Рассматривая различия явки между субъектами РФ на федеральных и региональных выборах 2011–2016 гг., Р. Туровский и Е. Корнеева обнаружили, что они связаны в первую очередь с институциональными, а не с социально-экономическими факторами: более важные выборы (особенно президентские по сравнению с парламентскими) привлекали больший электорат, при переходе от смешанной к пропорциональной избирательной системе участие в федеральных выборах росло и уменьшалась при возвращении первой (такие трансформации в регионах не приводили к однозначным результатам). По результатам регрессионного анализа, повышение явки в регионах связано с усилением элек-

торальной конкуренции (измеренной числом участвующих партий), мобилизацией лояльных избирателей (по доле голосов за «Единую Россию») и большим представительством нерусского населения [Turovsky, Korneeva 2018: 388, table 3].

Электоральная политика властей, полагает А. Кынев, предопределила результаты думских выборов в 2016 г. [Кынев 2017]. Уровень явки на них оказался самым низким из всех федеральных выборов (официально 47,88 %) и очень сильно отличался в разных частях страны: большая доля голосующих во многих национальных республиках и автономных округах, где функционировали «политические машины», и меньшая — в областях, отличающихся не столь сильным административным вмешательством, способствовали успехам «Единой России» (54,2 % голосов) и ослаблению основных конкурентов (независимые эксперты, такие как С. Шпилькин, полагают, что реальная явка и доля голосов за «Единую Россию» были существенно ниже — 36,9 и 40,5 % соответственно [Rogov 2016: 6, table 1]). Низкую явку мог вызвать ряд причин, приведших к сужению для избирателей возможностей политического выбора и влияния, соглашается К. Рогов: изменение законодательства — возвращение смешанной избирательной системы, новые требования по регистрации партий и кандидатов и контролю за волеизъявлением, не устраняющие фальсификаций и позволившие ограничить пассивное избирательное право и отстранить противников режима; слабая конкуренция между системными партиями, установившими неформальные альянсы с властями, и вялое проведение ими кампаний и обсуждений в СМИ на фоне широкой общественной поддержки внешней политики и присоединения Крыма; перенос срока на сентябрь, вызвавший демобилизацию избирателей, особенно в городах, которые были настроены к властям более оппозиционно [Кынев 2017; Rogov 2016] (контекст выборов охарактеризован также в [Hutcheson 2017]).

Анализ Н.В. Волковой и А.И. Дудочникова результатов президентских выборов в России 2018 г. (по 85 субъектам федерации) продемонстрировал, что повышение явки избирателей, особенно при значениях, превышающих три четверти, сочетается со снижением конкуренции между кандидатами. Так, в регионах, где в выборах участвовала доминирующая часть населения (как, например, в Кавказских республиках), было больше сторонников В.В. Путина [Волкова, Дудочников 2018]. Результаты говорят о высокой поддержке действующей власти, слабости альтернативных кандидатов, а также могут свидетельствовать о фаль-

сификациях и об использовании административного ресурса — губернаторских политических машин.

По мнению Д. Хатчесона и И. Макалестера, высокий показатель участия в российских президентских выборах 2018 г., необходимый для легитимации правления В.В. Путина, был достигнут (участие — 67,6 %, за Путина — 76,7 %) за счет сложившихся паттернов неодинаковой явки в регионах (высокой, где многие голосуют за Путина, и низкой, если его позиции в регионе слабее) и административных инициатив ЦИК, обеспечивших восстановление общественного доверия к избирательному процессу [Hutcheson, McAllister 2018]. Так, явка была очень высокой (более 90 %, что способствовало большей поддержке В.В. Путина) в республиках Северного Кавказа и некоторых отдаленных регионах — Тыве, Ямало-Ненецком АО, известных своими «политическими машинами», и самой низкой, но превышающей все же половину зарегистрированных избирателей, там, где бюрократическое влияние было менее заметным, — в Тверской, Новгородской областях и Карелии, Иркутской области и Забайкальском крае, сравнительно невысокой она была и в крупнейших городах — Москве и Санкт-Петербурге. Если заполнение и подсчет бюллетеней на выборах ГД 2016 признавали честными менее половины избирателей (43 %), то для президентских выборов 2018 г. этот показатель был существенно выше (72 %).

Некоторые из рассмотренных результатов побуждают обратиться к систематическому изложению фактов об использовании российскими властями давления на избирателей для мобилизации поддержки.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАШИНЫ

В отличие от стабильных западных демократий, где электоральная политика характеризуется конкуренцией партийных программ, в неконсолидированных демократиях существенную роль играют также патрон-клиентские отношения — участие в выборах и поддержка избирателями кандидатов от власти обмениваются на приватные блага — деньги, рабочие места, социальные услуги [Kitschelt, Wilkinson 2007]. Обзор исследований электорального поведения в авторитарных режимах (Мексика, Египет, Китай) говорит о том, что на него значительное влияние оказывают возможности патронажа и контроля ресурсов, которыми обладают действующие власти: на избирательных участках скорее появятся и проголосуют за кандидатов, представляющих режим,

жители сельских районов, где у элит больше возможностей контроля и принуждения, а электорат может рассчитывать на селективные привилегии, чем горожане, как и представители бедных слоев, которые склонны полагаться на патронаж и чьи голоса проще купить в отличие от избирателей из среднего класса, менее склонных полагаться на власти и участвовать в выборах [Gandhi, Lust-Okar 2009]. Но и в некоторых развитых европейских странах, среди которых Италия, Австрия и Бельгия, как продемонстрировал Г. Китшелт, во второй половине прошлого столетия вплоть до 1980-х годов отчетливо проявлялся клиентелизм, благоприятные условия для которого — политизация государственной интервенции в экономике и социальной защите, однако в последующем он теряет свое значение вследствие снижения эффективности «сотрудничающей» рыночной экономики и повышения либеральной [Kitschelt 2007]. Подобные механизмы мобилизации избирателей могут играть важную роль в полудемократических режимах ряда восточноевропейских стран и в России.

Работы Г. Хейла, в которых было начато изучение политических машин в нашей стране, показывают, что они возникали в регионах России в ходе общественного транзита и трансформации политического правления (и лишь отчасти были унаследованы с советских времен), появляясь преимущественно там, где важными региональными факторами выступали сельское хозяйство, население пенсионного возраста и этничность [Hale 2003]. Согласно результатам анализа клиентелизма в российских регионах при выборах Государственной Думы 1999 г. (по показателю доли голосов в одномандатных округах за поддерживаемых губернаторами кандидатов), ему способствует большая зависимость избирателей от региональных властей — при контроле ими экономики, в условиях слабой политической конкуренции, а также в этнических регионах [Hale 2007]. По данным исследования участия российских избирателей в президентских и думских выборах в 89 субъектах РФ с 1991 по 2007 г., в котором рассматривались зависимости между уровнями явки и конкуренции, высокие показатели проголосовавших свидетельствуют не о демократическом участии, а о задействовании элитами патрон-клиентских связей [Reisinger, Moraski 2008].

«Политические машины, — пишет Г.В. Голосов, — это политические организации, которые мобилизуют электоральную поддержку, предлагая гражданам партикулярные материальные блага в обмен на их голоса», и именно «современный электоральный авторитаризм оказы-

вается подходящим образованием для политики с использованием машины» [Golosov 2013: 460, 469]. Активация субнациональной электоральной политики в посткоммунистической России способствовала развитию клиентелизма, особенно в национальных республиках, автономных округах, по отношению к сельским избирателям, пенсионерам и пациентам государственных клиник. В 2000-е годы, отмечает Голосов, с укоренением конкурентного авторитаризма происходила интеграция региональных политических машин в организационные структуры «Единой России» и мобилизация с их помощью избирателей, получающих социальные услуги от государства, работников государственных секторов, включая врачей и учителей, не только с помощью материальных поощрений, но и под угрозой наказания.

По заключению Дж. Аллина-Писано, в России и на Украине инструментом политического принуждения выступает административный ресурс, с помощью которого доступ к общественной инфраструктуре, социальным услугам и трудовым компенсациям ставится в зависимость от электоральной поддержки действующих властей, и применение этого инструмента наблюдается там, где имеется экономически уязвимое население и экономическая сфера жизни пересекается с политической [Allina-Pisano 2010]. Анализ регионального участия в выборах Государственной Думы (2011), Президента РФ (2012) и законодательных собраний (2009–2013), показал, что доля голосующих растет при увеличении в регионе нерусского населения, снижении электоральной конкуренции и большей бедности, свидетельствуя: «явка избирателей в России сильно зависит от мобилизационного давления политических машин» (а также объясняется «ресурсной моделью») [Panov, Ross 2016: 368].

Преобразование в начале 2000-х годов российского конкурентного политического режима в электоральный авторитаризм, как показало многоуровневое моделирование с использованием районной социально-экономической статистики и переменных регионального контекста, связано с мобилизацией участия в президентских выборах зависимых от государства избирателей [Saikkonen, 2017]. Согласно результатам, явка была выше в национальных республиках и районах со значительной долей сельскохозяйственных работников, особенно в краях и областях России, а также в районах с многочисленным нерусским населением. Причем такие зависимости стали более отчетливыми к 2004 г. по сравнению с 2000 г. Двухуровневый анализ, в котором рассматрива-

лась явка на парламентских и президентских выборах 2003–2004 и 2011–2012 гг., подтверждает, что она была выше в районах с большей долей сельских работников и этнических меньшинств, а также в этнических регионах [White, Saikkonen 2017]. Оказалось, что увеличение доли этнических меньшинств в районах (между переписями 2002 и 2010 гг.) сопровождалось на выборах Государственной Думы 2011 и 2016 гг. не увеличением явки, а ее снижением, ослаблявшим опоры путинского режима [White 2022].

Явка на выборах глав регионов 2012–2014 гг., как и поддержка действующего губернатора, заметно снижались при существовании конфликта в элитах, особенно между губернатором и мэром региональной столицы, затрудняющего мобилизацию с использованием политической машины [Сироткина, Карандашова 2017]. Повышению явки способствовали меньшая урбанизация, значительное число бюджетников, немногочисленность страты с высшим образованием, создающие благоприятные условия для такой мобилизации. Различия российских регионов по уровню поддержки «Единой России» на выборах в Государственную Думу 2016 г., как продемонстрировали Т. Ткачева и Г. Голосов, хорошо объясняются явкой на проводившихся этой партией праймериз, косвенно свидетельствуя о силе политических машин — способности региональных властей мобилизовать избирателей [Tkacheva, Golosov 2019].

Согласно анализу электоральной статистики президентских выборов 2018 г., сбой в работе политических машин в национальных республиках — сокращение поддержки действующего президента РФ со стороны этнического населения — может происходить при выражении федеральной властью требований по ограничению этнических преференций (соблюдению принципа добровольности изучения родных языков) [Шкель 2019]. Два условия, вызывающие сбой, — лояльность региональных элит и выполнение ими этих требований, что вызывает рост протестного голосования титульных этнических групп, которое при наличии эффекта «хромой утки», вероятной смене республиканского руководителя, не получит компенсации за счет искажения результатов.

При рассмотрении фактов, выявленных при сопоставлении агрегированной региональной и районной статистики, следует иметь в виду, что они могут свидетельствовать не только о работе политических машин, но и о фальсификации результатов выборов. Показатели чаще фиксировались там же, где, как предполагается, действовала машинная мобилизация, — сложности организации контроля за честностью

выборов в условиях регионального авторитаризма, отличающего многие национальные административные образования, и на сельских избирательных участках открывают перед властями возможности искажения электорального процесса. Так, официальные сведения о явке на выборах в России (с 1995 по 2007 г.), согласно анализу статистических распределений результатов в районах, систематически фальсифицировались с помощью вбрасывания бюллетеней, принуждения к голосованию и завышения результатов, которые были наиболее отчетливыми в национальных республиках, а при президенте В.В. Путине стали распространяться и в других регионах, в основном на селе [Myagkov, Orde-shook 2008]. Анализ районных результатов думских выборов 2007 и 2011 гг. продемонстрировал, что электоральным манипуляциям, ведущим к неправдоподобно высокой явкой (с нею напрямую связана и поддержка «Единой России»), способствует на районном уровне концентрация этнических меньшинств и сельского населения, а на региональном уровне нарушения были наиболее отчетливыми в национальных образованиях, особенно в мусульманских республиках, на Кавказе, и не зависели от экономического благосостояния регионов [Goodnow, Moser, Smith 2014]. Многоуровневый анализ электоральных нарушений на думских выборах 1995, 1999, 2003, 2007 и 2011 гг. (голосование по партийным спискам) подтверждает, что манипуляции по завышению явки были более вероятными в районах с большим представительством нерусского и сельского населения, которые были окружены в регионе другими районами с сильно завышенным участием [Moser, White 2017]. Таким образом, высокая явка, отличающая определенные административные образования, может возникать вследствие как работы политических машин, так и фальсификаций, не исключено также, что они дополняют друг друга.

Применение российскими властями политических машин подтверждается, однако, не только агрегированными данными, но и на индивидуальном уровне при анализе результатов опросных экспериментов. Материалы двух российских опросов, проведенных во время избрания Государственной Думы 2011 г., — работодателей (высших руководителей) и работников, свидетельствуют, что важнейший локус экономического принуждения, где осуществляется мобилизация работников на выборы, — предприятия, отличающиеся большими размерами, экономической зависимостью от государства, недвижимыми активами (в тяжелой промышленности, добывающих отраслях, сельском хозяй-

стве), наличием ресурсов по обеспечению работников социальными благами, при слабой конкуренции на рынке труда, а также поддержке высшим менеджментом «Единой России» [Frye, Reuter, Szakonyi 2014]. Установлено, что в избирательную активность были вовлечены около четвертой части изучавшихся фирм, четверть работников признавали, что работодатели пытались повлиять на их решение об участии в голосовании, а 15 %, согласно опросным списочным экспериментам, list experiments, полагали возможным ухудшение материального положения вследствие нелояльного поведения на выборах. Для мобилизации избирателей в России, пишут Т. Фрай и его коллеги, проанализировав материалы таких экспериментов и электоральных нарушений на выборах 2011–2012 гг., власти прибегают не только к подкупу, но еще чаще к запугиванию, особенно по месту работы [Frye, Reuter, Szakonyi 2019a]. Там, где работодатели, выступающие электоральными посредниками, имеют сильное влияние на работников (как, например, в моногородах), нередко используются угрозы увольнения, понижения в должности или урезания заработной платы и социальных благ, если работники не приходят на выборы или не голосуют предписанным образом, а при большей конкуренции на рынке труда и возможности найти работу эти угрозы сопровождаются усиленным контролем избирательного поведения. Представленный этими авторами анализ электорального клиентелизма и посредников, к которым обращаются политики для воздействия на избирателей, с использованием опросных данных (включающих эксперименты) для России (региональные выборы 2014 г.) и Венесуэлы (парламентские выборы 2016 г.) продемонстрировал, что работодатели имеют важные преимущества по сравнению с партийными активистами (две наиболее типичные разновидности брокеров голосования), обладая большим влиянием на избирателей, которые у них работают, и возможностями отслеживать, как они голосуют, вследствие уязвимости этих избирателей к материальным санкциям работодателей и более тесных социальных контактов руководителей с подчиненными [Frye, Reuter, Szakonyi 2019b].

Объясняя высокую явку на федеральных выборах в национальных республиках, С. Шкель, А. Щербак и Т. Ткачева [2022] проанализировали данные общероссийских социологических опросов, экспертных интервью в национальных республиках и фокус-групп в селах Башкортостана и Татарстана и обнаружили, что политическая лояльность республик опирается на сельских избирателей, а не на голоса предста-

вителей этнических меньшинств (составляющих значительную часть сельских жителей) и связана с институциональными возможностями мониторинга и контроля местными властями их электорального поведения и с большей социальной интеграцией. Но и этнический фактор, вероятно, имеет значение для политической лояльности избирателей В.В. Путину и «Единой России», поскольку поддержка центральных властей обеспечивает сохранение в республиках национальных руководителей. Правда, эти утверждения не согласуются с результатами регрессионного анализа опросных данных: были обнаружены интеракции переменных, отделяющих город и село, а также русских и людей других национальностей, свидетельствующие о наибольшей явке сельских русских избирателей и наименьшей — русских горожан, тогда как участие представителей других национальностей располагалось между этими значениями и статистически не различалось, хотя показатель был выше у жителей села. И такие зависимости удалось обнаружить только при анализе думских выборов 2011 г. (по данным Европейского социального исследования, ESS, Round 7), но не 2016 г. (ESS, Round 9) — в этом случае ни сами по себе, ни во взаимодействии эти переменные существенного влияния на участие в голосовании не оказывали [Шкель, Щербак, Ткачева 2022: 50, табл. 1].

Обобщая российские результаты, можно сказать, что выявленные в массовых опросах факты соответствуют некоторым положениям западной теоретической модели. Основная причина неучастия в выборах — отсутствие мотивации, проявляющееся в низком интересе к политике и политическом отчуждении избирателей, снижению активности способствуют и институциональные изменения контекста выборов, ослабляющие эту мотивацию. Недостаточное внимание уделялось другим компонентам модели — социальной стратификации и мобилизации, связанной с вовлеченностью в сети и организации гражданского общества. Региональные и районные различия явки, приписываемые действию машинной политики, заслуживают дальнейшего изучения с использованием массовых опросов и опросных экспериментов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многочисленные исследования электоральной активности в западных демократиях позволили выделить основные составляющие теоретической модели, объясняющей, кто участвует в выборах и почему их

больше в одних странах, чем в других, и как участие менялось от выборов к выборам. На индивидуальном уровне эта модель предполагает наличие ресурсов, обретаемых с повышением социально-экономического статуса, прежде всего образования (когнитивные и коммуникативные навыки, необходимые для понимания политических проблем), и с возрастом (формирование интересов при обретении определенности профессионального и семейного статусов, условий и уровня жизни, отношений с социальным государством), а также мотивации, побуждающей индивида к голосованию, о которой свидетельствует его интерес к политике, приверженность гражданскому долгу, стремление к политическим изменениям и уверенность в их достижимости. Еще один важный компонент модели связан с мобилизацией — вовлеченность человека в потоки информирования СМИ, сети отношений с другими людьми и вхождение в добровольные ассоциации, через которые может осуществляться привлечение избирателей к выборам, повышают их избирательную активность. Наряду с индивидуальными различиями на электоральное поведение влияет общественный контекст — участие возрастает при электоральных институтах, требующих обязательного голосования, облегчающих регистрационные процедуры и понимание избирателями политических коллизий, а также в ситуации высокой партийной конкуренции и более активной избирательной кампании. Индивидуальные неравенства могут усиливаться в неблагоприятных контекстах и сглаживаться при благоприятных условиях.

В Центральной и Восточной Европе электоральные неравенства между гражданами были схожими с теми, которые обнаруживаются в сложившихся западных демократиях, как похожими оказались и важные контекстуальные факторы. Явка зависела от значимости проводившихся выборов — за последние десятилетия, с утратой демократической эйфории первых посткоммунистических лет и нарастанием политического недовольства, она заметно сократилась, оказавшись ниже, чем в западных демократиях, и была выше на президентских, чем парламентских выборах, а также зависела от устройства избирательных институтов, увеличиваясь при системе пропорционального представительства. В подтверждение тезиса о контекстуальной обусловленности неравенств, обнаружено, что мобилизации индивидов с ограниченными ресурсами содействовали институты, не требующие от избирателя особых усилий для участия в голосовании, а также профессиональные союзы.

Обсуждаемые в России закономерности только отчасти поддаются интерпретации в рамках общих теоретических представлений. Согласно выявленным в массовых опросах характеристикам избирателей, основная причина неучастия в выборах — отсутствие мотивации, проявляющейся в низком интересе к политике и отчуждении от политики избирателей, не доверяющих политическим институтам и не верящим, что с помощью выборов можно добиться желательных изменений в стране. В отдельных работах приводятся также сведения о социальной и демографической стратификации электоральной активности, сходной с неравенствами в западных демократиях. Снижению активности способствуют и институциональные изменения контекста выборов, еще больше ослабляющие мотивацию участия. В то же время, в отличие от Западной и Центральной-Восточной Европы, важное направление российских исследований посвящено анализу завышенных показателей явки в регионах и районах страны, где мобилизация зависимых от властей избирателей осуществлялась с использованием политических машин. Эти машины можно прежде всего обнаружить в национальных республиках и автономных областях, на селе, в государственных секторах экономики, образования и здравоохранения.

Следует отметить, что приведенные утверждения о российских неравенствах электоральной активности остаются недостаточно обоснованными. При анализе опросных данных основное внимание уделялось мотивационному блоку переменных, а социально-структурные расслоения и мобилизационные условия, не считая отдельных работ, не обсуждаются, возможно в силу невыразительности таких отличий, как не обсуждаются и другие важные переменные, как, например, партийная идентификация. Причем такой анализ проводится в большинстве случаев без применения статистических методов, которые позволили бы оценить статистическую значимость влияния тех или иных переменных и их относительной важности при контроле прочих. Сопоставление агрегированной статистики, на которое опираются выводы о задействовании властями политических машин по отношению к зависимым от них избирателям, не позволяет с уверенностью утверждать, что различия явки в регионах и районах связаны с машинной политикой. Они могут вызываться и фальсификациями, не исключено также, что политические машины и искажения результатов дополняют друг друга. Для проверки этих выводов перспективным представляется обращение к материалам массовых опросов, как

об этом свидетельствуют работы, в которых рассматриваются списочные опросные эксперименты. Наконец, для дальнейшего изучения контекстуальных факторов, воздействующих на явку и неравенства электорального участия, полезно проанализировать российские показатели и зависимости в сравнительных исследованиях, в которых Россия сопоставляется с другими неконсолидированными и консолидированными посткоммунистическими демократиями Европы, а также с западными странами с неодинаковым институциональным дизайном и партийной политикой.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Р.А. Избирательные кампании парламентских выборов (1993–2016 гг.) и особенности электорального поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 195–206. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-3-195-206>.

Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Электоральный абсентеизм в России и способы его преодоления (на материалах президентских выборов 2000–2012 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2016-4-1037>.

Алексеев Р., Абрамов А. Электоральный абсентеизм на президентских и парламентских выборах в России (избирательные кампании с 1993 по 2018 г.): причины, последствия, способы преодоления // Постсоветский материк. 2018. № 4. С. 43–57.

Берш Т.А., Якимова Е.М. Право на неучастие в выборах (абсентеизм) через призму свободного формирования политического поведения гражданина // Избирательное право. 2020. № 1. С. 22–26.

Волкова Н.В., Дудочников А.И. Анализ влияния электоральной активности на конкурентность выборов в России // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 8. <https://doi.org/10.24158/per.2018.8.3>.

Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме // Вестник общественного мнения. 2012. № 1. С. 5–31.

Ковров В.Ф. Отражение проблемы электорального абсентеизма в трудах отечественных ученых // Научный альманах. 2015. № 9. С. 1372–1376. <https://doi.org/10.17117/na.2015.09.1372>.

Кулагина Е.А. Политическая культура россиян: мотивация участия/неучастия в выборах // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 4. С. 20–29.

Мамонов М., Гаврилов И., Вядро М. Эволюция политического поведения россиян в электоральном цикле 2016–2018 гг. // Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / под ред. Валерия Федорова. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 15–104.

Милаева О.В., Сиушкин А.Е., Андросова Л.А. Модель «электорального бесилия»: к вопросу об абсентеистском поведении россиян на выборах // Политика и общество. 2017. № 7. С. 28–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20831>.

Сироткина Е.В., Карандашова С.А. Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 76–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>.

Шкель С.Н. Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 49–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.05>.

Шкель С., Щербак А., Ткачева Т. Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 1. С. 38–70. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-38-70>.

Яценко В.В., Дубровский Н.С. Абсентеизм в России и пути его преодоления // Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права: Сборник научных статей. Региональный научный круглый стол с международным участием. Вып. 6 / отв. ред. В.В. Коровин. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 127–131.

Allina-Pisano J. Social contracts and authoritarian projects in post-Soviet space: The use of administrative resource // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43. P. 373–382. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.001>.

Banducci S.A., Karp J.A. Electoral Systems, Efficacy, and Voter Turnout // *The Comparative Study of Electoral Systems* / ed. by H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2009. P. 109–134.

Birch S. Elections and Voters // *Developments in Central and East European Politics 5* / ed. by S. White, P.G. Lewis, J. Batt. Durham: Duke University Press, 2013. P. 156–170.

Birch S. Elections and Electoral Participation // *The Routledge Handbook of East European Politics* / ed. by A. Fagan, P. Kopecký. London; New York: Routledge, 2018. P. 157–168.

Blais A. What Affects Voter Turnout? // *Annual Review of Political Science*. 2006. Vol. 9. P. 111–125. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.070204.105121>.

Blais A. Turnout in Elections // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2007. P. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p.

Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political Equality and Turnout // *The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies* / ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. New York: Oxford University Press, 2020. P. 396–412.

Bohrer R.E., Pacek A.C., Radcliff B. Electoral Participation, Ideology, and Party Politics in Post-Communist Europe // *The Journal of Politics*. 2000. Vol. 62, no. 4. P. 1161–1172.

Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. 576 p.

Cancela J., Geys B. Explaining Voter Turnout: A Meta-Analysis of National and Subnational Elections // *Electoral Studies*. 2016. Vol. 42. P. 264–275. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.03.005>.

Ceka B. The Perils of Political Competition: Explaining Participation and Trust in Political Parties in Eastern Europe // *Comparative Political Studies*. 2013. Vol. 46, no. 12. P. 1610–1635. <https://doi.org/10.1177/0010414012463908>.

Colton T.J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 336 p.

Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>.

Dalton R.J. Party Identification and Its Implications // *Oxford Research Encyclopedia of Politics* / ed. by W.R. Thompson. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.72>.

Dinas E. The Acquisition of Voting Habits // *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion* / ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018. P. 108–119.

Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981. 249 p.

Franklin M.N. The Dynamics of Electoral Participation // *Comparing Democracies 2* / ed. by L. LeDuc, R.G. Niemi, P. Norris. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage, 2002. P. 148–168.

Franklin M.N. with assistance from van der Eijk C., Evans D., Fotos M., Hirczy de Mino W., Marsh M., Wessels B. *Voter Turnout and the Dynamics of Electoral Competition in Established Democracies since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 277 p.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // *World Politics*. 2014. Vol. 66, no. 2. P. 195–228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia // *British Journal of Political Science*. 2019a. Vol. 49, no. 3. P. 857–881. <https://doi.org/10.1017/S0007123416000752>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela // *World Politics*. 2019b. Vol. 71, no. 4. P. 710–746. <https://doi.org/10.1017/S0043887119000078>.

Gallego A. *Unequal Political Participation Worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139151726>.

Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism // *Annual Review of Political Science*. 2009. Vol. 12. P. 403–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434>.

Geys B. Explaining Voter Turnout: A Review of Aggregate-Level Research // *Electoral Studies*. 2006. Vol. 25, no. 4. P. 637–663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2013. Vol 21, no. 4. P. 459–480.

Goodnow R., Moser R.G., Smith T. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia // *Electoral Studies*. 2014. Vol. 36. P. 15–27. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>.

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19, no. 3. P. 228–263. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.3.228>.

Hale H.E. Correlates of clientelism: Political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition // *Patrons, clients, and policies: Patterns of democratic accountability and political competition* / eds. H. Kitschelt, S. I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 227–250.

Hutcheson D.S. Contextualizing the 2016 State Duma Election // *Russian Politics*. 2017. Vol. 2, no. 4 (Special Issue: Analyzing the 2016 State Duma Election). P. 383–410. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204001>.

Hutcheson D., McAllister I. Putin versus the Turnout? Mapping the Kremlin's Presidential Election Support // *Russian Politics*. 2018. No. 3. P. 333–358. doi: 10.1163/2451-8921-00303002.

Johnston R. Party Identification: Unmoved Mover or Sum of Preferences? // *Annual Review of Political Science*. 2006. Vol. 9. P. 329–351. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170523>.

Kitschelt H. The Demise of Clientelism in Affluent Capitalist Democracies // *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition* / ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 298–321.

Kitschelt H., Wilkinson S.I. (Eds.). *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. New York: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Kittilson M.C., Anderson C.J. Electoral Supply and Voter Turnout // *Citizens, Context, and Choice: How Context Shapes Citizens' Electoral Choices* / ed. by R.J. Dalton, C.J. Anderson. New York: Oxford University Press, 2011. P. 33–54.

Kostadinova T. Voter Turnout Dynamics in Post-Communist Europe // *European Journal of Political Research*. 2003. Vol. 42, no. 6. P. 741–759. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00102>.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66, no. 6. P. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>.

Kynev A. How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections // Russian Politics. 2017. Vol. 2. P. 206–226. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00202002>.

Martinez M.D. Why is American Turnout so Low, and Why Should We Care? // The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior / ed. by J.E. Leighley. New York: Oxford University Press, 2010. P. 107–124. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199235476.003.0007>.

McAllister I. Partisanship and Political Participation // Research Handbook on Political Partisanship / ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 266–280. <https://doi.org/10.4337/9781788111997>.

McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election // Russian Politics. 2017. Vol. 2, iss. 4 (Special Issue: Analyzing the 2016 State Duma Election). P. 411–433. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204002>.

Moser R.G., White A.C. Does electoral fraud spread? The expansion of electoral manipulation in Russia // Post-Soviet Affairs. 2017. Vol. 33, no. 2. P. 85–99. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1153884>.

Myagkov M., Ordeshook P.C. Russian Elections: An Oxymoron of Democracy. Seattle, WA: The National Council for Eurasian and East European Research, 2008. 31 p. URL: https://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2008_822-11_Ordeshook.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

Northmore-Ball K. Increasingly Unequal Turnout in Eastern European New Democracies: Communist and Transitional Legacies versus New Institutions // Electoral Studies. 2016. Vol. 42. P. 188–200. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.01.012>.

Pacek A.C. Macroeconomic Conditions and Electoral Politics in East Central Europe // American Journal of Political Science. 1994. Vol. 38, no. 3. P. 723–744.

Pacek A.C., Pop-Eleches G., Tucker J.A. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries // The Journal of Politics. 2009. Vol. 71, no. 2. P. 473–491. <https://doi.org/10.1017/S0022381609090409>.

Panov P., Ross C. Explanatory Factors for Electoral Turnout in the Russian Federation: The Regional Dimension // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2016. Vol. 24, no. 3. P. 351–370.

Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout // The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion / ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018. P. 69–82.

Reisinger W.M., Moraski B. The Relationship between Turnout and Competition Levels in Russia // Annual National Conference of the Midwest Political Science Association. 2008. P. 1–38. <https://doi.org/10.17077/jjocp-n5zz>.

Robbins J.W., Rybalko M. Voter Turnout in a Hegemonic Party System: An Analysis of Electoral Participation in Russia's Regions // Conference Papers — Southern Political Science Association. 2013. P. 1–30.

Rogov K. Russia's 2016 Duma Elections: Ambiguous Triumph and New Challenges for the Regime // FIIA (The Finnish Institute of International Affairs) Briefing Paper. 2016. No. 205. URL: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2017/04/bp205_russia_s_2016_duma_elections.pdf (дата обращения: 16.11.2022).

Saikkonen I.A.-L. Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia // Government and Opposition. 2017. Vol. 52, no. 1. P. 51–74. <https://doi.org/10.1017/gov.2015.20>.

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout // Electoral Studies. 2013. Vol. 32, no. 2. P. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>.

Solt F. Economic Inequality and Democratic Political Engagement // American Journal of Political Science. 2008. Vol. 52, no. 1. P. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.

Stockermer D. What Affects Voter Turnout? A Review Article/Meta-Analysis of Aggregate Research // Government and Opposition. 2017. Vol. 52, no. 4. P. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.

Tkacheva T., Golosov G.V. United Russia's Primaries and the Strength of Political Machines in the Regions of Russia: Evidence from the 2016 Duma Elections // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71, no. 5. P. 824–839. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1613515>.

Tucker J.A. The First Decade of Post-Communist Elections and Voting: What Have We Studied, and How Have We Studied It? // Annual Review of Political Science. 2002. Vol. 5. P. 271–304. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.100201.102917>.

Turovsky R., Korneeva E. The Institutional Impact on Voter Turnout: The Case of Russia and Its Regions (2011–2016) // Russian Politics. 2018, no. 3. P. 372–395. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303004>.

Wass H., Blais A. Turnout // The SAGE Handbook of Electoral Behaviour. Vol. 1 / ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage, 2017. P. 459–487.

White A.C. A Chink in the Autocrat's Armour: Demographic Change and Voter Turnout in Putin's Russia // Ethnopolitics. 2022. Vol. 21, no. 4. P. 381–400. <https://doi.org/10.1080/17449057.2021.1901187>.

White A.C., Saikkonen I.A.-L. More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections // Ethnopolitics. 2017. Vol. 16, no. 5. P. 450–470. <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1221186>.

Zhukov Y.M., Talibova R. Stalin's Terror and the Long-Term Political Effects of Mass Repression // Journal of Peace Research. 2018. Vol. 55, no. 2. P. 267–283. <https://doi.org/10.1177/0022343317751261>.

INEQUALITIES OF ELECTORAL PARTICIPATION IN RUSSIA

(a review of research in relation
to Western theoretical models)

V.V. Safronov

Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Citation: Safronov V.V. Inequalities of electoral participation in Russia (a review of research in relation to Western theoretical models) [Neravenstva elektoral'nogo uchastiya v Rossii (obzor issledovaniy v sootnesenii s zapadnymi teoreticheskimi modelyami)]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (2): 56–95. (In Russian)

doi: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.3>

Abstract. *The article presents an overview of studies of electoral activity of Russian citizens in relation to theoretical concepts that have received empirical justification in stable Western democracies and countries of Central and Eastern Europe. The patterns identified in Russia at the individual level fit into the Western theoretical model of “resources — motivation — mobilization”. It is noted that in Russian works insufficient attention was paid to the social structuring of participation, perhaps due to the inexpressiveness of such differences, and mobilization is discussed mainly in connection with the work of political machines — the role of parties, civil society organizations and social networks remains out of focus. There is general agreement in the literature on Russian voters regarding the key factors explaining participation in voting — they belong to the motivational block. It is argued that absenteeism is supported by the low interest of our fellow citizens in politics and political alienation — distrust of the authorities, politicians and democratic institutions, convictions of the political system’s unresponsiveness to the preferences of citizens and their inability to influence political decisions. However, apart from the rare exceptions presented by the works of Western researchers, convincing evidence of such relationships obtained using relevant statistical methods is not provided. An analysis of regional and district statistics shows that differences in turnout may indicate the use of political machines by the authorities, which serve to mobilize voters dependent on the state — those receiving social benefits and services, employees of state enterprises and institutions, and residents of national republics. These claims deserve further verification through analysis of survey data.*

Keywords: *research review, electoral participation, social inequalities, motivations for voting and absenteeism, mobilization and political machines, Western democracies, Central-Eastern Europe, Russia.*

REFERENCES

Alekseev R.A. Izbirateľnyye kampanii parlamentskikh vyborov (1993–2016 gg.) i osobennosti elektoral'nogo povedeniya [Electoral campaigns of parliamentary elections (1993–2016) and features of electoral behavior], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and political sciences], 2018, 3, pp. 195–206. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2018-3-195-206>. (In Russian)

Alekseev R.A., Abramov A.V. Elektoral'nyy absenteizm v Rossii i sposoby yego preodoleniya (na materialakh prezidentskikh vyborov 2000–2012 gg.) [The Electoral Absenteeism in Russia and Ways to Overcome It (on materials of the 2000–2012 presidential elections)], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (electronic journal)], 2016, 4:1. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2016-4-1037>. (In Russian)

Alekseev R., Abramov A. Elektoral'nyy absenteizm na prezidentskikh i parlamentskikh vyborakh v Rossii (izbirateľnyye kampanii s 1993 po 2018 g.): prichiny, posledstviya, sposoby preodoleniya [Electoral absenteeism in the presidential and parliamentary elections in Russia (election campaigns from 1993 to 2018): causes, consequences, ways to overcome], *Postsovetkiy materik* [Post-Soviet Continent], 2018, 4, pp. 43–57. (In Russian)

Allina-Pisano J. Social contracts and authoritarian projects in post-Soviet space: The use of administrative resource, *Communist and Post-Communist Studies*, 2010, 43, pp. 373–382. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.001>.

Banducci S.A., Karp J.A. Electoral Systems, Efficacy, and Voter Turnout, *The Comparative Study of Electoral Systems*. Ed. by H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2009, pp. 109–134.

Bersh T.A., Yakimova E.M. Pravo na neuchastiye v vyborakh (absenteizm) cherez prizmu svobodnogo formirovaniya politicheskogo povedeniya grazhdanina [The right to non-participation in elections (absenteeism) through the prism of the free formation of the political behavior of a citizen], *Izbirateľnoye pravo* [Suffrage Law], 2020, 1, pp. 22–26. (In Russian)

Birch S. Elections and Voters, *Developments in Central and East European Politics 5*. Ed. by S. White, P.G. Lewis, J. Batt. Durham: Duke University Press, 2013, p. 156–170.

Birch S. Elections and Electoral Participation, *The Routledge Handbook of East European Politics*. Ed. by A. Fagan, P. Kopecký. London and New York: Routledge, 2018. P. 157–168.

Blais A. What Affects Voter Turnout? *Annual Review of Political Science*, 2006, 9, pp. 111–125. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.070204.105121>.

Blais A. Turnout in Elections, *The Oxford Handbook of Political Behavior*. Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2007, pp. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p.

Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political Equality and Turnout, *The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies*. Ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. New York: Oxford University Press, 2020, pp 396–412.

Bohrer R.E., Pacek A.C., Radcliff B. Electoral Participation, Ideology, and Party Politics in Post-Communist Europe, *The Journal of Politics*, 2000, 62(4), pp. 1161–1172.

Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. 576 p.

Cancela J., Geys B. Explaining Voter Turnout: A Meta-Analysis of National and Subnational Elections, *Electoral Studies*, 2016, 42, pp. 264–275. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.03.005>.

Ceka B. The Perils of Political Competition: Explaining Participation and Trust in Political Parties in Eastern Europe, *Comparative Political Studies*, 2013, 46(12), pp. 1610–1635. <https://doi.org/10.1177/0010414012463908>.

Colton T.J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 336 p.

Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>.

Dalton R.J. Party Identification and Its Implications, *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Ed. by W.R. Thompson. 2021. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.72>.

Dinas E. The Acquisition of Voting Habits, *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*. Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London and New York: Routledge, 2018, pp. 108–119.

Fiorina M.P. *Retrospective Voting in American Elections*. New Haven: Yale University Press, 1981. 249 p.

Franklin M.N. The Dynamics of Electoral Participation, *Comparing Democracies 2*. Ed. by L. LeDuc, R.G. Niemi, P. Norris. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2002. P. 148–168.

Franklin M.N. with assistance from van der Eijk C., Evans D., Fotos M., Hirczy de Mino W., Marsh M., Wessels B. *Voter Turnout and the Dynamics of Electoral Competition in Established Democracies since 1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 277 p.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace, *World Politics*, 2014, 66(2), pp. 195–228. <https://doi.org/10.1017/S004388711400001X>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia, *British Journal of Political Science*, 2019a, 49(3), pp. 857–881. <https://doi.org/10.1017/S0007123416000752>.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. Vote Brokers, Clientelist Appeals, and Voter Turnout: Evidence from Russia and Venezuela, *World Politics*, 2019b, 71(4), pp. 710–746. <https://doi.org/10.1017/S0043887119000078>.

Gallego A. *Unequal Political Participation Worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139151726>.

Gandhi J., Lust-Okar E. Elections under Authoritarianism, *Annual Review of Political Science*, 2009, 12, pp. 403–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.060106.095434>.

Geys B. Explaining Voter Turnout: A Review of Aggregate-Level Research, *Electoral Studies*, 2006, 25(4), pp. 637–663. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2005.09.002>.

Golosov G.V. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2013, 21(4), pp. 459–480.

Goodnow R., Moser R.G., Smith T. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia, *Electoral Studies*, 2014, 36, pp. 15–27. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2014.05.005>.

Gudkov L., Dubin B., Zorkaya N. Rossiyskiye parlamentskiye vybory: elektoral'nyy protsess pri avtoritarnom rezhime [Russian parliamentary elections: electoral process under an authoritarian regime], *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 2012, 1, pp. 5–31. (In Russian)

Hale H.E. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy, *Post-Soviet Affairs*, 2003, 19(3), pp. 228–263. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.3.228>.

Hale H.E. Correlates of clientelism: Political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition, *Patrons, clients, and policies: Patterns of democratic accountability and political competition*. Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 227–250.

Hutcheson D.S. Contextualizing the 2016 State Duma Election, *Russian Politics*, 2017, 2(4), pp. 383–410. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204001>.

Hutcheson D., McAllister I. Putin versus the Turnout? Mapping the Kremlin's Presidential Election Support, *Russian Politics*, 2018, 3(3), pp. 333–358. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303002>.

Johnston R. Party Identification: Unmoved Mover or Sum of Preferences? *Annual Review of Political Science*, 2006, 9, pp. 329–351. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.9.062404.170523>.

Kitschelt H. The Demise of Clientelism in Affluent Capitalist Democracies, *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. Ed. by H. Kitschelt, S.I. Wilkinson. New York: Cambridge University Press, 2007, pp. 298–321.

Kitschelt H., Wilkinson S.I. (Eds.). *Patrons, Clients, and Policies: Patterns of Democratic Accountability and Political Competition*. New York: Cambridge University Press, 2007. 392 p.

Kittilson M.C., Anderson C.J. Electoral Supply and Voter Turnout, *Citizens, Context, and Choice: How Context Shapes Citizens' Electoral Choices*. Ed. by R.J. Dalton, C.J. Anderson. New York: Oxford University Press, 2011. P. 33–54.

Kostadinova T. Voter Turnout Dynamics in Post-Communist Europe, *European Journal of Political Research*, 2003, 42(6), pp. 741–759. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.00102>.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement, *Europe-Asia Studies*, 2014, 66(6), pp. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>.

Kovrov V.F. Otrazheniye problemy elektoral'nogo absenteizma v trudakh otechestvennykh uchenykh [Reflection of the problem of electoral absenteeism in the works of domestic scientists], *Nauchnyy al'manakh* [Scientific almanac], 2015, 9, pp. 1372–1376. <https://doi.org/10.17117/na.2015.09.1372>. (In Russian)

Kulagina E.A. Politicheskaya kul'tura rossiyan: motivatsiya uchastiya/neuchastiya v vyborah [Political culture of Russians: motivation for participation / non-participation in elections], *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring], 2007, 4, pp. 20–29. (In Russian)

Kynev A. How the Electoral Policy of the Russian State Predetermined the Results of the 2016 State Duma Elections, *Russian Politics*, 2017, 2(2), pp. 206–226. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00202002>.

Martinez M.D. Why is American Turnout so Low, and Why Should We Care? *The Oxford Handbook of American Elections and Political Behavior*. Ed. by J.E. Leighley. New York: Oxford University Press, 2010. P. 107–124. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199235476.003.0007>.

Mamonov M., Gavrilov I., Vyadro M. Evolyutsiya politicheskogo povedeniya rossiyan v elektoral'nom tsikle 2016–2018 gg. [The evolution of the political behavior of Russians in the electoral cycle of 2016–2018], *Vybory na fone Kryma: elektoral'nyy tsikl 2016–2018 gg. i perspektivy politicheskogo tranzita* [Elections against the backdrop of Crimea: the electoral cycle of 2016–2018. and prospects for political transit]. Ed. by V. Fedorov. Moscow: VTSIOM, 2019, pp. 15–104. (In Russian)

McAllister I. Partisanship and Political Participation, *Research Handbook on Political Partisanship*. Ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 266–280. <https://doi.org/10.4337/9781788111997>.

McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election, *Russian Politics*, 2017, 2(4), pp. 411–433. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204002>.

Milayeva O.V., Siushkin A.E., Androsova L.A. Model' «elektoral'nogo bessiliya»: k voprosu ob absenteistском povedenii rossiyan na vyborah [Model of “electoral

impotence”: on the issue of absentee behavior of Russians in elections], *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society], 2017, 7, pp. 28–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.7.20831>. (In Russian)

Moser R.G., White A.C. Does electoral fraud spread? The expansion of electoral manipulation in Russia, *Post-Soviet Affairs*, 2017, 33(2), pp. 85–99. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2016.1153884>.

Myagkov M., Ordeshook P.C. *Russian Elections: An Oxymoron of Democracy*. Seattle, WA: The National Council for Eurasian and East European Research, 2008. 31 p. Available at: https://www.ucis.pitt.edu/nceer/2008_822-11_Ordeshook.pdf (accessed: 16.11.2022).

Northmore-Ball K. Increasingly Unequal Turnout in Eastern European New Democracies: Communist and Transitional Legacies versus New Institutions, *Electoral Studies*, 2016, 42, pp. 188–200. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2016.01.012>.

Pacek A.C. Macroeconomic Conditions and Electoral Politics in East Central Europe, *American Journal of Political Science*, 1994, 38(3), pp. 723–744.

Pacek A.C., Pop-Eleches G., Tucker J.A. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries, *The Journal of Politics*, 2009, 71(2), pp. 473–491. <https://doi.org/10.1017/S0022381609090409>.

Panov P., Ross C. Explanatory Factors for Electoral Turnout in the Russian Federation: The Regional Dimension, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2016, 24(3), pp. 351–370.

Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout, *The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion*. Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London; New York: Routledge, 2018. P. 69–82.

Reisinger W.M., Moraski B. The Relationship between Turnout and Competition Levels in Russia, *Annual National Conference of the Midwest Political Science Association*, 2008, pp. 1–38. doi: 10.17077/j0cp-n5zz.

Robbins J.W., Rybalko M. Voter Turnout in a Hegemonic Party System: An Analysis of Electoral Participation in Russia's Regions, *Conference Papers — Southern Political Science Association*, 2013, pp. 1–30.

Rogov K. Russia's 2016 Duma Elections: Ambiguous Triumph and New Challenges for the Regime, *FIIA (The Finnish Institute of International Affairs) Briefing Paper*, 2016, No. 205. Available at: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2017/04/bp205_russia_s_2016_duma_elections.pdf (accessed: 16.11.2022).

Saikkonen I.A.-L. Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia, *Government and Opposition*, 2017, 52(1), pp. 51–74. <https://doi.org/10.1017/gov.2015.20>.

Shkel' S.N. Bastiony traditsii: etnicheskiy faktor i politicheskiye mashiny v regionakh Rossii [Bastions of tradition: the ethnic factor and political machines in the regions of Russia], *Polis. Politicheskkiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 2019, 1, pp. 49–70. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.05>. (In Russian)

Shkel' S., Shcherbak A., Tkacheva T. Anatomiya loyality: mekhanizmy formirovaniya elektoral'nogo sverkhbol'shinstva v etnicheskikh respublikakh sovremennoy Rossii [Anatomy of Loyalty: Mechanisms for the Formation of an Electoral Supermajority in the Ethnic Republics of Modern Russia], *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review], 2022, 21(1), pp. 38–70. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-38-70>. (In Russian)

Sirotkina E.V., Karandashova S.A. Loyalty elit i vybory glav regionov: rol' predvybornykh konfliktov v iskhode golosovaniya [Elite loyalty and elections of heads of regions: the role of pre-election conflicts in the outcome of voting], *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 2017, 6, pp. 76–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>. (In Russian)

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout, *Electoral Studies*, 2013, 32(2), pp. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>.

Solt F. Economic Inequality and Democratic Political Engagement, *American Journal of Political Science*, 2008, 52(1), pp. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.

Stockemer D. What Affects Voter Turnout? A Review Article/Meta-Analysis of Aggregate Research, *Government and Opposition*, 2017, 52(4), pp. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.

Tkacheva T., Golosov G.V. United Russia's Primaries and the Strength of Political Machines in the Regions of Russia: Evidence from the 2016 Duma Elections, *Europe-Asia Studies*, 2019, 71(5), pp. 824–839. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1613515>.

Tucker J.A. The First Decade of Post-Communist Elections and Voting: What Have We Studied, and How Have We Studied It? *Annual Review of Political Science*, 2002, 5, pp. 271–304. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.5.100201.102917>.

Turovsky R., Korneeva E. The Institutional Impact on Voter Turnout: The Case of Russia and Its Regions (2011–2016), *Russian Politics*, 2018, 3(3), pp. 372–395. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00303004>.

Volkova N.V., Dudochnikov A.I. Analiz vliyaniya elektoral'noy aktivnosti na konkurentnost' vyborov v Rossii [Analysis of the influence of electoral activity on the competitiveness of elections in Russia], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2018, 8. <https://doi.org/10.24158/pep.2018.8.3>. (In Russian)

Wass H., Blais A. Turnout, *The SAGE Handbook of Electoral Behaviour. Vol. 1*. Ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage, 2017. P. 459–487.

White A.C. A Chink in the Autocrat's Armour: Demographic Change and Voter Turnout in Putin's Russia, *Ethnopolitics*, 2022, 21(4), pp. 381–400. <https://doi.org/10.1080/17449057.2021.1901187>.

White A.C., Saikkonen I.A.-L. More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National

Elections, *Ethnopolitics*, 2017, 16(5), pp. 450–470. <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1221186>.

Yatsenko V.V., Dubrovskiy N.S. Absenteizm v Rossii i puti yego preodoleniya [Absenteeism in Russia and ways to overcome it], *Aktual'nyye problemy konstitutsionnogo, munitsipal'nogo i mezhdunarodnogo prava: Sbornik nauchnykh statey. Regional'nyy nauchnyy kruglyy stol s mezhdunarodnym uchastiyem* [Actual problems of constitutional, municipal and international law: Collection of scientific articles. Regional scientific round table with international participation]. Iss. 6. Ed. by V.V. Korovin. Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2021, pp. 127–131. (In Russian)

Zhukov Y.M., Talibova R. Stalin's Terror and the Long-Term Political Effects of Mass Repression, *Journal of Peace Research*, 2018, 55(2), pp. 267–283. <https://doi.org/10.1177/0022343317751261>.

ОТ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ К ПОЛИТИЗАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЗЕЛЕННЫХ ПАРТИЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И ПОЛИТИЧЕСКОГО КРЫЛА ЗЕЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ

О.Д. Цепилова

(tsepilova@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Цепилова О.Д. От институционализации к политизации: сравнительный анализ возникновения и развития зеленых партий Западной Европы и политического крыла зеленого движения России // *Власть и элиты*. 2022. Т 9, № 2. С. 96–121

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>

Аннотация. В рамках институционального подхода проводится сравнительный анализ возникновения и развития зеленых партий Западной Европы и политического крыла зеленого движения России. Установлено, что процессы зеленого партийного строительства становятся успешными в обоих случаях только на базе экологических неправительственных организаций (НПО) с высокой степенью институционализации экологического движения. Попытки властных групп создать зеленые партии в России с помощью административного ресурса вне связи с реальным экологическим движением — часть политики административного контроля и управления электоральными процессами. Этот политический феномен является существенным отличием российского политического зеленого спектра в сравнении с западноевропейским. Выделяются три этапа развития политического крыла зеленого движения в России. По мере роста институционализации зеленого движения включенность политических зеленых в контекст общей политики становится все более реальным и результативным процессом. При этом политическое крыло зеленого движения России остается слабым, в том числе по причине

функционирования в оппозиционном спектре российской политики (внутрипартийная фракция «Зеленая Россия» партии «Яблоко»). Выявлено, что еврозеленые и российские политические зеленые имеют сходную современную повестку в трех основных направления развития (экологическая, гендерная повестки, повестка толерантности) с тем отличием, что западноевропейские зеленые партии развивают все три направления паритетно, в то время как в России экологическое направление превалирует. Современная повестка политических зеленых существенно меняется в связи с текущей международной ситуацией, в Западной Европе в большей мере под воздействием внешних факторов, в России — внутренних. Как в Западной Европе, так и в России большинство политических зеленых сохраняют членство как в своих партиях, так и в базовых НПО, если таковые продолжают свое существование. Как еврозеленые так и российские политические зеленые развиваются в основном в левом идеологическом спектре, но зеленый политический ландшафт существует сегодня со многими оттенками как в Западной Европе, так и в России.

Ключевые слова: институционализация, политизация, «новые» общественные движения, неправительственные общественные организации (НПО), политические зеленые партии, «новые левые», Европейская зеленая партия (ЕЗП), еврозеленые, политическое крыло зеленого движения России, левая идеологическая парадигма.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение политических партий — один из самых развитых и длительных во временном отрезке исследовательских блоков в сфере политической и социологических наук. Достаточно назвать таких классиков исследовательского направления, как М. Дюверже, С. Липсет, С. Роккан, Д. Сартори, десятилетиями изучающих причины возникновения, сущности политических партий, закономерности их развития и функционирования в рамках различных политических режимов и избирательных систем [Дюверже 2002; Lipset, Rokkan 1967; Sartori 2005]. Свой вклад в обобщение западного исследовательского опыта и изучение постперестроечного партийного строительства в России внесли отечественные исследователи [Голосов 2001; Исаев 2008].

Бурный рост в Западной Европе и в мире «новых» общественных движений (экологических, антивоенных и др.), начавшийся в начале 1960-х и в начале 1970-х годов ознаменовавший начало создания зеленых партий в мире, особенно в Западной Европе, вызвал всплеск иссле-

довательского интереса к указанным общественно-политическим процессам. Очевидно, что создание и развитие зеленых партий имело свою специфику. Эти процессы и их развитие изучены и продолжают исследоваться в работах западных авторов [Bolin 2016; Bomberg 2005; Brack, Kelbel 2016; Bukow 2016; March, Mudde 2005].

Заинтересованный и широкий интерес представляют западноевропейские зеленые партии и для российских специалистов [Бардин, Сигаичев 2020; Жирнов 2012; Костюк, Канинская 2020; Матвеева 2016; Ровинская 2015; Ровинская 2019; Ульянов 2020]. Следует отметить, что значительная часть отечественных исследований зеленых партий Западной Европы посвящены различным аспектам их развития в левой идеологической парадигме.

Основной гипотезой настоящего исследования стал тезис о том, что политические зеленые партии возникают и устойчиво развиваются на базе институционализированных НПО. Именно степень институционализированности НПО, на основе которых создаются партии, в значительной мере определяет устойчивость и успешность политических зеленых. В изучении западноевропейских зеленых партий институциональный подход в общих чертах уже использовался, в частности Е. Матвеевой [Матвеева 2016].

В анализе процессов институционализации автор опирался на основные положения теории структуры политических возможностей [Klandermans 2017; McAdam, Tarrow 2013; Offe 2017; Rucht 2017]. Представляется, что институционализация общественных движений рассматривается в литературе по крайней мере в четырех смыслах. Во-первых, как превращение в институт, когда «институционализацией называется процесс, в ходе которого социальные практики становятся достаточно регулярными и долговременными, так что их можно представить в качестве институтов» [Аберкромби, Хилл, Тернер 1997: 107]. Во-вторых, как организационное оформление, профессионализация и расширение сферы активности движения. В-третьих, как включение в институциональную деятельность всего движения или отдельных его членов, и/или как принятие движением требований официального общества, и/или как признание обществом правомерности требований движения и включением их в повестку дня официальной политики. В-четвертых, включение требований движения в программы устоявшихся легальных и легитимных партий и иных политических организаций. Названные представления об институционализации в тех или

иных теоретических представлениях могут не исключать друг друга, а сочетаться.

В настоящей работе сравнительный анализ зеленых партий Западной Европы и России проведен с точки зрения институционального подхода на основе изучения профильной научной литературы, наблюдающего участия (участие в работе съездов Европейской зеленой партии (ЕЗП) с 2007 г.), участия в работе фракции «Зеленая Россия» партии «Яблоко», анализа официальных документов политических зеленых партий, официальных данных электоральных кампаний.

ЗЕЛЕНЫЕ ПАРТИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В 1970-х годах политическое крыло зеленых в мире, особенно в Западной Европе, стало образовывать собственные партии на базе неправительственных экологических организаций, успешно вошедших в этап институционализации. Первая зеленая партия была создана в Новой Зеландии в 1972 г. А в 1979 г. появился и первый член зеленой партии, избранный в национальный парламент, — Даниель Брелац (Швейцария). В этот период наряду с интеграцией экологических НПО в политические структуры шла и дифференциация. Так, в Бельгии возникло пять зеленых партий при сохранении экологических организаций как таковых. А в Нидерландах перед выборами 1989 г. возникла коалиция «Зеленая левая», объединившая коммунистическую партию Нидерландов, Пацифистско-социалистическую партию, Политическую радикальную партию, Евангелистскую народную партию и группу независимых кандидатов, успешно конкурировавших с голландскими «Зелеными» (De Groenen). Следует акцентировать важную деталь (она будет актуальна далее в сравнении западноевропейских и российских политических зеленых): в долговременной перспективе большинство зеленых активистов сохранили членство как в своих партиях, так и в базовых НПО, если таковые сохранили свое существование.

В Западной Европе в период возникновения и становления зеленых партий наиболее значимым был антиядерный протест. Именно в связи с мобилизацией населения на референдумах по атомной энергетике возникли австрийская и шведская зеленые партии. Тематика ядерного разоружения и развития атомной энергетики оказались значимыми для развития зеленых в Германии, Люксембурге, Финляндии, Франции, в скандинавских странах. Сплоченное и хорошо организо-

ванное участие в организации референдумов стало подтверждением высокого уровня институционализированности неформального экологического движения в ряде стран Западной Европы. Важно отметить, что не только в процессе формирования, но и в развитии западноевропейских зеленых партий антиядерная тематика оформится в дальнейшем как одна из ключевых программных установок еврозеленых.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов большинство европейских зеленых пережили внутренний конфликт. Борьба шла между так называемыми фундаменталистами (Fundis) и реалистами (Realos). Иначе это разделение называли «зеленые-зеленые» и «красно-зеленые». В некоторых исследованиях можно встретить разделение в терминах «пуристкие» («зеленые-зеленые») и «радужные» (rainbow; «красно-зеленые») партии. Фундаменталисты хотели оставаться верными своим радикальным корням и отвергали любые компромиссы или коалиции. Так, «зелено-зеленые» партии, такие как, например, «Де Гроенен» (De Groenen) в Нидерландах, проводя радикальную экологическую политику, избегали левой идеологии и стремились четко разделить свои взгляды и взгляды основных партий (левых или правых), подчеркивая свою зеленую идентичность. В свою очередь, реалисты склонялись к умеренности и коалиции в первую очередь с социал-демократическими партиями. В красно-зеленой парадигме, например, развивались немецкие зеленые, голландская партия «Зеленые-левые» (Green-Left). Эти партии формулировали экологическую повестку как фундаментальную часть своей политической стратегии радикального изменения современных капиталистических обществ в Западной Европе в соответствии с левой идеологией. В большинстве случаев реалисты победили и преобразовали свои партии в умеренные левые партии [Marcha, Mudde 2005; Bomberg 2005].

В 1993 г. была создана Европейская федерация зеленых партий (ЕФЗП). И уже в рамках ЕФЗП продолжилась развернутая и жесткая идеологическая дискуссия внутри и между отдельными партиями. В частности, формировалась идеология некоторых партий, определявших себя в идеологическом спектре левее социал-демократов, — «крайне левые партии» (Far Left Parties), или «новые левые». Типичными представителями «новых левых» является Северный альянс зеленых и левых (NGLA) Исландии, Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии. Они четко формулируют свою «экосоциалистическую позицию», основанную на принципах недогматического социализма (и часто немарксистского социа-

лизма) и синтезирующую экономическую и экологическую критику капитализма [Жирнов 2012].

К 2004 г. основные идеологические противоречия внутри еврозеленых удалось преодолеть и достигнуть компромиссов в процессе интеграции партий. В 2004 г. на базе ЕФЗП была создана Европейская зеленая партия (ЕЗП). В настоящее время в ЕЗП входят 33 партии с полным членством (full members) из 28 стран и семь ассоциированных членов (associate members) из семи стран.

Согласно предвыборному манифесту Европейской зеленой партии «Время обновить перспективу Европы» (принят ЕЗП в качестве программного документа к выборам в Европарламент 2019 г.) в качестве альтернативы нынешней европейской интеграции рассматривается социальная Европа с устойчивой экономикой и налоговой справедливостью. Каждый европеец должен иметь право на достойный доход и базовые общественные услуги, а «новый зеленый курс» должен быть основан на инновациях и устойчивых исследованиях с соответствующими инвестициями. В ряде вопросов политические зеленые довольно радикальны. Даже на фоне левых партий они выделяются особым вниманием к защите юридических и социальных прав меньшинств: национальных (в том числе мигрантов и беженцев), религиозных, сексуальных (в частности, представителей ЛГБТ-сообщества). ЕЗП видит развитие Европы в ее многообразии, о чем практически не говорят традиционные социал-демократы. Другое проявление радикализма «зеленых» — неприятие репрессивной политики в отношении мигрантов и беженцев, исходящей от правых политических сил [Ульянов 2020].

Из манифеста ЕЗП «Время обновить перспективу Европы»: «Гарантировать достойный минимальный доход в странах — членах ЕЭС. Европе необходимо стать социальным союзом, расширяя возможности рабочих, борясь с бедностью и сокращая неравенство. Необходимо возобновление социальной справедливости и интеграции для всех граждан. Они не должны стать жертвой политики жесткой экономии или корпоративной жадности. Необходимо обеспечить справедливую оплату труда, права профсоюзов и достойные условия труда. <...> Зеленые также борются за справедливо оплачиваемый отпуск по болезни и справедливый отпуск по уходу за ребенком во всех странах. Социальные права должны иметь юридическую силу. <...> ЕС должен надежно поддерживать группы меньшинств против любой дискриминации. Защищать право на убежище и создавать законные и безопасные

каналы для миграции. Для нас право на убежище не подлежит обсуждению. Мы хотим, чтобы политика предоставления убежища основывалась на солидарности, гуманности и упорядоченном процессе, включая справедливое разделение ответственности между государствами-членами. Молодые люди должны иметь право на доступное высшее образование, хорошие условия обучения и справедливый доступ к рабочим местам с хорошим доходом. Социальная защита молодежи будет гарантирована посредством экспериментов с минимальным доходом и базовым доходом. Несправедливое налогообложение способствует неравенству. Зеленые разработают налоговые режимы, которые не будут по-прежнему давать привилегии крупным транснациональным корпорациям и богатым людям. Мы боролись в Европейском парламенте за получение дополнительной налоговой справедливости. Недопустимо, чтобы ряд транснациональных корпораций, а также крупные интернет-платформы почти не платили налогов. Поэтому мы хотим ввести цифровой налог в Европе. Гендерное равенство лежит в основе зеленой политики. Мы хотим, чтобы право на аборт было включено в Хартию основных прав и свобод Европейского Союза (ЕС). Мы хотим гарантировать бесплатные и доступные, качественные и безопасные услуги в области сексуального и репродуктивного здоровья (включая аборты). Европе необходимо бороться с гендерным насилием. Мы полны решимости обеспечить равную оплату за равный труд и более гендерный состав властных структур. Мы также хотим, чтобы признавалось истинное разнообразие европейцев, и будем бороться со всеми формами дискриминации и насилия (в том числе в отношении ЛГБТ) и предотвращать их» [Priorities for 2019].

Современная повестка западных европейских зеленых партий включает в настоящий период три основных направления: 1) экологическая повестка; 2) гендерная повестка; 3) повестка толерантности (тематика «гей-сообщества» — ЛГБТ), расовая толерантность, межконфессиональная толерантность, права мигрантов и беженцев и т.д.). В свою очередь, экологическая повестка приоритетно включает климатическую повестку и развитие альтернативной энергетики.

В связи с напряженной международной обстановкой и нарастанием энергетического кризиса в Европе ЕЗП включило незыблемый в течение трех последних десятилетий тезис об отказе от ядерной энергетики в пакет дискуссионных вопросов. На 36-м съезде ЕЗП в Копенгагене (2–4 декабря 2022 г.) обсуждались как дискуссионные и позиции ЕЗП

в отношении новой гонки вооружений и ранее декларируемая позиция «против роста военных расходов». В целом следует сказать, что три тематических направления развития еврозеленых существуют приблизительно на паритетных основаниях. Экологическая повестка не имеет приоритетного значения.

В современных условиях глобальных политических и экономических перемен зеленый политический западный ландшафт претерпевает существенные изменения и развивается со многими идеологическими оттенками.

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРЫЛА ЗЕЛЕНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

1 этап

В начале 1990-х годов общественное экологическое движение было весьма заметным в общественно-политической жизни страны. Множество экологических НПО успешно функционировало в различных регионах России. Но во всероссийском масштабе движение было разобщенным и имело лишь зачаточные и фрагментарные черты институционализации.

В 1990-е годы начинаются попытки создания зеленых партий при участии экологических НПО на региональных уровнях. В этот период политизированные зеленые Москвы, Санкт-Петербурга, Нижегородской, Мурманской, Новосибирской, Саратовской, Самарской областей стали обсуждать необходимость создания независимой зеленой партии в стране (в некоторых регионах партии уже были неформально провозглашены), поскольку в их сотрудничестве с движением «Демократическая Россия» возник существенный конфликт. Политизированные зеленые не готовы были поддержать экономические проекты перехода к рынку, считая их антиэкологическими и антисоциальными. Одновременно они занимали оппозиционную позицию в отношении центрального руководства СССР, взяв курс на левую альтернативу и сотрудничество с анархистами и социалистами. В ряде местных и региональных НПО и провозглашенных региональных зеленых партий произошли расколы. Так, в Московской организации Партии зеленых (МОПЗ) в начале 1990 г. обострились разногласия между «умеренным» крылом «рыночных социалистов» и сторонниками экосоциализма и экоанархизма.

Экоанархисты активно участвовали в зеленом партийном строительстве 1990-х годов. Наиболее крупное всероссийское радикальное анархистское движение — «Хранители радуги». Оно возникло в 1989 г., никогда не имело официальной регистрации по принципиальным соображениям. Основной целью «Хранители радуги» считали коренную реконструкцию политической системы. Активно сотрудничали с Социально-экологическим союзом в Москве, имели разветвленную сеть во многих регионах России. Наиболее заметным филиалом была «Экологическая вахта по Северному Кавказу» (считались Западно-Кавказским крылом «Хранителей радуги»). Эта организация была создана на основе двух экологических коммун: «Атши» и «Сахрай». «Хранители радуги» также имели активные отделения в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Иркутске, Сыктывкаре, Нижнем Новгороде, Рязани и других городах. Были ориентированы на проведение громких акций экологической и социальной направленности. Среди наиболее заметных можно назвать акции против функционирования завода по уничтожению химического оружия близ города Чапаевска в Самарской области (1989), завода по производству рапсового масла в Липецкой области (1992), карьерных разработок в национальном парке «Самарская Лука» в Самарской области (1993), АЭС в Волгодонске (1996), завода по переработке электронного лома в Касимове Рязанской области (1998), эксплуатации вредного химического цеха (по производству фенолформальдегидных смол) в Сасове Рязанской области (2008), строительства платной трассы через Химкинский лес в Московской области (2010). «Хранители радуги» и «Экологическая вахта по Северному Кавказу» в различных форматах существуют по настоящее время. «Эковахта» за эти годы прошла различные этапы развития, в том числе институциональные, что привело ее к отказу от базовых принципов радикального анархистского движения. В 2014 г. «Эковахта» была включена в реестр иностранных агентов, в 2016 г. исключена из этого реестра. Остается активно функционирующей НПО с официальной регистрацией в Минюсте.

В 1990-е годы экоанархисты одновременно с проведением громких экологических акций активно участвовали во всех координационных мероприятиях по созданию политического крыла всероссийского зеленого движения. Они считали себя радикальным левым движением «экополитиков». Создаваемые в это время региональные зеленые партии быстро распались в значительной мере из-за высокой конфликтности

по поводу радикальных позиций эконоархистов-экополитиков. Оказали существенное влияние на процессы политизации российского экологического движения и в дальнейшем развитии.

Основная специфика базового предварительного этапа в формировании политического крыла зеленого движения в России — отсутствие серьезных предпосылок для формирования зеленых партий. Экологическое движение России было многочисленным, но разобщенным организационно и идеологически. Движение имело лишь зачаточные черты институционализации (частичная профессионализация, ограниченное сотрудничество с официальными институтами). Идеологически находились в левом и радикально левом спектре.

II этап

Следующий этап в попытках создания политического крыла зеленого движения в России начинается в 1995 г. Именно это точка отсчета, когда полностью закончилась «вольная жизнь» экологических НПО. Экологическое движение все в большей мере испытывает на себе различные механизмы контроля и давления со стороны официальной власти.

Серьезную роль в реальной институционализации общественного экологического движения в России сыграли референдумы конца 1990-х — начала 2000-х годов. Основная тематика референдумов — антиядерная. После чернобыльской катастрофы 1986 г. антиядерное движение приобретает широкий размах и предельно консолидирует зеленое всероссийское движение в целом. Когда экологическое движение в России начинает подвергаться давлению со стороны официальной власти (1995–2000), в арсенале экологов оставался еще довольно мощный и действенный легальный механизм референдумов. Это и стало основным направлением деятельности экологической общественности.

Даже референдум по строительству Костромской АЭС 1995 г., когда 72 % населения области проголосовали против реализации проекта, впоследствии признанный нелегитимным (вопрос относился к компетенции федеральной власти и окончательно решался именно на этом уровне), в конечном итоге повлиял на то, что власти отказались от строительства Костромской АЭС.

В 2000 г. «Гринпис» России, Российский филиал Всемирного фонда дикой природы (WWF России), Социально-экологический союз, Центр экологической политики России и многие другие экологические НПО

выступили с инициативой проведения Всероссийского референдума по трем вопросам: «1. Вы за запрет ввоза из других государств на территорию России радиоактивных материалов на хранение, захоронение или переработку? 2. Вы за то, чтобы в России был федеральный государственный орган по охране окружающей среды, отдельный как от органов по использованию, так и от органов по управлению природными ресурсами? 3. Вы за то, чтобы в России была юридически самостоятельная государственная лесная служба?» Для проведения референдума нужно было собрать два миллиона подписей. Собрали два с половиной миллиона. Уникальный опыт во всей истории проведения референдумов. Сплоченно и солидарно трудились все экологические НПО страны. Все подписи были проверены в областных избирательных комиссиях, но ЦИК признал недостаток 55 тысяч подписей, поскольку многие под надуманными предложениями были признаны недействительными. Через три месяца, после того как были поданы подписи, законодательство было изменено. Изменение закона гласило, что собирать подписи можно только в специально отведенных местах. Несмотря на видимый негативный результат (непризнание референдума федеральной властью и отказ от самого механизма референдумов на законодательном уровне), это была большая победа зеленого движения. Общественное экологическое движение России сделало большой шаг вперед в процессе институционализации движения, в том числе были сохранены все выработанные за время проведения референдума механизмы взаимодействия между НПО, наработаны некоторые каналы для диалога с официальными структурами власти. Экологическое движение стало всероссийским. Между тем уровень институционализированности движения оставался фрагментированным, институциональные процессы еще не были закреплены в долговременных практиках.

Важным фактором в успешной институционализации экологического движения и дальнейшем сплочении политизированных зеленых явился тот факт, что в этот период экологическое сообщество окончательно признало безусловным лидером экологического движения России Алексея Владимировича Яблокова. Член-корреспондент РАН, ученый-эколог с мировым именем, медийная фигура, человек с политическим и административным опытом и, наконец, пассионарий.

Именно сплочение экологических НПО по организации антиядерных референдумов привело в 2004 г. к подписанию меморандума 286 ведущих экологических НПО страны о необходимости создания

независимой зеленой партии в России. Инициатором и «мотором» инициативы явился А.В. Яблоков, который провозгласил необходимость внесения экологической проблематики в политическую повестку дня необходимым условием выживания всего экологического общества.

III этап

В июне 2005 г. на учредительном съезде была создана партия «Союз зеленых России (Зеленая Россия)». Был создан политсовет партии, председателем партии избран А.В. Яблоков. В течение года, предусмотренного законом о партиях как подготовительного срока к официальной регистрации, «Зеленой России» предстояло привлечь 50 тысяч членов не менее чем в половине субъектов Российской Федерации.

К моменту создания партии экологические НПО в России имели лишь фрагментарные, неустойчивые черты институционализации, в значительной мере поэтому дальнейшее развитие проходило в состоянии идеологического и организационного раскола.

К началу лета 2006 г. «Зеленая Россия» сумела выполнить практически все требования закона. Но переговоры с официальными структурами политической власти не сложились. В частности, одним из условий официальной регистрации партии было требование отказаться от антиядерной повестки в программе партии. Создание независимой политической зеленой партии оказалось невозможным в существующих политических условиях. «Зеленая Россия» взяла курс на создание фракции внутри демократической партии «Яблоко», имеющей отчетливую и реально работающую экологическую повестку (в том числе твердую позицию о неприемлемости экспорта радиоактивных отходов в РФ). Это усилило противоречия в руководстве партии и привело к острой политической дискуссии. «Идеологически партия и избранный на ее учредительном съезде федеральный политсовет представляли собой смесь и правых, и левых, и государственников, и анархистов, объединенных зеленой идеей» [Яблоков 2006: 140]. Группа москвичей («левые» и «крайне левые» — экосоциалисты и экоанархисты, в основном бывшие члены МОПЗ) выступала за преобразование партии в «непартийную политическую общественную организацию». Группа подавляющего числа региональных лидеров и председатель партии — за создание политической структуры, которая может продолжить самостоятельное развитие внутри официально зарегистрированной политической партии

с последующим преобразованием в независимую политическую партию (это гарантировалось обсуждаемым соглашением с партией «Яблоко»). Большинство членов Политсовета и руководителей региональных отделений «Зеленой России» высказались за второй путь.

Группа экологов, основу которой составляли московские, саратовские и мурманские экосоциалисты, не согласившись уйти «под крыло» партии «Яблоко», в июне 2006 г. создали «Всенародное экологическое общество — Зеленые 3000». Была провозглашена главная цель: создание зеленой партии нового типа — партии народовластия и экологического социализма. Основными задачами грядущей партии названы достижения трех балансов: 1) социокультурного баланса интересов в отношении между людьми разного социального положения и культур — социальной справедливости; 2) экологического баланса в отношении между Землей и людьми, и между людьми в связи с экологическим ущербом природе, здоровью и имуществу людей — экологической справедливости; 3) международного баланса интересов между разными странами и народами — международной справедливости. Из манифеста «Зеленых 3000»: «“Зеленые 3000” — практически единственная общероссийская общественная экологическая организация, которая последовательно выступает за прекращение спекуляций землей, недрами, водами, лесами и другими природными благами страны. Мы считаем, что этим благам должен быть придан статус общенационального достояния, что у каждого гражданина должно быть право на получение именной природной ренты от доходов, которые извлекаются от использования этих благ. И точно так же у каждого должна быть именная ответственность за ущерб, который он наносит Матери Земле, пропорциональный тем доходам, которые он извлекает в процессе собственной хозяйственной деятельности» [«Всенародное экологическое общество — Зеленые 3000» 2020]. Следует отметить, что информация о «Зеленых 3000» ограничивается программными положениями движения в социальной сети «ВКонтакте». Другие упоминания в СМИ и социальных сетях в современный период не найдены.

В мае 2006 г. на II съезде «Зеленой России» было принято решение о прекращении самостоятельной деятельности по созданию независимой зеленой партии. Председатель партии «Зеленая Россия» А.В. Яблоков и председатель политической партии «Яблоко» Г.А. Явлинский подписали соглашение о создании внутривнутрипартийной фракции «Зеленая Россия» в партии «Яблоко».

В июне 2006 г. на XVI съезде партии «Яблоко» были созданы шесть внутрипартийных фракций: зеленая, молодежная, гендерная, правозащитная, социал-демократическая, «Солдатские матери». «Зеленая Россия» и «Солдатские матери» были внешними фракциями (остальные фракции создавались на основе вступления во фракции действующих членов партии). Их объединение с «Яблоком» позволило изменить название партии: Российская демократическая партия (РДП) «Яблоко» стала именоваться Российской объединенная демократическая партия (РОДП) «Яблоко» или «Яблоко — объединенные демократы».

Ожидания РОДП «Яблоко» и «Зеленой России» от объединительного процесса оказались преувеличенными. «Яблочники» рассчитывали на существенный прирост рейтинга за счет актуализации экологической тематики и вхождения в партию ярких медийных фигур из числа зеленых. Экологи, в свою очередь, рассчитывали на финансовую поддержку своих проектов и продвижение своих активистов в органы представительной и исполнительной власти на всех уровнях (местный, региональный, федеральный). Но партия «Яблоко» и политизированные зеленые совместно вступили в трудный электоральный 2007 г. Относительно благоприятный для партии «Яблоко» предшествующий период (успешные для партии выборы в Московскую городскую Думу в декабре 2005 г.) закончился в 2007 г. Были сняты с участия в региональных парламентских выборах региональные списки партии в Карелии и Санкт-Петербурге (регионы с традиционно высокой электоральной поддержкой партии). Серьезные ограничения возникли в финансировании федеральной кампании по выборам в Думу Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва. Все медийный персоны из числа пришедших в «Яблоко» зеленых попали в стоп-листы средств массовой информации как на федеральном, так и на региональных уровнях. На выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва РОДП «Яблоко» получила 1,59 % избирателей [Выборы депутатов 2007]. Партия не только не прошла в Федеральный парламент, но и не получила государственного финансирования (выделяется политическим партиям в соответствии с Федеральным законом о политических партиях при прохождении 3%-ного барьера). Но зеленые были закалены трудностями существования в рамках НПО в предшествующие годы и в полном составе остались в партии. Для политического крыла зеленого движения начались трудные времена партийного строительства.

В последующем совместном развитии «яблочники» и «зеленороссы» осознали и позитивные результаты совместной деятельности.

Партия «Яблоко» получила «свежую кровь»: три тысячи зеленых активистов в 40 регионах РФ оживили работу многих региональных отделений партии. И хотя процесс встраивания в логику партийной деятельности и функционирования в рамках партийной бюрократии был непростым, уровень конфликтности в период становления фракции (2006–2010) оставался невысоким. Ряд региональных отделений партии уже в первые годы формирования и развития фракции и в последующие годы возглавляли зеленые лидеры (Челябинское, Амурское, Волгоградское, Краснодарское, Тверское, Башкирское, Забайкальское, Бурятское региональные отделения). Через фракцию усилилась связь партии с одним из наиболее сильных секторов гражданского общества — неполитизированным зеленым движением России. В разные годы зеленые лидеры показывали высокие результаты на выборах различного уровня. Один из ярких примеров последнего времени — результаты Олега Мандрыкина, лидера движения «Стоп-Шиес» на выборах Государственной Думы восьмого созыва в сентябре 2021 г. Он возглавлял список региональной группы № 30 общефедерального списка (Республика Коми, Архангельская область, Ненецкий автономный округ) и был выдвинут по одномандатному избирательному округу № 72 (Архангельская область — Архангельский). Выдвижение было поддержано всероссийским экологическим движением «Стоп-Шиес». По региональному списку результат О.А. Мандрыкина — 17 816 голосов; 2,81 % (партия «Яблоко» — 1,34 %) [Выборы депутатов 2021]. По одномандатному округу — 30 125 голосов, 17,56 % (2-е место из 10) [Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва <...> ОИК №72 2021]. Возглавляемый О.А. Мандрыкиным региональный список получил самый высокий процент голосов среди региональных групп общефедерального списка партии «Яблоко», но результаты были более весомыми в одномандатном округе, где антирейтинг партии в меньшей мере оказал влияние на итоги выборов.

Становление и развитие фракции «Зеленая Россия» в качестве внутрипартийной фракции РОДП «Яблоко» существенно укрепило и расширило экологическую повестку партии на федеральном уровне и особенно — в регионах. В 2021 г. РОДП «Яблоко» получило представительство в трех региональных парламентах, преодолев в этих регионах 5%-ный барьер: Законодательное Собрание Санкт-Петербурга седьмого

созыва — 9,15 % (2 депутата) [Выборы депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 2021]; Законодательное Собрание Республики Карелия седьмого созыва — 8,54% (1 депутат) [Выборы депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия 2021]; Псковское областное Собрание депутатов седьмого созыва — 6,20 % (1 депутат) [Выборы депутатов Псковского областного Собрания 2021]. Предвыборные программы этих региональных партийных групп включали актуальные экологические разделы, и текущая работа депутатов имеет весомую экологическую составляющую. Б.Л. Вишневыский, депутат пятого, шестого и седьмого созывов Законодательного собрания Санкт-Петербурга, является членом фракции «Зеленая Россия» с 2011 г., его природоохранная и градозащитная деятельность заметны в жизни города (освещаются в пространстве СМИ и социальных сетей). Активную экологическую деятельность ведет «яблочная» фракция (4 депутата) Московской городской Думы (выборы 2019 г.). И здесь зеленая повестка в ряду ключевых. В 2021 г. два зеленых депутата вошли в состав Петрозаводского городского Совета двадцать девятого созыва (список РОДП «Яблоко» — 10,88 %, 2 депутата) [Выборы депутатов Петрозаводского городского Совета 2021]. Заместитель председателя фракции «Зеленая Россия» Дмитрий Рыбаков возглавил «яблочную» фракцию в Петрозаводском Горсовете. С 2007 по 2011 г. он же, будучи первым депутатом от фракции «Зеленая Россия», возглавлял экологическую комиссию Петрозаводского горсовета. Из интервью с Д. Рыбаковым: «Работа в Петрозаводском горсовете в качестве председателя экологической комиссии в 2007–2011 гг. для меня, экологического активиста (с 1990 г. — член Ассоциации зеленых Карелии) открыла новые возможности. Внесение острых экологических вопросов в политическую повестку дня, широкий доступ к информационным ресурсам и многое другое. В эти годы я сумел сделать для своего города многократно больше, чем за предыдущие годы своей общественной работы. В 2022 г. — принципиально иная ситуация. Деятельность “яблочной” фракции в городском парламенте практически заблокирована. Но ведем работу и в этих трудных условиях» [Личный архив].

В процессе становления и развития фракция «Зеленая Россия» партии «Яблоко» приобрела большой политический опыт. Стали понятны механизмы функционирования политической партии, законы партийной бюрократии. Активизм в рамках партийной дисциплины и партийной ответственности оказался непростым процессом для гражданских активистов-неформалов, но фракция справилась. Сегодня фракция

«Зеленая Россия» функционирует в партии как органичная часть целого. Существенно снизилась численность членов фракции. В настоящее время 500 членов фракции представляют 35 региональных отделений фракции внутри региональных отделений партии. Фракция сохраняет определенную автономию. В соответствии с положением о фракции «Зеленая Россия» она самостоятельно может принимать политические заявления на федеральном и региональных уровнях, планировать и проводить акции, осуществлять международное сотрудничество.

За время существования фракции в рамках РОДП «Яблоко» политические зеленые активисты приобрели хороший электоральный опыт: подготовка и распространение агитационных материалов, участие в теледебатах, работа в территориальных избирательных комиссиях, наблюдение на выборах. Нарастивался и депутатский опыт. В регионах в разные годы зеленые имели муниципальных депутатов разного уровня.

Важный политический опыт приобрела фракция «Зеленая Россия» в рамках функционирования в качестве ассоциированного члена Европейской зеленой партии. За годы своего членства (с 2007 г.) в ЕЗП «Зеленая Россия» представила ряд важных резолюций, принятых на съездах ЕЗП. Резолюции ЕЗП рассылаются во многие европейские инстанции, включая ведущие европейские банки. Так, в 2011 г. с учетом резолюции ЕЗП по западному скоростному диаметру (ЗСД) в Санкт-Петербурге Европейский банк реконструкции и развития отказался инвестировать проект строительства ЗСД. Впоследствии ряд экологических требований был учтен при реализации проекта: строительство автомагистрали пошло не по земле, а по эстакаде, что существенно снизило антропогенную нагрузку на территорию. Российские политические зеленые в сотрудничестве с еврозелеными получили уникальную возможность изучения западного опыта партийного строительства.

Согласно программным документам, «Зеленая Россия» ориентирована на общечеловеческие ценности, права человека, правовое государство. Основа заявленных ценностей: приоритет человеческого здоровья, жизни, окружающей природной и социальной среды. Экологическая (не зеленая) повестка сегодня превалирует. Следует отметить, что часть принципиально важных программных положений тяготеют к левому флангу или левому центру (пример — блок «зеленых» и СДПГ в Германии). К таким идеям можно отнести социальное государство, общественный контроль (в политике, природопользовании, социальной, экономической сферах), широкое самоуправление, сильные профсоюзы.

В России политические зеленые провозглашают повестку, тематически схожую с западноевропейской, ориентированную на европейские ценности. Однако в реальной деятельности (политические заявления, акции) очевиден приоритет экологической повестки в трех направлениях развития (экологическая, гендерная повестки, повестка толерантности). Существует и своя специфика внутри экологической повестки. Реализация климатической повестки и отказ от «мирного» атома осложнены текущей международной ситуацией. В частности, климатическая повестка реализовалась в стране на основе парижских соглашений. Борьба за ограничение развития ядерной отрасли проблематична в условиях проведения специальной военной операции (СВО) и мобилизационного развития экономики в стране. Острой проблемой (нарастающей в своей неразрешенности) остается мусорная реформа. Тесная связь политического крыла зеленого движения России с региональными экологическими НПО актуализирует активную совместную деятельность по решению острых региональных экологических проблем.

В разные годы в России создавались политические зеленые партии с участием административного ресурса: Российская экологическая партия «Зеленые» (с 1993 г.), «Зеленый альянс» (2009–2019), «Зеленая альтернатива» (с 2020 г.). Достаточно сказать, что российская экологическая партия «Зеленые» (с 1991 по 1993 г. общественно-политическое движение «Кедр», в дальнейшем преобразованное в партию) создавалась в административном порядке на базе региональных санитарно-эпидемиологических служб (Санэпиднадзора на федеральном уровне). Эти партии появлялись в политическом пространстве только в электоральные периоды. Создание подобных «зеленых» партий, включенных в процесс электоральных манипуляций, существенно отличает развитие политического крыла зеленого движения в России в сравнении с Западной Европой, для которой подобные попытки нехарактерны. Так, в 2021 г. Российская экологическая партия «Зеленые» и «Зеленая альтернатива» передали в «копилку» провластных партий соответственно 0,91 и 0,64 % голосов избирателей [Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая исследовательские данные, следует отметить, что возникновение и развитие политических партий Западной Европы и полити-

ческого крыла зеленого движения России имеют общие черты с лагом в три десятилетия. Они основаны в первую очередь на том, что политические партии создавались и развивались на базе экологических НПО в стадии институционализации. Но на Западе мы наблюдали уже всесторонне сформировавшийся институциональный статус экологического сообщества, в то время как в России этот процесс был фрагментарным, не имеющим устойчивых характеристик. Следует отметить и роль государства в побуждении и сдерживании политической активности экологов. В России начиная с 2000-х это политика сдерживания.

Существенную роль в образовании политических зеленых структур как в Западной Европе, так и в России сыграли антиядерные референдумы. Но если в Западной Европе участие НПО в референдумах проходило на стадии высокой степени институционализированности НПО, то в России этот процесс как раз поспособствовал переходу к более высокой ступени институционализации экологического движения и, как следствие, к его частичной политизации.

Как в Западной Европе, так и в России в долгосрочной перспективе большинство политических зеленых сохраняют членство как в своих партиях, так и в базовых НПО, если таковые продолжили свое существование. Этот феномен особенно характерен для России, где деятельность как внутри оппозиционной партии, так и в сфере неполитического гражданского активизма имеют высокие риски, а ресурсы экологической деятельности (политической и неполитической) крайне ограничены.

Идеологически политические зеленые партии в Западной Европе и политическое крыло зеленого движения в России развиваются в основном в левой парадигме. Однако в России политические зеленые в меньшей степени озабочены поисками своей идеологической идентичности, будучи в первую очередь заточены на решение конкретных экологических проблем и принимая в основном леволлиберальную парадигму в развитии партии «Яблоко», частью которой являются в настоящее время. В свою очередь, в современных условиях глобальных политических и экономических перемен зеленый политический западный ландшафт претерпевает существенные изменения и развивается со многими идеологическими оттенками.

Современная повестка политических зеленых партий Западной Европы и российских политических зеленых развивается сходным образом в трех основных направлениях: экологическая, гендерная и по-

вестка толерантности. Но если в западных странах наблюдается паритетное развитие трех базовых направлений, то в России превалирует экологическая повестка. Существенная коррекция современной повестки еврозеленых происходит в настоящее время под влиянием международных факторов. В частности, в пакет дискуссионных вопросов временно попадают программные тезисы об отказе от развития ядерной энергетики, позиция против роста военных расходов. В свою очередь, российская повестка политических зеленых в большей мере зависит от факторов внутренней политики: нарастания остроты экологических проблем в связи с проведением специальной военной операции и принятием новых законов, накладывающих ограничения, например в части повестки толерантности (Закон о «запрете пропаганды ЛГБТ» от 24.11.2022).

Существенным отличием в развитии политического крыла зеленого движения России в сравнении с Западной Европой является создание политических зеленых партий с участием административного ресурса. Подобные партии в России не имеют опоры на экологические НПО и создаются с целью административного управления электоральными процессами в стране.

Гипотетически возможно предположить, что в поиске общественного консенсуса в сложной международной и внутренней ситуации в стране может произойти ослабление давления на общественно-политические экологические структуры внутри страны. Так уже было в конце 1980-х годов, когда именно экологам были приоритетно открыты пути демократического развития. В этом случае вектор развития экологического движения будет иной: политическая повестка для зеленых окажется практически закрыта, но сугубо экологическая деятельность по определенным направлениям разрешена.

Литература

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. 406 с.

Бардин А., Сигачев М. Зеленый дискурс как разновидность нового левого популизма // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64, № 11. С. 96–105. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-96-105>. EDN: ISIGPP.

Голосов Г.В. Сравнительная политология. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 462 с. EDN: YRJVJR.

Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. 5-е изд. М.: Академический проект, 2013. 544 с. EDN: RKKNNL.

Жирнов О.А. «Новые левые» в Европе (обзор) // Актуальные проблемы Европы. 2012. № 2. С. 37–84. EDN: PJSRYV.

Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 367 с. EDN: TYTWUF.

Костюк Р., Канинская Г. Европейские «зеленые»: от выборов в Европарламент до испытания коронавирусом // Современная Европа. 2020. № 4. С. 123–132. <https://doi.org/10.15211/soveurope42020123132>. EDN: VRWWMD.

Матвеева Е.В. Институционализация экологических движений Европы: от появления общественных организаций до политических партий // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 129–137. <https://doi.org/10.17223/15617793/413/20>. EDN: XRFQDF.

Ровинская Т. «Зеленые» в Европе: поступательный рост // Мировая экономика и международные отношения. 2015. Т. 59, № 12. С. 58–71. EDN: VKQQUV.

Ровинская Т. «Зеленые» в политическом поле Западной Европы (последние тенденции) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 3. С. 40–48. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-3-40-48>. EDN: ZAJFDN.

Ульянов Д. «Зеленые» политические партии в странах Европейского Союза: процессы трансформации Green Political Parties in the European Union: Transformation Processes // Власть [Power]. 2020. № 5. С. 254–260. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i5.7613>. EDN: AWUPTO.

Яблоков А. Время «зеленых» в России // Неприкосновенный запас. 2006. № 46. С. 138–144.

Bomberg E. Green Parties and Politics in the European Union. New York; London: Routledge, 2005. 240 p.

Bolin N. Green Parties in Finland and Sweden: Successful Cases of the North // Green Parties in Europe / ed. by Emilie van Haute. New York; London: Routledge, 2016. P. 158–176.

Brack N., Kelbel. C. The Greens in European Parliament // Green Parties in Europe / edю by Emilie van Haute. New York; London: Routledge, 2016. P. 217–238.

Bukow S. The Green Party in Germany // Green Parties in Europe / ed. by Emilie van Haute. New York; London: Routledge, 2016. P. 112–139.

Klandermans B. Promoting or preventing change through political participation: About political actors, movements, and networks // The Oxford handbook of the human essence / ed. by M. van Zomeren, J. Dovidio. New York: Oxford University Press, 2017. P. 207–218.

Lipset S.M., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. New York: Free Press, 1967. 554 p.

March L., Mudde C. What's Left of the Radical Left? The European Radical Left After 1989: Decline and Mutation // Comparative European Politics. 2005. No. 3. P. 23–49.

McAdam D., Tarrow S. Social Movements and Elections: Toward a Broader Understanding of the Political Context of Contention // The Future of Social Movement Research: Dynamics, Mechanisms, and Processes / ed. by J. Van Stekelenburg, C. Roggeband, B. Klandermans. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2013. P. 325–346.

Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // Daedalus. 2017. No. 3. P. 14–25.

Rucht D. Studying Social Movements: Some Conceptual Challenges // The History of Social Movements in Global Perspective / ed. by S. Berger, H. Nehring. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 39–62.

Sartori G. Parties and Party Systems; a framework for analysis. Wivenhoe Park, UK: ECPR Press, 2005. 316 p.

Источники

Всенародное экологическое общество — Зеленые 3000 // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/zel3000> (дата обращения: 20.09.2020).

Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации пятого созыва // ЦИК РФ. 02.12.2007. URL:

http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&ttvd=100100021960186&vrn=100100021960181®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vbid=100100021960186&type=242 (дата обращения: 20.10.2022).

Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва // ЦИК РФ. 19.09.2021. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&ttvd=100100225883177&vrn=100100225883172®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vbid=100100225883177&type=242 (дата обращения: 23.10.2022).

Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва // ЦИК РФ (Архангельская область) ОИК № 72. 19.09.2021. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&root=1000090&ttvd=100100225883488&vrn=100100225883172&prver=0&pronetvd=null®ion=29&sub_region=29&type=464&report_mode=null (дата обращения: 23.11.2022) (дата обращения: 25.10.2022).

Выборы депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга седьмого созыва // ЦИК РФ. 19.09.2021. URL: http://www.st-petersburg.vybory.izbirkom.ru/region/region/st-petersburg?action=show&root=1&ttvd=27820001915225&vrn=27820001915220®ion=78&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vbid=27820001915225&type=228 (дата обращения: 27.10.2022) (дата обращения: 02.11.2022).

Выборы депутатов Петрозаводского городского Совета двадцать девятого созыва // ЦИК РФ. 19.09.2021. URL:

http://www.karel.vybory.izbirkom.ru/region/region/karel?action=show&root=1&ttvd=4104011478857&vrn=4104011478852®ion=10&global=&sub_region=0

&prver=0&pronetvd=0&vibid=4104011478857&type=228 (дата обращения: 02.11.2022).

Выборы депутатов Псковского областного Собрания депутатов седьмого созыва // ЦИК РФ. 19.09.2021. URL:http://www.pskov.vybor.yzbirkom.ru/region/region/pskov?action=show&root=1&tvд=2602000864588&vrn=2602000864583®ion=60&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=2602000864588&type=228 (дата обращения: 27.10.2022).

Выборы депутатов Законодательного Собрания Республики Карелия седьмого созыва // ЦИК РФ. 19.09.2021. URL: http://www.karel.vybor.yzbirkom.ru/region/region/karel?action=show&root=1&tvд=2102000944057&vrn=2102000944052®ion=10&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=2102000944057&type=228 (дата обращения: 27.10.2022).

Priorities for 2019: What European Greens Fight For // Europeangreens. URL: <https://europeangreens.eu/priorities-2019-what-european-greens-fight> (дата обращения: 20.09.2022).

FROM INSTITUTIONALIZATION TO POLITICIZATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF GREEN PARTIES IN WESTERN EUROPE AND THE POLITICAL WING OF THE GREEN MOVEMENT IN RUSSIA

O. Tsepilova

(tsepilova@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Citation: Tsepilova O. Ot institucionalizatsii k politizatsii: sravnitel'nyj analiz vozniknoveniya i razvitiya zelyonyh partij Zapadnoj Evropy i politicheskogo kryla zelenogo dvizheniya Rossii [From institutionalization to politicization: a comparative analysis of the emergence and development of Green parties in Western Europe and the political wing of the Green Movement in Russia], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9: 96–121. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.4>

Abstract. *Within the framework of the institutional approach, a comparative analysis of the emergence and development of the green parties of Western Europe and the political wing of the green movement of Russia is carried out. It is*

established that the processes of green party building become successful in both cases only on the basis of environmental non-governmental organizations (NGOs) with a high degree of institutionalization of the environmental movement. Attempts by power groups to create green parties in Russia with the help of an administrative resource out of connection with a real environmental movement are part of the policy of administrative control and management of electoral processes. This political phenomenon is a significant difference between the Russian political green spectrum in comparison with the Western European one.

There are three stages in the development of the political wing of the green movement in Russia. As the institutionalization of the green movement grows, the inclusion of political greens in the context of general policy becomes an increasingly real and effective process. At the same time, the political wing of the green movement of Russia remains weak, including due to the functioning of the opposition spectrum of Russian politics (the internal party faction "Green Russia" of the "YABLOKO" party).

The study revealed that the European greens and Russian political greens have a similar modern agenda in three main areas of development (environmental agenda, gender agenda, tolerance agenda) with the difference that Western European green parties develop all three directions in parity, while in Russia the environmental agenda is prevailing. The current agenda of the political greens is changing significantly due to the current international situation. In Western Europe, to a greater extent under the influence of external factors, in Russia — internal. Both in Western Europe and in Russia, most political greens retain membership both in their parties and in basic NGOs. Both European greens and Russian political greens are developing mainly on the left ideological spectrum, but the green political landscape exists today with many shades both in Western Europe and in Russia.

Keywords: institutionalization, politicization, "new" social movements, non-governmental organizations (NGOs), political green parties, "new left", European Green Party (EGP), european greens, political wing of the green movement of Russia, left ideological paradigm

References

Aberkrombi N., Hill S., Terner B.S. *Sociologicheskij slovar'*. Transl. ed. by S.A. Erofeeva. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1997. 406 p. (In Russian)

Bardin A., Sigachev M. Zelyonyj diskurs kak raznovidnost' novogo levogo populizma [The Green Discourse as a Type of New Left Populism]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2020. T. 64. № 11, pp. 96–105. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-96-105>. EDN: ISIGPP.

Golosov G.V. *Sravnitel'naya politologiya* [Comparative Political Science: Textbook]. 4th ed. St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2018. 462 p. EDN: YRJVJR. (In Russian)

Dyuverzhe M. *Politicheskie partii* [Political parties]. 5rd ed. Moscow: Akademicheskij proekt, 2013. 544 p. EDN: RKKNNL. (In Russian)

Zhirnov O.A. «Novye levye» v Evrope (obzor) [“New Left” in Europe (review)]. *Aktualnye problemy Evropy* [Current problems of Europe], 2012, no. 2, pp. 37–84. EDN: PJSRYV. (In Russian)

Isaev B.A. *Teoriya partij i partijnyh sistem* [Theory of parties and party systems]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo YUrajt, 2020. 387 p. EDN: TYTWUF. (In Russian)

Kostyuk R., Kaninskaya G. Evropejskie «zelenye»: ot vyborov v Evroparlament do ispytaniya koronavirusom [Europeans “Greens”: from the European Parliament Elections to the Coronavirus Challenge]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2020, no. 4, pp. 123–132. 10.15211/soveurope42020123132. EDN: VRWWMD. (In Russian).

Matveeva E.V. Institucionalizaciya ekologicheskikh dvizhenij Evropy: ot poyavleniya obshchestvennyh organizacij do politicheskikh partij [Institutionalization of Environmental Movements in Europe: from the Emergence of Non-governmental Organizations to Political Parties]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, no. 413, pp. 129–137. 10.17223/15617793/413/20. EDN: XRFQDF. (In Russian)

Rovinskaya T. «Zelenye» v Evrope: postupatel'nyj rost [Greens in Europe: Incremental Growth]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2015, vol. 59, no. 12, pp. 58–71. EDN: VKQQUV. (In Russian)

Rovinskaya T. «Zelenye» v politicheskom pole Zapadnoj Evropy (poslednie tendencii) [Greens in the Political Landscape of Western Europe (Recent Trends)]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 3, pp. 40–48. 10.20542/0131-2227-2019-63-3-40-48. EDN: ZAJFDN. (In Russian)

Ul'yanov D. «Zelenye» politicheskie partii v stranah Evropejskogo Soyuza: processy transformacii [Green Political Parties in the European Union: Transformation Processes]. *Vlast'* [Power], 2020, no. 5, pp. 254–260. 10.31171/vlast.v28i5.7613. EDN: AWUPTO. (In Russian)

Yablokov A. Vremya «zelenyh» v Rossii [Time of the «greens» in Russia]. *Neprikosnovennyjzapas* [Aninviolablereserve], 2006, no. 46, pp. 138–144. (In Russian)

Bomberg E. *Green Parties and Politics in the European Union*. New York; London: Routledge, 2005. 240 p.

Bolin N. Green Parties in Finland and Sweden: Successful Cases of the North. *Green Parties in Europe*. Ed. by Emilie van Haute. New York; London: Routledge, 2016, pp. 158–176.

Brack N., Kelbel. C. The Greens in European Parliament. *Green Parties in Europe*. Ed. by Emilie van Haute. New York; London: Routledge, 2016, pp. 217–238.

Bukow S. The Green Party in Germany. *Green Parties in Europe*. Ed. by Emilie van Haute. New York; London: Routledge, 2016, pp. 112–139.

Klandermans B. Promoting or preventing change through political participation: About political actors, movements, and networks. *The Oxford handbook of the human essence*. Ed. by M. van Zomeren, J. Dovidio. New York: Oxford University Press, 2017, pp. 207–218.

Lipset S.M., Rokkan S. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: Free Press, 1967. 554 p.

March L., Mudde C. What's Left of the Radical Left? The European Radical Left After 1989: Decline and Mutation. *Comparative European Politics*, 2005, no. 3, pp. 23–49.

McAdam D., Tarrow S. Social Movements and Elections: Toward a Broader Understanding of the Political Context of Contention. *The Future of Social Movement Research: Dynamics, Mechanisms, and Processes*. Ed. by J. Van Stekelenburg, C. Roggeband, B. Klandermans. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2013, pp. 325–346.

Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision. *Daedalus*, 2017, no. 3, pp. 14–25.

Rucht D. Studying Social Movements: Some Conceptual Challenges. *The History of Social Movements in Global Perspective*. Ed. by S. Berger, H. Nehring. London: Palgrave Macmillan, 2017, pp. 39–62.

Sartori G. *Parties and Party Systems; a framework for analysis*. Wivenhoe Park, UK: ECPR Press, 2005. 316 p.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ: КАРЬЕРЫ И РЕКРУТИРОВАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЧИНОВНИКИ И ПОЛИТИКИ РФ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАРЬЕР

А.С. Быстрова

(abc_46@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 122–145

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>

Аннотация. Представлен сравнительный анализ карьер представителей региональных элитных групп. Проведено сравнение карьерных траекторий по ряду показателей, характеризующих скорость прохождения карьерной лестницы и смену сфер деятельности. Также проведено сравнение некоторых параметров первичной и профессиональной социализации. Это сравнение позволяет вынести обоснованные суждения о бассейне рекрутирования элит, мобильности внутри элитных групп, межэлитных перемещениях, степени профессионализации карьер лиц, занимающихся управленческой или политической деятельностью в регионах России. Эмпирическую базу составил массив биографических данных по десяти регионам страны: Республики Дагестан, Хабаровского и Ставропольского краев, Калининградской, Костромской, Ленинградской, Новосибирской и Ростовской областей, Москвы и Санкт-Петербурга. Данные охватывают период начиная с середины 2000-х и заканчивая началом 2020-х годов. Сравнительный диахронный анализ карьер представителей региональных политиков и высших чиновников перечисленных регионов позволил сделать следующие выводы. По ряду показателей обнаружили довольно существенные отличия, по другим показателям карьеры представителей обеих региональных элитных групп схожи. Так, сфера бизнеса и хозяйственной деятельности теряет свое значение как бассейн рекрутирования региональных чиновников, но возрастает значение управленческой деятельно-

сти. Имеет место также снижение значения бизнеса как бассейна рекрутирования региональных политиков. Выявлен рост профессионализации карьер, что проявляется в номенклатуре первого и второго высшего образования, прежде всего это относится к региональным чиновникам, в изменении бассейна рекрутирования и карьерных траекторий. Сравнение показателей, характеризующих скорость продвижения по ступеням элитной карьеры (продолжительность времени занятия по крайней мере трех элитных позиций — первой элитной позиции, предшествующей элитной позиции и нынешней элитной должности), показывает, что чиновные карьеры выглядят более быстрыми за счет короткого пребывания на этих ступенях (два года и менее), в то время как у политиков пребывание на этих позициях длится 3–5 лет.

Ключевые слова: административная элита, политическая элита, институционализация, карьеры, карьерные траектории, рекрутирование, профессионализация.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование карьер региональных чиновников и политиков ведется в секторе социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН (руководитель к. пол. н. А.В. Дука) почти два десятка лет. Сотрудниками сектора опубликован ряд работ по данной тематике, выполненных в рамках нескольких проектов, в том числе поддержанных научными фондами РФ. В публикациях излагались результаты исследования карьер, их траекторий, бассейна рекрутирования политиков и чиновников регионов РФ, а также особенности первичной и профессиональной социализации данных персон в аспекте институционализации региональных административно-политических элит (см., например: [Быстрова и др. 2020; Быстрова 2021; Тев 2021; Быстрова 2018; Тев 2018; Быстрова 2017]). В ряде работ освещались результаты исследования карьер, их траекторий, бассейнов рекрутирования представителей административно-политической элиты федерального уровня (см., например: [Тев 2020; Тев 2019]).

Исследования карьер имеют давнюю историю, многосторонний смысл и пользу. Обычным людям время от времени интересно познаться с жизненным путем представителя правящего класса. С одной стороны, это история успеха, и именно так часто презентуется и воспринимается карьера представителя власти. С другой стороны, населе-

нию интересно, кто определяет правила его жизни и управляет ее течением.

Для исследователя социальной и политической реальности карьеры демонстрируют многие черты трансформации региональных правящих групп и социального порядка, являющегося своеобразной матрицей, которая определяет функционирование власти и существование населения в регионе и/или стране. В связи с этим увязка исследования карьер представителей региональных элитных групп с трансформацией самих элитных групп, институтов и процессов, определяющих социальный порядок и таким образом социальный контекст, в первую очередь структуру возможностей индивида выбирать карьерный путь (пост, должность и т.д.), оказывается продуктивным.

В конце 1990-х годов Куколев, проанализировав под данным углом зрения исследования элитных карьер в России, выделил четыре модели трансформации элит в стране [Куколев 1997]. Он сделал важные выводы о незаконченности процесса трансформации элитных групп и отметил тенденцию профессионализации карьер. Что касается перспектив трансформации элит, то он определил их как движение от плюрализма к монолитности, от открытости к закрытости и от подвижности к окостенению [Куколев 1997: 85–86, 91].

В 2010 г. были опубликованы результаты исследования европейских ученых [Botella et al. 2010], посвященного влиянию децентрализации на политические карьеры региональной элиты в Испании, Франции и Великобритании. Авторы обнаружили различия в карьерах и их динамике в связи с типом (особенностями) децентрализации и созданием многоуровневых политических систем и ростом территориальной автономии, в том числе продолжительностью децентрализации, а также со степенью консолидации региональных институтов. В целом, заявляют они, заметные различия в политических карьерах между странами существуют из-за разной структуры возможностей. Чем больше децентрализация в сочетании с более широкой структурой возможностей, тем больше до определенного момента территориальная самобытность региональных политических лидеров. Дифференциация имеет источником карьеры, которые могут быть исключительно региональными или регионально-локальными, т.е. когда региональные лидеры отделены от традиционных каналов, существующих на национальном уровне (арене). В более позднем исследовании [Dodeigne 2018] утверждается, что в многоуровневых системах модели региональной и национальной

политической карьеры отражают процессы регионализации и федерализации, однако само влияние регионализма на ориентацию законодательной карьеры остается предметом споров. Споры возникают из-за применяемых методов исследования. Проведя сравнительное исследование 4662 региональных и национальных политических карьер в Бельгии, Канаде, Испании и Великобритании, Додейн пришел к выводу, что региональные законодательные элиты более отчетливо проявляются в государствах, в которых регионализм сильнее и которые имеют более долгую историю региональных институтов. Гипотеза влияния регионализма в большей степени подтверждается на карьерах политиков в Испании и Канаде, но также в Великобритании и Бельгии.

Карьеры исследуются в рамках нескольких научных дисциплин. Определения карьер разнообразны. Приведем наиболее общее: постепенное продвижение человека по ступеням служебной лестницы, сопровождающееся изменением навыков, умений, квалификационных возможностей [Могилевкин 2007: 14]. Другие варианты определений учитывают динамику вознаграждения за труд, скорость и перспективы продвижения по службе и другие характеристики. В литературе описано множество типологий карьер, построенных на различных основаниях. Так, у Буренковой встречаем несколько типов прагматиков: «прагматик-индустриалист», «прагматик-постиндустриалист», «прагматик-традиционалист». Кроме того, она выделяет типы «партийно-комсомольский карьерист», «этатист-державник», «популист-политик» и «новый делец-политик» [Буренкова 1995]. Еще в одной работе 1990-х годов приводится восемь типов карьер, но при этом указывается, что наиболее распространенными среди региональных руководителей России в конце 1990-х годов стали только три типа — «партийный функционер», «администратор» и «хозяйственник», на них приходилось свыше 60 % всех карьер [Слепцов, Куколев, Рыскова 1997]. В исследованиях европейских ученых встречаем такую классификацию карьер: «снизу вверх», так называемая традиционная карьера, и «сверху вниз», свойственная элитам стран с многоуровневой политической системой [Stolz 2003; Tronconi 2018], «восходящие и нисходящие» [Bernard, Čermák 2021]. В нашей работе используется следующая классификация карьер: преимущественно профессиональные и социальные. В основе ее лежит критерий приверженности акторов определенным сферам и видам деятельности. Профессиональный тип карьер означает последовательное прохождение ступеней карьерной лестницы в рамках пре-

имущественно одного вида деятельности. Социальный тип обозначает карьеру, в ходе которой актер неоднократно меняет вид и сферу деятельности. Иногда такой тип карьеры называют структурным, или открытым, в отличие от профессионального типа, или закрытого.

Карьеры и карьерные траектории, как правило, рассматривают в трех аспектах, связанных друг с другом. Во-первых, на уровне индивида и его жизненных планов, карьерных притязаний и их обеспеченности соответствующими ресурсами. Во-вторых, на уровне организаций различного профиля, включая органы государственного управления. В данном случае речь может идти о выстраивании карьер работников, планировании карьерного роста, повышении квалификации и т.д. В-третьих, исследование социального контекста, т.е. структуры возможностей индивида, представителей различных социальных слоев и групп выбирать карьерный путь (пост, должность и т.д.), осуществлять свои жизненные стратегии и планы. Социальный контекст ограничивает, ставит в определенные рамки спектр возможностей индивида.

Многочисленные исследовательские подходы, в рамках которых большее или меньшее значение придавалось различным сторонам личности индивида или тем или иным особенностям контекста, будь то окружение в малой группе или структура возможностей региона или страны, в действительности не исключают, а дополняют друг друга. Верчеси сгруппировал исследовательские подходы в два кластера. В центре одного из них — индивид, актер, в центре другого — социальный контекст. Он также обозначил сильные и слабые стороны отдельных подходов [Vercesi 2018].

Факторы, определяющие карьерные различия, а также самое падание в элитные группы, включают возраст и принадлежность к определенному политическому поколению, место рождения и первичной социализации, семью и социальное происхождение, школу, тип высшего образования и место его получения, личные и деловые связи. Принадлежность к тому или иному политическому поколению означает, что и первичная, и профессиональная, и политическая социализации прошли в конкретном социальном контексте, когда действовали характерные для данного времени социальные лифты. Так, войны и послевоенные периоды делают важным социальным лифтом службу в армии. Место рождения (сельское или городское поселение, крупный или столичный город), социальное происхождение, высшее образование, а также место его получения определяют и характер первичной социа-

лизации, и особенности профессиональной социализации. Место и условия первичной и профессиональной социализации важны в плане установления личных и деловых связей, упрочения социального капитала. Личные и деловые связи, устанавливающиеся в течение всей жизни, но особенно в юности и в период обучения, а также в начале карьеры, в дальнейшем служат «вытягивающими» факторами. Это особенно важно в нашей стране, где весьма велика роль неформальных связей, принадлежность к определенному клану и лояльность ему (клану) и его патрону [Гаман-Голутвина 2004]. Совместная деятельность в какой-либо сфере, организации способствует в дальнейшем продвижению по «пути наверх».

В исследовании карьер представителей региональных элитных групп интерес представляет сравнение их траекторий по ряду характеристик: возраст вступления в предэлитную должность, предэлитная активность, продолжительность времени занятия предэлитной должности, продолжительность времени занятия первой элитной позиции, предшествующей и нынешней элитной позиции, предшествующая работа, предпредшествующая работа и некоторые другие. Для анализа степени профессионализации важны сведения о получении первого, второго и последующих высших образований, о других формах получения дополнительных компетенций. Сравнение перечисленных характеристик позволяет вынести обоснованные суждения о мобильности внутри элитных групп, межэлитных перемещениях, степени профессионализации карьер лиц, занимающихся управленческой или политической деятельностью в изучаемых регионах.

Карьеры чиновников внутри органов исполнительной власти завязаны в какой-то мере на профессиональное развитие. Термин «профессиональное развитие» появился несколько лет назад в правовых актах РФ [Указ Президента РФ от 11.08.2016 г.; Указ Президента РФ от 21 февраля 2019 г.], определявших очередной комплекс мероприятий по реформированию государственной службы, заменив собой традиционное понятие «дополнительное профессиональное образование». Кроме привычных форм дополнительного профессионального образования (повышение квалификации и профессиональная переподготовка), у гражданских служащих появилась возможность участия в «иных мероприятиях», перечень которых в законодательных документах не приведен. Правоведы Уманская и Малеванова среди основных новелл, введенных законодателем в последние годы, выделяют, по сути, непре-

рывный характер профессионального развития. В то же время они считают, что отмена обязательного повышения квалификации гражданских служащих не реже одного раза в три года может привести к тому, что некоторые чиновники будут ждать своей очереди неопределенно долгое время ввиду нехватки финансирования у работодателя [Уманская, Малеванова 2020]. Авторы считают, что введенный термин «профессиональное развитие» в большей степени, чем прочие, соответствует понятию «непрерывное образование». Последнее дает возможность чиновнику адаптироваться к постоянно меняющимся условиям и заниматься самообразованием. Они констатируют положительную динамику в регулировании вопросов профессионального развития. Мы же со своей стороны выявили явное улучшение качественных характеристик корпуса региональных чиновников, по крайней мере по наличию профессионального образования. Административные реформы, проводимые, по мнению некоторых исследователей, непрерывно, должны в России решать проблему «сохранения граждан на государственной службе, выполнение ими своих профессиональных обязанностей при смене лиц, занимающих государственные должности, другими словами, при приходе к власти следующей политической элиты» [Россинский 2018: 38].

Профессиональное развитие включает собственную активность актора по приобретению новых компетенций. Самообразование на основе карьерных устремлений находит отклик на рынке различного рода тренингов. В деловой прессе можно встретить публикации, содержащие практические советы, как сделать административную карьеру. Вот, например, что пишет Б. Мастеров, кандидат психологических наук, руководитель программы Института профессионального роста, эксперт Института открытого общества: «Что необходимо тому, кто собирается достичь вершины карьерной лестницы в административной системе? Высшее образование, подходящая должность, компетентность не только в своей работе, но и на уровень выше, и при этом отсутствие критиканства, связи и благосклонность начальства» [Мастеров 2010]. Относительно образования автор считает, что в начале карьеры направленность образования особой роли не играет, однако потом придется получить второе — гуманитарное, юридическое или экономическое образование в зависимости от того, в какой сфере человек видит свою карьеру. По его мнению, наиболее универсальное — юридическое образование, которое позволяет работать на любой руководящей должности.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА

Эмпирической базой исследования типов карьер и карьерных траекторий представителей двух региональных элитных групп субъектов РФ — чиновников и политиков — послужил массив биографий, который охватывает период начиная с середины 2000-х и заканчивая началом 2020-х годов. По некоторым регионам есть и более ранние данные. Первоначально в поле нашего зрения были четыре региона. В настоящее время база включает биографии политиков и чиновников высшего уровня десяти субъектов РФ: Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Костромской, Новосибирской и Ростовской областей, Ставропольского и Хабаровского краев, Москвы и Республики Дагестан. Выбор регионов основывался на принципе представительства близких по своим характеристикам групп регионов. Принцип уже описывался в публикациях сектора как совмещение случаев «наибольшего сходства» и «наибольшего различия» [Быстрова и др. 2008]. Источники сведений для биографической базы элитных персон исследуемых регионов — это прежде всего официальные биографии, декларации о доходах и другие материалы, опубликованные на сайтах органов власти, а также различные публикации в СМИ (интервью, репортажи и т.д.). Конечно, эти материалы представляют собой менее занимательное чтение, чем «Жизнь двенадцати цезарей» Светония или «Агрикола» Тацита, однако являются источником полезных сведений для анализа карьер как высокопоставленных региональных бюрократов, так и политиков. В таблице 1 представлены количественные параметры биографической базы, содержащей более 4000 биографических единиц.

Таблица 1

Количественные параметры биографической базы (N=4130)

Год сбора информации	Количество биографий	Элитная групп
2005	418	Политики и администраторы
2012	936	Политики и администраторы
2015	1652	Политики и администраторы
2019	660	Политики
2020–2021	464	Администраторы

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА КАРЬЕР РЕГИОНАЛЬНЫХ ЧИНОВНИКОВ И ПОЛИТИКОВ

Анализ карьер ведется в рамках исследования региональных элит почти 20 лет. Остановлюсь в основном на последнем периоде в десять лет и анализе данных баз 2012 г. и 2019–2021 гг., по мере надобности и возможности привлекая результаты более ранних исследований.

Итак, в ходе анализа сравнения проводились по ряду показателей, характеризующих траектории карьер, бассейны рекрутирования представителей региональных администраторов и политиков, а также их профессиональную социализацию.

Возраст. В таблице 2 приведены данные, характеризующие возрастной состав административно-политической элиты исследуемых регионов. Возрастной состав региональных политиков по сравнению с возрастным составом региональных чиновников имеет тенденцию к увеличению доли старшей возрастной группы. На протяжении последнего 10-летия удельный вес старшей возрастной группы региональных политиков был больше (иногда в два раза) аналогичного показателя для региональных чиновников. Удельный вес самой молодой возрастной группы существенно не различался. Особенности возрастного состава региональной элиты обусловили более высокий удельный вес представителей поколений оттепели и застоя в группе политиков по сравнению с группой администраторов. Доля представителей этих двух политических поколений снижалась в обеих элитных группах, но в составе чиновников более быстрыми темпами.

Таблица 2

Региональные чиновники и политики: возрастные категории (в %)

Год сбора информации	22–40 лет		41–55 лет		56–80 лет	
	чиновники	политики	чиновники	политики	чиновники	политики
2012 N=237+431	10	14	56	50	34	36
2021 N=406+659	12	12	55	40	33	48

Место рождения. В таблице 3 приведены данные о месте рождения представителей региональных элитных групп чиновников и политиков. Среди представителей обеих региональных групп немного уроженцев

столичных городов. При этом довольно много выходцев из сел, особенно среди политиков (по данным 2021 г., 36 %). По данным базы 2021 г. разница долей сократилась. Если принять во внимание уроженцев малых городов, то оппозиция «центр — периферия» будет более выражена в группе региональных политиков. В 2021 г. уроженцев периферии в группе чиновников 54 %, в группе политиков 61 %. Как видим, в этой элитной группе чуть выше доля выходцев с периферии, чья первичная социализация прошла в малых городах и сельских поселениях, где условия первичной социализации по ряду параметров недостаточно обеспечены ресурсами.

Таблица 3

**Региональные чиновники и политики: место рождения
(столичные, нестоличные города и села), в %**

Год сбора информации	Элитная группа	Столичные города (Москва и Санкт-Петербург)	Нестоличные города	Села
2012	Чиновники N=188	17	64	19
	Политики N=382	19	71	10
2021	Чиновники N=358	20	55	25
	Политики N=602	13	51	36

Образование. Данные о первом высшем образовании показывают приоритет технических специальностей как у политиков, так и у чиновников рассматриваемых регионов. То есть большая часть представителей региональной административно-политической элиты по первому высшему образованию «технари». Однако тенденция снижения доли технического образования, отмеченная исследователями еще в 2010-х годах, сохранилась. Напомню, что еще в публикации 2001 г. Штайнер со ссылкой на данные О. Крыштановской утверждал, что доля «технарей» по первому высшему образованию среди региональной элиты времен президента Б. Ельцина составляла 74 % [Штайнер 2001]. По нашим данным, доля лиц, имеющих первое высшее техническое образование, сократилась следующим образом: в группе региональной административной элиты с 52 % в 2012 г. до 29 % в 2021 г.; в группе региональных

политиков с 43 до 37 % за тот же период. По месту получения первого высшего образования региональные чиновники и политики существенно различаются. Среди региональных политиков гораздо больше доля тех, кто получил первое высшее образование в провинциальных вузах, расположенных в нестоличных городах — 83 % против 54 % среди чиновников. Необходимо, однако, отметить, что и по этому показателю отмечается сглаживание различий. Так в 2021 г. получивших первое высшее образование в нестоличных городах было 67 % политиков и 58 % чиновников.

Что касается так называемых *профильных типов образования*, каковыми для региональной административно-политической элиты можно считать финансово-экономическое, управленческо-политическое и юридическое, то динамика здесь такова. С 2012 по 2021 г. совокупная доля профильных типов первого высшего образования выросла с 23 до 36 % среди чиновников и с 22 до 29 % среди политиков. То есть примерно треть и чиновников, и политиков к 2021 г. имели профильное первое высшее образование.

По месту получения первого высшего образования региональные чиновники и политики существенно различаются. Среди региональных политиков гораздо больше доля тех, кто получил первое высшее образование в провинциальных вузах, расположенных в нестоличных городах: 83 % против 54 % у чиновников (2012 г.). Необходимо, однако, отметить, что и по этому показателю отмечается сглаживание различий. В 2021 г. получивших высшее образование в нестоличных городах среди политиков было 67 % и среди чиновников 58 %. Конечно, провинциальность высшего образования не означает возникновение непреодолимых препятствий для построения успешной карьеры во власти на региональном уровне, о чем свидетельствуют только что приведенные данные. Кроме того, в списке 20 вузов, подготовивших наибольшее количество представителей политической и экономической элиты РФ, есть один провинциальный вуз — Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (8-е место в рейтинге ФОРБС, данные 2019 г.) [Казьмина, Сафронова 2019].

Важной характеристикой, демонстрирующей динамику профессиональных компетенций и чиновников, и политиков, является профильное *второе высшее образование*. Довольно большое количество тех, кто получил второе высшее образование, предпочли именно профильные специальности, а именно финансово-экономическое, управленческо-

политическое и юридическое образование. Лица, сделавшие такой выбор, составляют стабильно очень высокую долю тех, кто получил второе высшее образование: 93 % чиновников в 2012 г. и 84 % в 2021 г., 79 % политиков в 2012 г. и столько же в 2021 г. Если учесть также тех, кто получил *третье профильное высшее образование*, то удельный вес лиц, имеющих профильное для региональной административно-политической элиты высшее образование (первое, второе или третье) в 2012 г. составил 77 % среди чиновников и 66 % среди политиков. В 2021 г. удельный вес увеличился до 95 % и 82 % соответственно. Приведенные данные говорят об успехах кадровой политики властей (как части перманентных реформ госслужбы) в части повышения квалификации или профессионального развития в новой терминологии, как уже было отмечено выше.

Некоторая часть административно-политической элиты исследуемых регионов имеет и такое подтверждение уровня квалификации, как наличие ученой степени. Общее число «остепененных» в среде региональных чиновников высокого уровня немного повысилось (с 23 % в 2012 г. до 27 % в 2021 г.), а в среде региональных политиков немного снизилось (с 34 до 30 %). При этом такая же тенденция отмечена для показателя наличия кандидатской степени. Показатель наличия докторской степени остался практически неизменным для политиков (7 % в 2012 г. и 8 % в 2021 г.) и немного уменьшился для региональных чиновников (с 7 до 4 %). Рост уровня «остепененности» региональной административно-политической элиты мы наблюдаем с 2005 г.

ПРЕДЭЛИТНАЯ СТУПЕНЬ КАРЬЕРЫ

Возраст вступления в предэлитную должность (поколения). Как региональные чиновники, так и региональные политики в основном вступали в предэлитную должность в молодом возрасте (до 40 лет). Различия в величине показателя двух элитных групп невелики (табл. 4).

Основная предэлитная активность региональных чиновников носит политико-административный характер. Доля тех, предэлитная активность которых имеет политико-административный характер, среди региональных политиков намного (в два раза и более) ниже. Для представителей этой группы в предэлитный период их карьер в большей степени характерна хозяйственно-экономическая активность. Соответственно и местом активности оказывались коммерческие структуры,

Таблица 4

**Региональные чиновники и политики: возраст вступления
в предэлитную должность (поколения, в %)**

Год сбора информации	Элитная группа	Молодые (до 40 лет)	Средний возраст (41–60 лет)	Пенсионеры (старше 61 года)
2015	Чиновники N=694	64	36	Менее 1
	Политики N=322	63	35	2
2021	Чиновники N=364	57	43	Менее 1
	Политики N=521	60	38	2

причем главным образом работа на высших управленческих постах (42 % в 2015 г. и 43 % в 2021 г.). В то же время для карьер чиновников в наибольшей степени характерна позиция «работник районной, областной администрации низшего и среднего звена» (54 % в 2015 г. и 67 % в 2021 г.). Работа в коммерческих структурах на высших позициях имела гораздо меньшее значение, и значение это снижалось (21 % в 2015 г., 17 % в 2021 г.). Заметим, что в советские времена неперменной ступенькой карьерного продвижения в элитные группы была работа на должности в среднем звене управления, будь то органы власти и/или промышленные предприятия, организации в иных сферах деятельности.

Продолжительность времени занятия предэлитной должности у трети региональных политиков (база 2015 г.) не превышает двух лет, более половины (56 %) провели на предэлитной должности до пяти лет. 48 % региональных чиновников также проработали на предэлитной должности не более двух лет, еще 24 % — от трех до пяти лет. То есть продвижение администраторов к первой элитной позиции было существенно быстрее.

ЭЛИТНЫЕ ПОЗИЦИИ

Продолжительность времени занятия первой элитной позиции. Значительная часть региональных чиновников (от 40 до 50 %) занимали первую элитную позицию два года и менее. Таких быстрых среди региональных политиков гораздо меньше — 15–20 %. Скорее всего, эта

особенность карьер региональных политиков связана с объективным фактором — продолжительностью полномочий депутатов одного созыва.

Бассейн рекрутирования. Показатель предшествующей работы наряду с показателем предэлитной активности показывает, из каких сфер занятости рекрутируются региональные чиновники и политики. Основным бассейном рекрутирования региональных чиновников по данному показателю выступает административная управленческая деятельность (около 80 %), в то время как для политиков это депутатство (около половины), а также бизнес, хозяйственная деятельность (до трети). Силовые структуры дают весьма небольшой процент (от 1 до 6 %) в обеих элитных группах (табл. 5).

Таблица 5

Региональные чиновники и политики: предшествующая работа (в %)

Год сбора информации	Элитная группа	депутат	администратор	Хозяйственник, бизнесмен	силовик	прочее
2012	Чиновники N=273	3	78	13	1	5
	Политики N=403	47	7	32	5	9
2021	Чиновники N=447	2	82	12	3	1
	Политики N=603	49	11	29	1	10

Показатель **предпредшествующей работы** (табл. 6). Сопоставление показателей предшествующей и предпредшествующей работы убеждает, что сфера бизнеса и хозяйственной деятельности теряет свое значение как бассейн рекрутирования региональных чиновников. Зато возрастает значение работы управленцем. Для региональных политиков растет значение депутатской деятельности. Роль бизнеса, по данным базы 2021 г., существенно снизилась. Еще один важный вывод касается растущей профессионализации карьер, поскольку эти два показателя в купе с показателем о предэлитной активности и принадлежности по ныне занимаемой должности к определенной элитной группе свидетельствуют именно об этом.

Номенклатурный опыт. В исследованиях 1990–2010 гг. номенклатурный опыт в биографиях представителей региональных элитных

Таблица 6

**Региональные чиновники и политики:
предпредшествующая работа (в %)**

Год сбора информации	Элитная группа	депутат	администратор	Хозяйственный, бизнесмен	силовик	прочее
2012	Чиновники N=224	4	65	22	2	9
	Политики N=407	31	12	40	5	12
2021	Чиновники N=423	2	69	18	6	5
	Политики N=583	46	40	11	-	3

групп встречался довольно часто. В 2012 г. часть представителей административно-политической элиты имела такой опыт. Если сравнить элитные группы, то увидим существенные различия: наибольший удельный вес бывших «номенклатурщиков» в составе административной элиты (почти треть), в составе политической элиты — в два раза меньше. Уровень номенклатурного опыта по большей части районный, отраслевой и выше. При этом имеющие такой опыт относились к поколениям оттепели, застоя и перестройки. Однако в последнее десятилетие старшие поколения постепенно уходили по естественным причинам. В базе биографий 2019–2021 гг. из 464 чиновников только 24 человека имели номенклатурный опыт (5 %). В этой же базе из 660 политиков изучаемых регионов такой опыт имели 77 человек (12 %). Подавляющее большинство занимали номенклатурные позиции районного или отраслевого уровня: 96 % из 24 чиновников и 88 % из 77 политиков.

Служба в силовых ведомствах. Роль службы в силовых ведомствах в построении карьер региональных *vip*-персон неоднократно становилась предметом обсуждений. В отечественной литературе известна дискуссия вокруг «милитократии», в ходе которой обнаружилось, что факты не подтверждают существование данного феномена в российских регионах [Дука 2012]. Тем не менее вопрос о службе в силовых структурах и роли этой службы в построении карьеры вполне уместен. Без сомнений, служба в силовых ведомствах — один из факторов построения карьеры. В советские времена срочная служба в армии была непре-

менным атрибутом элитной карьеры лица мужского пола, поскольку являлась своеобразной инициацией во взрослую жизнь мужчины. Кроме того, она давала возможность поступить практически вне конкурса в вуз, и не только в военный. В настоящее время срочная служба по-прежнему имеет значение для выходцев из провинции, давая возможность «встроиться» в какой-либо социальный лифт. Среди представителей региональной элиты (база 2012 г.) лиц, имевших опыт службы в силовых структурах, 28 %. При этом среди чиновников 22 %, среди политиков 31 %. К 2021 г. доля имевших силовой опыт снизилась в целом по административно-политической элите до 21 %. В элитной группе региональных чиновников произошел незначительный рост — до 25 %, в группе политиков заметное снижение до 19 %. При этом лиц, отслуживших три года и менее, в 2012 г. было около 60 % в обеих элитных группах, в 2021 г. — около 45 % также в обеих элитных группах. То есть доля предположительно бывших «срочников» уменьшилась. В то же время выросла доля заслуженных ветеранов, отслуживших 10 лет и более: среди чиновников рост с 33 до 45 %, среди политиков — с 25 до 45 %. По нашим данным о предшествующей и предпредшествующей работе, служба в силовых ведомствах не является сколь ни будь значимым бассейном рекрутирования (табл. 5, 6). Следует учитывать также, что случаи рекрутирования региональной элиты непосредственно из силовых ведомств довольно редки. Как правило, проходит несколько лет, в течение которых выходцы из силовых ведомств проходят гражданскую ресоциализацию [Дука 2012: 120].

Скорость продвижения по ступеням элитной карьеры. Сравнение показателей, характеризующих скорость продвижения по ступеням элитной карьеры (продолжительность времени занятия по крайней мере трех элитных позиций — первой элитной, предшествующей элитной и нынешней элитной), показывает, что чиновные карьеры выглядят более быстрыми за счет более короткого пребывания индивидов на этих ступенях (2 года и менее), в то время как у политиков пребывание на этих позициях длится 3–5 лет. Ускорение карьер региональных чиновников произошло за последние годы. Процесс затронул и более высокие управленческие сферы — заместителей министров федерального правительства и руководителей ведомств. Об этом говорят результаты исследования «Основные тренды формирования управленческой элиты России 2019–2030 гг.», проведенного под руководством О. Крыштановской в 2019 г. [Основные тренды... 2019: 32–33].

Таблица 7

**Региональные чиновники: скорость продвижения
по ступеням элитной карьеры, 2021 (%)**

Пребывание на должности	2 года и менее	3–5 лет	6–7 лет	8–9 лет	10 лет и более
Первая элитная позиция N =418	51	27	13	5	4
Предшествующая элитная позиция N =166	48	35	8	5	4
Нынешняя элитная позиция N =445	56	20	13	6	5

Таблица 8

**Региональные политики: скорость продвижения
по ступеням элитной карьеры, 2021 год (%)**

Пребывание на должности	2 года и менее	3–5 лет	6–7 лет	8–9 лет	10 лет и более
Первая элитная позиция, N =418	15	73	3	1	8
Предшествующая элитная позиция, N =166	10	76	3	3	8
Нынешняя элитная позиция, N =445	11	88	> 1	> 1	> 1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение карьер региональных политиков и чиновников позволило сделать следующие выводы.

1. По ряду показателей обнаружили довольно существенные отличия, по другим показателям карьеры представителей обеих региональных элитных групп схожи. Так, при анализе возрастного состава элитных групп выявлена тенденция постарения региональных политиков. В то же время в обеих группах практически исчезли представители военного поколения. Сохраняется периферийный характер и чиновников, и политиков по месту рождения и месту получения первого высшего образования.

2. Сфера бизнеса и хозяйственной деятельности теряет свое значение как бассейн рекрутирования региональных чиновников, но возрастает

тает значение управленческой деятельности. Отмечается также снижение значения бизнеса как бассейна рекрутирования региональных политиков. Силовые структуры не имеют существенного значения в качестве бассейна рекрутирования региональных административно-политических элит.

3. Рост профессионализации карьер проявляется в динамике номенклатуры образования (первого и второго высшего), прежде всего это относится к региональным чиновникам, в изменении бассейна рекрутирования и карьерных траекторий. Траектории карьер определенного числа региональных чиновников и политиков содержат перемещения с регионального уровня на федеральный и обратно, а также движение между регионами на примерно равные по значению позиции. Карьеры «сверху вниз» (с федерального на региональный уровень) редки ввиду недостаточной институциональной зрелости региональных органов власти. Поэтому формально многоуровневая политическая система страны не создает реальных стимулов и возможностей для построения акторами успешной карьеры в родном регионе.

4. Сравнение показателей, характеризующих скорость продвижения по ступеням элитной карьеры (продолжительность времени занятия по крайней мере трех элитных позиций — первой элитной, предшествующей элитной и нынешней элитной), показывает, что чиновные карьеры выглядят более быстрыми за счет более короткого пребывания на этих ступенях (2 года и менее), в то время как у политиков пребывание на этих позициях длится 3–5 лет. Ускорение карьер региональных чиновников произошло в течение последних лет. Предположительно оно связано с тенденцией омоложения административной элиты и креном в сторону профессионального развития в кадровой политике федерального центра.

Литература

Быстрова А.С. Типы карьер представителей региональной административно-политической элиты и факторы, влияющие на карьерные различия // *Властные структуры и группы доминирования* / под. ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 76–93.

Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // *Власть и элиты*. Т. 4. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 170–203. <https://doi.org/10.1177/0268580916687460>. EDN: UYHVXO.

Быстрова А.С. Региональные административные элиты России: карьеры и карьерные траектории // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8, № 1. С. 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>. EDN: LCEFUY.

Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // *Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисева*. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6, № 2. С. 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>. EDN: GXPYDO.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2020. Т. 7, № 1. С. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: HHPAWU.

Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (1) // *Полис. Политические исследования*. 2004. № 2. С. 6–19. EDN: HSODIJ.

Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // *Властные структуры и группы доминирования: материалы X всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки*. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Могилевкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 336 с.

Основные тренды формирования управленческой элиты России 2019–2030 гг. Отчет по исследовательскому проекту (грант РФФИ № 19-011-31467 2019 г.) / рук. О.В. Крыштановская. М., 2019. 47 с. URL: <https://guu.ru/wp-content/uploads/Полный-отчет.pdf> (дата обращения: 7.11.2021.)

Россинский Б.В. Реализация концепций административной реформы // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 1. С. 31–38. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.41.1.031-038>.

Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Новая легитимность региональных лидеров // *Социология власти*. 1997. № 3. С. 5–23.

Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18, № 5. С. 52–86. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-5-52-86>.

Тев Д.Б. Спикеры legislatures субъектов РФ: каналы рекрутирования и карьера // *Социологический журнал*. 2021. Т. 27, № 1. С. 52–75. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7844>.

Тев Д.Б. Спикеры региональных законодательных собраний: карьерные пути и каналы рекрутирования // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8, № 1. С. 28–65. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.2>.

Уманская В.П., Малеванова Ю.В. Государственное управление и государственная служба в современной России. М.: Норма, 2020. 176 с. URL: <https://studfile.net/preview/16693484/page:13/> (дата обращения: 22.11.2022).

Штайнер Х. Формирование социальных структур в современной России // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 6. С. 30–47.

Bernard J., Čermák D. Vzestupné a sestupné politické dráhy českých poslanců a senátorů // Acta Politologica. 2021. Vol. 13, no. 1. P. 22–42. https://doi.org/10.14712/1803-8220/3_2020.

Botella J., Rodríguez Teruel J., Barberà O., & Barrio A. A New Political Elite in Western Europe? The Political Careers of Regional Prime Ministers in Newly Decentralised Countries // French Politics. 2010. Vol. 8, no. 1. P. 42–61. URL: https://www.researchgate.net/publication/240504129_A_new_political_elite_in_Western_Europe_The_political_careers_of_regional_prime_ministers_in_newly_decentralised_countries (дата обращения: 25.11.2022).

Dodeigne J. Who governs? The disputed effects of regionalism on legislative career orientation in multilevel systems // West European Politics. 2018. Vol. 41, no. 3. P. 728–753. <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1415549>.

Stolz K. Moving Up, Moving Down: Political Careers across Territorial Levels // European Journal of Political Research. 2003. Vol. 42, no. 2. P. 223–248. URL: https://www.researchgate.net/publication/321011577_Temporal_Methods_in_Political_Elite_Studies (дата обращения: 25.11.2022).

Tronconi F. Sub-national Political Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites / eds H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 611–624. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_38.

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? // Revista Española de Ciencia Política. 2018. No. 48. P. 183–206. <https://doi.org/10.21308/revsp.48.07>.

Источники

Казьмина И., Сафронова А. Кузницы миллиардеров. Что окончили богатейшие бизнесмены и видные политики // Сайт журнала «Деловой мир». URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes-photogallery/378681-kuznicy-milliardеров-что-окончили-bogateyshie-biznesmeny> (дата обращения: 28.11.2022).

Мастеров Б. Как сделать карьеру в администрации // Сайт журнала «Деловой мир». 4 ноября 2010. URL: <https://delovoy-mir.biz/kak-sdelat-kareru-v-administracii.html> (дата обращения: 28.11.2022).

Указ Президента РФ от 11.08.2016 г. № 403 «Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41183> (дата обращения: 28.11.2022).

Указ Президента РФ от 21 февраля 2019 г. № 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации»

(вместе с «Положением о порядке осуществления профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318654/ (дата обращения: 28.11.2022).

REGIONAL OFFICIALS AND POLITICS OF THE RUSSIAN FEDERATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF CAREERS

A. Bystrova

(abc_46@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences —
a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Bystrova A. Regional'nyye chinovniki i politiki RF: sravnitel'nyy analiz kar'yer [Regional officials and politicians of the Russian Federation: a comparative analysis of careers]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9: 122–145. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>

Abstract. *A comparative analysis of the careers of representatives of regional elite groups is presented. Comparison of career trajectories was carried out according to a number of indicators characterizing the speed of climbing the career ladder, changing fields of activity. A comparison of some parameters of primary and professional socialization was also carried out. This comparison makes it possible to make reasonable judgments about the pool of elite recruitment, mobility within elite groups, inter-elite movements, the degree of professionalization of the careers of persons involved in managerial or political activities in the regions of Russia. The empirical base is an array of biographical data for ten regions of the country: the Republic of Dagestan, Khabarovsk and Stavropol Territories, Kaliningrad, Kostroma, Leningrad, Novosibirsk and Rostov Regions, Moscow and St. Petersburg. The data covers the period from the mid-2000s to the early 2020s. Comparative diachronic analysis of the careers of representatives of regional politicians and senior officials of these regions allowed us to draw the following conclusions. Quite significant differences were found for a number of indicators, while for other indicators, the careers of representatives of both regional elite groups are similar. Thus, the sphere of business and economic activity is losing its significance as a pool for recruiting regional officials, but the importance of*

managerial activity is increasing. There is also some decline in the importance of business as a pool for recruiting regional politicians. An increase in the professionalization of careers was revealed, which is manifested in the nomenclature of the first and second higher education — primarily this applies to regional officials, in a change in the recruitment pool and career trajectories. Comparison of indicators characterizing the speed of advancement through the levels of an elite career (the length of time spent in at least three elite positions — the first elite position, the previous elite position and the current elite position) — shows that bureaucratic careers look faster due to a shorter stay at these steps (two years or less). While politicians stay in these positions for 3–5 years.

Keywords: administrative elite, political elite, institutionalization, careers, career trajectories, recruiting, professionalization.

References

Bernard J., Čermák D. Vzestupné a sestupné politické dráhy českých poslanců a senátorů, *Acta Politologica*, 2021, 13 (1), pp. 22–42. https://doi.org/10.14712/1803-8220/3_2020.

Bystrova A.S. Typy kar'er predstavitelej regional'noj administrativno-politicheskoj jelyty i faktory, vlijajushhie na kar'ernye razlichija [Types of careers of representatives of the regional administrative-political elite and factors affecting career differences]. In: *Vlastnye struktury i grupy dominirovanija* [Power structures and dominance groups]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 76–93. (In Russian)

Bystrova A.S. .Vliyanije sotsial'nogo konteksta na postroyeniye kar'yernykh trayektoriy: kar'yery predstaviteley razlichnykh politicheskikh pokoleniy regional'nykh administrativnykh elit Rossiyskoy Federatsii [The influence of the social context on the construction of career trajectories: careers of representatives of various political generations regional administrative elites of the Russian Federation], *Vlast' i elity* [Power and elites], T. 4. St. Petersburg: Intersocis, 2017. P. 170–203. <https://doi.org/10.1177/0268580916687460>. EDN: UYHVXO. (In Russian)

Bystrova A.S. Regional'nyye administrativnyye elity Rossii: kar'yery i kar'yernyye trayektorii [Regional administrative elites of Russia: careers and career trajectories], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1): 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>. EDN: LCEFUY. (In Russian)

Bystrova A., Duka A., Kolesnik N., Nevskij A., Tev D. Rossijskie regional'nye elity: innovacionnyj potencial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. In: *Globalizacija v rossijskom obshhestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: a collection of scientific papers]. Ed. by Eliseeva I.I. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2008, pp. 99–243. (In Russian)

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Institucionalizacija politicheskoj jelyty: istochniki rekrutirovanija i kar'era [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and careers], *Vlast' i jelyty*

[Power and Elites], 2019, 6 (2), pp. 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>. EDN: GXPYDO. (In Russian)

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Regional'naja politicheskaja jelita: bassejn rekrutirovaniya i kar'era [Regional political elite: pool of recruitment and career], *Vlast' i jelity* [Power and Elites], 2020, 7 (1), pp. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: HHPAWU. (In Russian)

Dodeigne J. Who governs? The disputed effects of regionalism on legislative career orientation in multilevel systems, *West European Politics*, 2018, 41(3), pp. 728–753. <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1415549>.

Duka A.V. K voprosu o militokratii: siloviki v regional'nyh vlastnyh jelitah [On the issue of militocracy: siloviki in regional power elites]. In: *Vlastnyye struktury i gruppy dominirovaniya: Materialy desyatogo Vserossijskogo seminar «Sociologicheskie problemy vlasti v usloviyah rossijskoj transformacii»* [Power structures and domination groups: Materials of the tenth All-Russian seminar “Sociological problems of power institutions under conditions of Russian transformation”]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 94–20. (In Russian)

Gaman-Golutvina O.V. Regionalnye elity Rossi: personalnyj sostav i tendentsii evolyucii [Regional elites of Russia: personal composition and trends of evolution] (1), *POLIS. Political studies*, 2004, 2, pp. 6–19. EDN: HSODIJ. (In Russian)

Mogilevkin E.A. *Kar'yernyy rost: diagnostika, tekhnologii, trening* [Career growth: diagnostics, technology, training]. Monograph. St. Petersburg: Rech, 2007. 336 p. (In Russian)

Osnovnye trendy formirovaniya upravlencheskoj ehliny rossii 2019–2030-gg [The main trends in the formation of the managerial elite of Russia 2019–2030]. Report on the research project, Dir. O.V. Kryshchanovskaya. (RFBR Grant No. 19–011–31467 2019) Moscow, 2019. 47 p. Available at: <https://guu.ru/wp-content/uploads/Full-report.pdf> (accessed: 18.11.2021). (In Russian)

Rossinsky B.V. Realizatsiya kontseptsiy administrativnoy reformy. [Implementation of the concepts of administrative reform], *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2018, 1, pp. 31–38. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.41.1.031-038>. (In Russian)

Slepcev N.S., Kukolev I.V., Ryskova T.M. Novaya legitimnost' regional'nyh liderov [The new legitimacy of regional leaders], *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], 1997, 3, pp. 5–23. (In Russian)

Steiner H. Formirovaniye socialnykh struktur v sovremennoy Rossi [Formation of social structures in modern Russia], *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion], 2001, 6, pp. 30–47. (In Russian)

Stolz, K. (2003). Moving Up, Moving Down: Political Careers across Territorial Levels, *European Journal of Political Research*, 2003, 42 (2), pp. 223–248. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321011577_Temporal_Methods_in_Political_Elite_Studies (accessed: 25.11.2022.)

Tev D. Spikery regional'nykh zakonodatel'nykh sobraniy: kar'yernnye puti

i kanaly rekrutirovaniya [Speakers of regional legislatures: career routes and recruitment channels], *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (1), pp. 26–65. (In Russian)

Tronconi, F. Sub-national Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Best H., Higley J. London: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 611–624. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_38.

Umanskaya V.P., Malevanova Yu.V. *Gosudarstvennoye upravleniye i gosudarstvennaya sluzhba v sovremennoy Rossii* [Public administration and public service in modern Russia]: Monograph. Moscow: Norma, 2020. 176 p. Available at: <https://studfile.net/preview/16693484/page:13/> (accessed: 11.22.2022).

Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork?, *Revista Española de Ciencia Política*, 2018, 48, pp. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

РЕГИОНАЛЬНАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭЛИТА: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРА

Д.Б. Тев

(denis_tev@mail.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Тев Д.Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 146–171

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>

Аннотация. Рассматриваются социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера членов региональной административной элиты. Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных 464 высокопоставленных чиновников десяти субъектов РФ. Исследование выявило, что доминирующей тенденцией карьеры администраторов является бюрократическая профессионализация: к моменту занятия нынешней должности подавляющее большинство уже более или менее длительное время работало на административных постах. Причем профессиональная закрытость рекрутирования региональной административной элиты с середины 2000-х годов усилилась. За пределами административной сферы основным поставщиком региональных чиновников служит бизнес, высшее руководство коммерческих организаций. Впрочем, наблюдается тенденция ослабления плутократического рекрутирования. В свою очередь, законодательные органы, прежде всего региональные легислатуры, являются малозначимым каналом рекрутирования административной элиты (их роль как поставщика чиновников с середины 2000-х годов снизилась). Это неудивительно, учитывая, что они обычно представляют собой довольно слабые политические институты, почти полностью зависимые от исполнительной власти и фактически неспособ-

ные ее контролировать. Наконец, региональной административной элите присуща высокая степень социальной закрытости. В ней преобладают выходцы из высокостатусных социально-профессиональных групп и практически отсутствуют персоны, которые в предшествующей карьере занимали позиции, относящиеся к низшим классам. В общем уровень социально-классового неравенства в доступе к высшим административным позициям в регионах высок, а возможности вертикальной мобильности ограничены.

Ключевые слова: административная элита, чиновники, источники рекрутирования, карьера, профессионализация, бизнес, социальная закрытость.

ВВЕДЕНИЕ

Значимость исследования социально-профессиональных характеристик региональной административной элиты определяется рядом обстоятельств. Во-первых, они могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, которая лежит в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует. Р. Патнэм писал, что «поскольку состав элиты легче наблюдаем, чем лежащие в его основе паттерны социальной власти, он может служить в качестве своего рода сейсмометра для обнаружения сдвигов в основаниях политической жизни и политики» [Putnam 1976: 43]. А как отмечал Д. Мэттьюз, «меняющиеся характеристики политических лидеров служат показателем меняющегося распределения власти в обществе» [Matthews 1954: 5]. В этом смысле изучение источников рекрутирования и карьеры высшего регионального чиновничества позволяет лучше понять социально-политическую организацию региона и ее историческую эволюцию. Речь, в частности, может идти об особенностях взаимоотношений региональных властей с федеральным центром, характере отношений между исполнительной и законодательной властями субъекта федерации, являющемся одной из главных характеристик регионального политического режима [Туровский 2009], специфике взаимодействия бизнеса и публичной власти в регионе. Словом, социально-профессиональный состав региональной административной элиты отчасти может быть своего рода «зеркалом», в котором отражается структура власти регионального сообщества (а также в некоторой степени России в целом).

Во-вторых, социально-профессиональное происхождение и карьера администраторов и соответственно специфика условий их социализа-

ции может в определенной степени влиять на их политические аттитюды и поведение (например, обуславливать их склонность к защите или, напротив, игнорированию интересов определенных социальных групп). В частности, исследование французской и германской элит (включая высокопоставленных администраторов), проведенное Л. Эдингером и Л. Сирингом [Edinger, Searing 1967] показало, что различные характеристики социального происхождения могут, хотя и в разной степени, выступать предикторами элитных аттитюдов. Причем в германском случае одним из самых существенных по размаху и силе предикторов выступала такая переменная, как работа членов элиты в предшествующие годы. Что касается России, то, как показано в ряде работ, такая профессиональная характеристика членов региональной элиты (включая чиновников), как номенклатурный опыт (работа в партийных, советских и комсомольских органах), выступает фактором, дифференцирующим их политические ценности и аттитюды [Региональные элиты... 2001; Сафронов 2010]. В общем «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением — с другой, далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции, для того чтобы сделать стоящим это направление исследования» [Kerbo, Fave 1979: 380].

В-третьих, особенности источников рекрутирования и карьерных путей региональной административной элиты могут быть связаны с уровнем ее сплоченности (интеграции). Вообще гомогенность (однородность) социально-демографического и социально-профессионального профиля государственных деятелей может служить важной предпосылкой элитной сплоченности, облегчать внутриэлитный компромисс, способствовать развитию корпоративного духа. Как отмечали Ч. Ким и С. Паттерсон, «социальная гомогенность, возможно, не является ни необходимым, ни достаточным условием элитной интеграции, но, безусловно, существует очень выраженная тенденция к тому, чтобы члены элиты разделяли общий опыт в своем социальном и политическом происхождении. Такой общий опыт облегчает межличностное взаимодействие внутри политической элиты и оказывает прямые и косвенные воздействия на согласованность и совместимость ценностей членов элиты» [Kim, Patterson 1988: 380]. В этом смысле показательна и позиция Э. Гидденса, который писал, что закрытая система рекрутирования, которая создает относительную однородность характеристик социального происхождения, давая доступ в элиту главным образом

представителям привилегированных слоев и лишая его выходцев из «низов», «вероятно, обеспечивает тип согласованной социализации, производящий высокий уровень интеграции между (и внутри) элитными группами» [Giddens 1974: 6]. Впрочем, он же подчеркивает и условность этой зависимости, указывая на случаи, в которых закрытый паттерн рекрутирования сочетается с низким уровнем внутриэлитной интеграции («учрежденная элита») и где, напротив, разнообразие характеристик социального происхождения элиты совмещается с высоким уровнем интеграции (так называемая солидарная элита, характерная, например, для социалистических стран). Отдельно следует отметить, что значимым фактором и показателем интеграции различных функциональных сегментов элиты служат динамические переплетения между ними, которые создаются карьерными переходами персон из одних властных групп в другие. Как отмечает У. Хоффман-Ланге, одним из показателей элитной интеграции служат «элитные карьеры, включающие профессиональный опыт в различных секторах, который способствует отношениям сотрудничества между лидерами разных секторов и организаций» [Hoffmann-Lange 2018: 63]. В этом смысле, например, приток в региональные правительства выходцев из законодательной или экономической элиты региона (как и переходы чиновников на работу в легислатуру или крупный бизнес) могут способствовать межфракционной элитной интеграции, формированию единой, хотя и дифференцированной в институциональном и функциональном отношениях, властной элиты региона.

Наконец, в-четвертых, характер бассейна рекрутирования административной элиты может влиять на ее легитимность. Как писал Р. Патнэм, политическая легитимность частично основывается на представлении о равенстве возможностей, и, как полагают многие практические политики, социологически непредставительная элита может подрывать легитимность правления [Putnam 1976: 44]. В этом смысле вопрос о том, в какой степени социально-профессиональный состав региональных администраций соответствует аналогичным характеристикам населения регионов, имеет существенное значение.

ДАННЫЕ И МЕТОД

Эмпирической основой исследования служит биографическая база данных об административной элите десяти субъектов РФ: Республики

Дагестан, Хабаровского и Ставропольского краев, Калининградской, Костромской, Ленинградской, Новосибирской и Ростовской областей, Москвы и Санкт-Петербурга¹. При отборе регионов применялась комбинированная стратегия двух противоположных случаев — «наибольшего сходства» и «наибольшего различия». Эта стратегия не лишена недостатков ввиду того, что в пределах рассматриваемых регионов имеются как общие, так и особенные характеристики, однако она позволяет получить некоторые обобщения, важные при проведении сравнительного исследования (подробнее см.: [Быстрова и др. 2010: 142–143]). Для идентификации региональной административной элиты использовался позиционный подход. К ней были отнесены все члены правительств, а также руководители региональных органов исполнительной власти (министерств, комитетов и т.п.) и администраций глав исполнительной власти (губернаторов) регионов в тех случаях, когда они не входили в состав правительства. Таблица 1 показывает количественные характеристики исследуемых совокупностей элиты.

Таблица 1

**Численность исследуемой совокупности членов
административной элиты по регионам, чел.**

Субъект РФ	Количество персон по годам сбора данных		
	2005–2007	2013	2020
Санкт-Петербург	70	30	67
Ленинградская область	37	46	50
Ростовская область	43	37	34
Калининградская область	24	32	43
Костромская область	-	37	35
Хабаровский край	-	28	48
Москва	-	84	64
Новосибирская область	-	36	36
Ставропольский край	-	-	38
Республика Дагестан	-	-	49
Всего	174	330	464

¹ База данных собрана сектором социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН.

Метод исследования можно определить как структурно-биографический анализ, предполагающий изучение структуры региональных властных групп в связи с биографией персон, их составляющих [Быстрова и др. 2010: 158–159]. Первоначально были созданы полнотекстовые файлы с биографической и иной информацией по каждому представителю региональной административной элиты. Источником информации служили справочники, материалы СМИ, официальные сайты органов власти и иных организаций, отчеты коммерческих организаций, биографические интернет-порталы. Собранные данные были упорядочены в персональных файлах-анкетах, содержащих сведения о дате и месте рождения, типе и месте получения высшего образования, карьерном пути и пр. После этого производились кодировка и ввод данных для статистической обработки в пакете SPSS.

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РЕКРУТИРОВАНИЯ

Доминирующей тенденцией карьеры и рекрутирования региональных администраторов в исследуемых субъектах РФ является бюрократическая профессионализация: к моменту занятия нынешней должности подавляющее большинство уже более или менее длительное время работали на административных постах.

Как показывает таблица 2, в целом более четырех пятых административной элиты 2020 г. непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность были чиновниками, и более чем у двух третей предшествующая должность была административной.

Причем если судить по этим показателям, то по уровню профессионализации высшая региональная административная элита (губернатор и его заместители) практически не отличается от остальной массы чиновников.

Административная профессионализация преобладает во всех рассматриваемых субъектах РФ, но наблюдаются некоторая вариативность в региональном разрезе. Если, например, в Республике Дагестан и Ростовской области 73,5 % членов административной элиты занимали административную позицию перед вхождением в нынешнюю должность, то в Москве этот показатель составляет 95 %. Если в Ленинградской области только у 58 % высокопоставленных чиновников предшествующая должность была административной, то в Москве это

Таблица 2

**Работа членов административной элиты 2020 г.,
предшествующая и предпредшествующая нынешней должности (в %)**

Занятие	Предшествующая работа (N=447)	Предпредшествующая работа (N=423)
Депутат	2	2
Администратор	82	69
Политический активист	~0	0
Хозяйственник, бизнесмен	12	18
Специалист	~0	1
Наука, культура, образование	1	1
Силовик	3	6
Охранник	~0	1
Юрист	0	1
Медик	~0	1

можно сказать о 93,5 % членов региональной административной элиты. Словом, столица выделяется наиболее бюрократически профессионализированной элитой.

О длительности работы высокопоставленных региональных чиновников 2020 г. в административной сфере свидетельствует таблица 3.

Таблица 3

**Занятие членов административной элиты 2020 г.
в 1993, 1995, 2000, 2004, 2008, 2010 и 2014 гг. (в %)**

Работа	1993 (n=337)	1995 (n=339)	2000 (n=358)	2004 (n=362)	2008 (n=379)	2010 (n=395)	2014 (n=422)
Депутат	1	2	1	2	3	3	2
Администратор	11	15	29	45	55	63	76
Политический активист	0	~0	1	1	1	1	~0
Хозяйственник, бизнесмен	12	16	23	24	23	20	14
Специалист	3	3	3	2	1	1	1

Окончание табл. 3

Наука, культура, образование	5	3	5	4	3	3	1
Силовик	16	16	14	10	8	6	3
Охранник	0	1	1	~0	1	1	1
Юрист	1	1	2	2	2	1	1
Медик	2	3	4	3	2	1	1
Рабочий/колхозник	2	1	0	0	0	0	0
Учащийся	47	39	17	7	1	~0	0

Как видим, в середине 1990-х годов примерно каждый седьмой нынешний высший чиновник работал на административных должностях (но при этом почти 40 % еще учились), а к 2004 г. этот показатель достиг 45 %, к 2008 г. превысив половину.

Причем тенденция бюрократической профессионализации, профессиональной закрытости рекрутирования административной элиты с середины 2000-х годов усилилась, о чем свидетельствует динамический анализ данных по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям), представленный в таблице 4.

Таблица 4

Работа членов административной элиты Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областей в административной сфере, предшествующая и предпредшествующая нынешней должности (в %)

Тип работы	Годы сбора данных		
	2005–2007	2013	2020
Предшествующая	58 (N=156)	72,5 (N=138)	78 (N=183)
Предпредшествующая	44 (N=133)	60 (N=127)	62 (N=173)

Следует отметить, что сравнение данных за 2013 и 2020 гг. по восьми регионам подтверждает эту тенденцию (доля персон, чья предшествующая работа была административной, возросла с 78 до 83 %, а тех,

кто занимал в административных органах предпредшествующую позицию, — с 63 до 69 %).

В целом высокая степень профессионализации региональной административной элиты неудивительна и согласуется с меритократическим типом ее рекрутирования, при котором в основе отбора чиновников лежит компетентность, тесно связанная с опытом и стажем работы в административной сфере. Вместе с тем длительная работа в административных органах способствует накоплению социальных связей, формированию патрон-клиентских отношений с вышестоящими администраторами. Эти связи и отношения играют первостепенную роль при патримониальном типе рекрутирования, выступая его вытягивающим фактором (что вообще характерно для России [Гимпельсон, Магун 2004; Fortescue 2021]).

Следует отметить, что по уровню профессионализации региональная административная элита значительно превосходит политическую — депутатский корпус, чуть менее половины которого работала в органах представительной власти непосредственно перед занятием нынешней должности (подробнее см.: [Быстрова и др. 2020]). Здесь нужно отметить два обстоятельства. Во-первых, если во многих регионах большинство депутатов вправе осуществлять свои полномочия на непостоянной основе, совмещая их с основной работой, все региональные администраторы обязаны работать в органах исполнительной власти на профессиональной основе и не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью (кроме педагогической, научной и иной творческой). Во-вторых, выраженную профессионализацию административной элиты, ее способность отбирать своих членов скорее из рядов самого чиновничества, чем из иных властных групп — депутатского корпуса, бизнес-сообщества и пр., можно рассматривать как следствие и показатель автономии, которой она обладает по отношению к ним. С. Хантингтон отмечал, что в системе с высоким уровнем автономии важнейшие позиции в руководстве «обычно достижимы лишь для тех, кто прошел период ученичества на менее важных позициях» [Хантингтон 2004: 40]. Автономии административной элиты, в частности, способствуют особенности метода отбора ее членов. В отличие от депутатов, которые избираются населением, региональные чиновники, кроме губернатора, назначаются на свои должности вышестоящими администраторами (правда, иногда по согласованию с законодателями). Таким образом, механизм рекрутирования административной элиты более

закрытый и авторитарный. Контроль над процессом отбора высокопоставленных региональных чиновников, особенно при слабости и зависимости законодательных органов, сосредоточен прежде всего в самой административной сфере, правда важную (даже решающую) роль здесь часто играет вышестоящая федеральная администрация. Профессионализация высших администраторов может не просто отражать, но и усиливать их автономию от неадминистративных сфер и элит, поскольку повышает вероятность формирования у них корпоративного духа и самоидентификации с административным аппаратом, а не с внешними по отношению к нему группами. В связи с этим профессионализация административной элиты, хотя и способствует развитию ее сплоченности и компетентности, может негативно влиять на ее восприимчивость к меняющимся общественным интересам и требованиям, усиливать отчуждение чиновников от общества.

ОПЫТ РАБОТЫ В БИЗНЕСЕ: МАСШТАБЫ И ФАКТОРЫ ПЛУТОКРАТИЗАЦИИ

За пределами административной сферы основным источником рекрутирования высокопоставленных региональных чиновников служит бизнес, высшее руководство коммерческих организаций. Как видно из таблицы 2, почти каждый восьмой чиновник непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность занимал ключевую позицию на предприятиях различных форм собственности (интересно, что исследование региональных вице-губернаторов, занимавших свой пост в период с 2001 по 2012 г., показало, что напрямую с ключевых позиций на предприятиях пришли только 8,5 % [Szakonyi 2020: 40]) и почти у каждого пятого администратора с руководством экономическими структурами была связана предпредшествующая работа. Причем бизнес является поставщиком большего количества региональных чиновников, чем все остальные источники «внешнего» рекрутирования административной элиты вместе взятые. С точки зрения оценки масштабов плутократизации показательны и данные о занятии нынешней административной элиты в различные годы. Как видно из таблицы 3, в 2000–2008 гг. почти четверть нынешних администраторов руководила бизнес-структурами.

Следует, однако, отметить, что высшая административная элита регионов (губернатор и его заместители) в меньшей степени напрямую

рекрутируется из бизнеса, чем другие чиновники: лишь 7 % представителей этой группы руководили предприятиями на момент занятия нынешней должности и 18 % — перед вхождением в должность, предшествующую нынешней. Словом, командные высоты региональной администрации сравнительно менее доступны для выходцев из бизнеса, чем иные бюрократические позиции.

В целом по уровню плутократического рекрутирования региональная административная элита значительно уступает политической (депутатскому корпусу) субъектов РФ, почти 30 % членов которой занимали ключевые позиции в бизнесе на момент вхождения в нынешнюю должность (подробнее см.: [Быстрова и др. 2020]). В некоторой мере это связано с различием правовых норм, регулирующих деятельность депутатов и чиновников. Как уже отмечалось, по закону чиновники должны работать на профессиональной основе и не вправе заниматься коммерческой деятельностью, тогда как многие депутаты, напротив, сочетают свои обязанности с основной работой в бизнесе. Таким образом, если у депутатов предшествующая вхождению в нынешнюю должность законодательная карьера часто совместима с занятием бизнесом, то у чиновников — нет. Кроме того, могут иметь значение и различия в методе рекрутирования депутатов, избираемых населением, и чиновников, которые, кроме губернатора, назначаются вышестоящими администраторами. Как уже отмечалось, механизм рекрутирования чиновников, вероятно, делает процесс формирования административной элиты более закрытым и автономным, менее зависимым от «общества», наиболее влиятельным сегментом которого является бизнес.

Следует отметить, что степень плутократизации административной элиты существенно варьируется по регионам. Если судить по предшествующей позиции, то наименее сильно она выражена в Москве, где выше всего уровень бюрократической профессионализации: в столице из высшего руководства коммерческих организаций непосредственно пришли всего 3 % чиновников. Напротив, больше всего прямых выходцев из бизнеса среди чиновников Ростовской области (21 %), чья административная элита является одной из наименее профессионализованных.

Что касается долгосрочной динамики плутократизации, то ее можно проследить по четырем регионам (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областям). В целом, как показывает

таблица 5, эта тенденция слабеет (при, как уже отмечалось, усилении профессионализации).

Таблица 5

**Работа членов административной элиты Санкт-Петербурга,
Ленинградской, Ростовской и Калининградской областей
на ключевых постах в бизнесе, предшествующая
и предпредшествующая нынешней должности (в %)**

Тип работы	Годы сбора данных		
	2005–2007	2013	2020
Предшествующая	20,5 (N=156)	20 (N=138)	15 (N=183)
Предпредшествующая	30 (N=133)	24 (N=127)	23 (N=173)

Эта динамика, кстати, подтверждается и сравнением данных за 2013 и 2020 гг. по восьми субъектам РФ: доля чиновников, которые были бизнесменами по своей предшествующей позиции, снизилась с 16 до 11 %, по предпредшествующей — с 23,5 до 17 %.

Какие факторы обуславливают существенное присутствие выходцев из бизнеса в составе региональной административной элиты? Во-первых, рекрутированию бизнесменов на административные посты благоприятствует ряд ресурсов и способностей, которыми они обладают. К ним можно отнести управленческие навыки, компетентность в вопросах экономики, включая знание конкретных отраслей, курируемых данными подразделениями регионального правительства, авторитет и связи в деловом сообществе. Региональные администрации, играющие значительную роль в регулировании экономики, могут испытывать потребность в таких кадрах. Кроме прочего, назначение подобных персон на видные посты в правительствах субъектов РФ, особенно в экономическом блоке, может служить позитивным сигналом предпринимателям и инвесторам, которые обладают структурной властью в отношении региональных администраций, зависящих от экономического роста с точки зрения своих материальных возможностей и легитимности. Впрочем, не следует переоценивать востребованность выходцев из бизнеса в региональных администрациях. Логика функционирования коммерческой и административной сфер и навыки, необходимые для успешной работы в них, все же существенно различаются (см., напр.: [Буравцева 2013]), что может налагать серьезные ограничения на обмен кадрами.

Важную роль в рекрутировании бизнесменов на видные административные посты способны также играть их финансовые ресурсы. Они могут использоваться как для собственного избрания на пост главы региона, так и для спонсирования избирательных кампаний других кандидатов в губернаторы при условии последующего назначения выходцев из бизнеса на важные посты, а также для покупки должностей [Более половины... 2012] и пр. Наконец, важным вытягивающим фактором рекрутирования бизнесменов на административные позиции могут быть их знакомства и связи с чиновниками разного уровня, складывающиеся в ходе тесного функционального взаимодействия руководителей компаний с властями в процессе выработки и осуществления политики, особенно по экономическим вопросам (в частности, бизнесмены участвуют в работе различных консультативных органов при административных структурах, а чиновники входят в советы директоров компаний).

Во-вторых, в условиях сильной и многообразной зависимости процесса накопления капитала от политики региональных администраций бизнес может быть заинтересован в присутствии в них представителей коммерческой сферы, в их «колонизации» как одной из форм контроля (причем самой непосредственной) над ними. Вообще, как показывают исследования, фирмы способны извлекать существенные выгоды из политических связей, возникающих при занятии выходцами из них должностей в государственном аппарате, особенно в странах с относительно неразвитыми рыночными институтами, слабой правовой системой (и незащищенностью прав собственности) и высоким уровнем коррупции, таких как постсоветская Россия [Faccio 2010; Grigoriev, Zhirkov 2020]. Более того, по распространенному мнению, в России сложился «кумовской» капитализм, при котором связи с государственной властью являются важнейшим условием успешного ведения бизнеса [Волкова 2016; Planet Plutocrat 2014]. Хотя бизнесмены вовсе не обязательно занимают административные посты с целью продвижения интересов соответствующих компаний, отраслей или делового сообщества в целом, важно, однако, то, что профессиональная социализация чиновников в бизнесе, вероятно, способствует формированию у них, с одной стороны, аттитюдов, дружественных или сочувственных по отношению к нему, а с другой — сильных социальных связей в коммерческой сфере [Wirsching 2018: 3–5]. Это повышает вероятность восприимчивости таких государственных деятелей к потребностям и аргументам бизнеса,

облегчает доступ бизнесменов к чиновникам и в целом способствует формированию государственной политики, благоприятной накоплению капитала.

Не стоит, впрочем, преувеличивать заинтересованность бизнесменов в занятии административных постов, в смене сферы профессиональной деятельности (чего, как уже отмечалось, не требуется от многих депутатов, которые вправе совмещать работу в политике и коммерции). В частности, роли государственного чиновника и менеджера компании, даже при их общем управленческом профиле, существенно различаются, и работа бюрократа может отпугивать бизнесменов, представляясь им, например, слишком косной и несамостоятельной. Также бизнесмены могут сильно проиграть в доходе при переходе из коммерции в административную сферу. Однако здесь ситуация неоднозначна и сильно варьируется от случая к случаю: соотношение вознаграждений может, в частности, зависеть от размера компании и значимости административной должности. Кроме того, следует помнить, что чиновники обычно обладают более стабильным и гарантированным доходом, разнообразными льготами и привилегиями и, что немаловажно, возможностями коррупционного обогащения. Все это также может делать административную карьеру привлекательной для бизнесменов, особенно не слишком удачливых в коммерческой сфере.

В целом тот факт, что бизнес является пусть и второстепенным в сравнении с самой административной сферой, но все же довольно значимым поставщиком (и при этом важнейшим источником внешнего рекрутирования) административной элиты, указывает на ограниченность ее автономии от капиталистических интересов. Это обстоятельство вместе со структурной властью бизнеса способствует привилегированному положению его интересов в региональной политике в сравнении с интересами других социальных групп, выходцы из которых слабо представлены среди высокопоставленного регионального чиновничества. Такая политическая предвзятость тем более вероятна, что в России распространены и другие формы связей региональной административной элиты с миром бизнеса. В частности, многие чиновники после отставки уходят в коммерческие структуры [Тев 2015], у значительной их части бизнесом занимаются родственники, некоторые администраторы заседают в советах директоров крупных компаний в качестве представителей государства. Вместе с тем тесная связь конкретных чиновников с определенными бизнес-

структурами, из которых они пришли на государственную службу, может подрывать способность региональной административной элиты проводить политику в интересах бизнеса и экономического развития в целом, поскольку это нередко требует обуздания эгоизма специфических интересов отдельных компаний и отраслей. Как писал К. Оффе, «государство, которое... должно быть “идеальным коллективным капиталистом”... должно быть... структурой, выступающей по отношению к особенным и узким интересам индивидуальных капиталистов и их политических организаций как надзорная, опекающая сила, во всяком случае, такая сила, которая является отчужденной и суверенной властью» [Offe 1993: 108]. Плутократизация может также способствовать дезинтеграции региональной административной элиты, раскалываемой противоречиями и соперничеством различных специфических бизнес-интересов.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ЧИНОВНИКОВ: МАЛОЗНАЧИМОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК КАНАЛА РЕКРУТИРОВАНИЯ

В парламентских демократиях законодательные органы служат важнейшим каналом рекрутирования правительственной элиты на общенациональном и региональном уровнях [Bermeo 2003: 194; Cotta, Verzichelli 2003: 117; Fischer, Kaiser 2009: 28]. Министры-«генералисты», имеющие длительную парламентскую карьеру, являются одним из наиболее распространенных типов правительственных деятелей.

В исследуемых регионах, напротив, представительные органы, прежде всего региональные легислатуры, являются второстепенным, малозначимым источником рекрутирования высокопоставленных чиновников. Представленная выше таблица 2 показывает, что только 2 % будущих чиновников были депутатами того или иного уровня непосредственно перед занятием нынешней должности, а также по своей предпреществующей работе¹. Стоит, однако, отметить, что среди

¹ Интересно, что обратное движение элитных персон — переход чиновников в законодательные органы — существенно более распространено: примерно 11 % региональных депутатов работали на административных должностях непосредственно перед избранием в действующий созыв легислатуры (подробнее см.: [Быстрова и др. 2020]).

высшей региональной административной элиты (губернатор и его заместители), т.е. наиболее «политических» фигур в исполнительной власти субъектов РФ, доля бывших депутатов чуть выше — 5 %. Приведенная выше таблица 3 показывает долю нынешних чиновников, которые были депутатами в различные годы постсоветского периода. Как видим, она никогда не поднималась выше 3 %.

Впрочем, ситуация по регионам вариативна. В четырех регионах (Калининградская, Костромская, Новосибирская области, Москва) ни один чиновник не был депутатом на момент вхождения не только в нынешнюю должность, но и в должность, ей предшествующую. В то же время в Ростовской области перед назначением на нынешний пост таковых было 6 %, а в Хабаровском крае у 7 % чиновников предпредшествующая позиция была депутатской.

Что касается динамики депутатского опыта в течение более или менее продолжительного периода, то, как показывает таблица 6, значимость представительных органов как поставщика административной элиты с середины 2000-х годов снизилась (согласно данным по четырем регионам). При этом сравнение данных за 2013 и 2020 гг. по восьми регионам показывает отсутствие значимой динамики.

Таблица 6

Работа членов административной элиты Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской и Калининградской областей в органах представительной власти, предшествующая и предпредшествующая нынешней должности (в %)

Тип работы	Годы сбора данных		
	2005–2007	2013	2020
Предшествующая	9 (N=156)	1 (N=138)	3 (N=183)
Предпредшествующая	7 (N=133)	4 (N=127)	2 (N=173)

В целом малозначимость региональных legislatur в качестве источника рекрутирования высокопоставленных администраторов не вызывает удивления. В настоящее время они, как правило, являются довольно слабыми политическими институтами, почти полностью зависимыми от региональной исполнительной власти и фактически неспособными ее контролировать (в 1990-е годы ситуация в этом плане

была более вариативной по регионам, но в 2000-х влияние законодательных собраний снизилось) [Гельман 1998; Кузьмин, Мелвин, Нечаев 2002; Шириков 2010; Туровский 2011; Даугавет 2012; Golosov 2017]. Впрочем, слабость законодательных органов может в некоторой степени способствовать административной карьере депутатов, поскольку усиливает их мотивацию к переходу в исполнительные органы, в которых сосредоточена реальная власть. Однако следует также отметить, что логика функционирования политической и административной сфер и компетенции, необходимые для успешной работы в них, существенно различаются, что также налагает ограничения на обмен кадрами.

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАКРЫТОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ

В целом региональной административной элите присуща высокая степень социальной закрытости в плане бассейна ее рекрутирования, который является довольно узким. Как показывают данные исследования, более 95 % высокопоставленных чиновников непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность (и почти 90 % перед вхождением в должность, предшествующую нынешней) занимали позиции администраторов, депутатов или бизнесменов, т.е. относились к тем или иным властным группам, нередко уже входя в состав региональной властной элиты. При этом в административной элите практически отсутствуют персоны, которые в предшествующей карьере занимали социально-профессиональные позиции, относящиеся к низшим классам — рабочим и крестьянам. Как видно из таблицы 3, их было примерно 2–3 % в 1987 и 1990 гг. В 1993 и 1995 гг. доля будущих чиновников, занимавших «рабоче-крестьянское» положение в социально-профессиональной структуре, не превышала 1–2 %, а затем сократилась до нуля. Среди высокопоставленных чиновников нет таких, которые были бы непосредственно рекрутированы из низших классов, что, конечно, неудивительно, учитывая, в частности, тот факт, что высшее образование является обязательным условием занятия административных постов.

Однако нужно отметить, что не только низшие классы, но и группы, занимающие средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре также довольно скромно представлены в нынешней административной элите субъектов РФ. Так, в целом по десяти исследуемым регионам только 1–3 % чиновников занимали должности

специалистов различных предприятий и организаций в 1993–2014 гг. (в позднесоветский период, в 1987 и 1990 гг. — около 4 %), и практически никто не работал на такой позиции непосредственно перед занятием нынешней должности. Чуть выше доля выходцев из сферы науки, культуры, образования и здравоохранения, но и она невелика. В 1993 и 2000 гг. в этой области работали 9 % нынешних чиновников, в остальные годы — 2–7 % (и только 1 % высокопоставленных администраторов рекрутирован непосредственно из этой сферы). Впрочем, среди представителей данных отраслей обычно преобладает высшее руководство соответствующих, в основном бюджетных, организаций (ректоры вузов, главные врачи больниц, директора школ и их заместители) и мало рядовых врачей, преподавателей и учителей. В региональном разрезе относительно широко данная социально-профессиональная категория представлена, например, в Хабаровском крае, где в 1990–1995 гг. соответствующие позиции занимали 15–18 % будущих чиновников (хотя только у 4 % такой была предшествующая должность).

Таким образом, мы видим весьма высокий уровень социально-классового неравенства в доступе к высшим позициям административной власти в регионах, ограниченность возможностей вертикальной мобильности, узость источников рекрутирования административной элиты, члены которой преимущественно выходцы из высокостатусных социально-профессиональных групп. Эта тенденция может иметь важные последствия. Относительная социальная однородность административной элиты в смысле подавляющего доминирования в ней выходцев из властных групп, «начальства», высшего руководства различных, часто крупных по меркам регионов организаций может способствовать ее сплоченности. Кроме того, то, что социально-профессиональный бассейн рекрутирования высшего регионального чиновничества слабо отражает структуру подвластного ему населения и выходцы из подчиненных классов представлены в ней крайне скромно, благоприятствует игнорированию и ущемлению их интересов в региональной политике ради интересов сверхпредставленного в административной элите социально-привилегированного меньшинства. Наконец, отчетливо социально нерепрезентативный характер региональной административной элиты может ослаблять ее легитимность в глазах граждан (которая, как уже отмечалось, частично основывается на иллюзии равенства возможностей [Putnam 1976: 44]), усиливать отчуждение между обществом и властью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. Во-первых, доминирующей тенденцией карьеры и рекрутирования высших чиновников в исследуемых субъектах РФ является бюрократическая профессионализация: к моменту занятия нынешней должности подавляющее их большинство уже более или менее длительное время работали на административных постах. Впрочем, указанная тенденция существенно варьирует в региональном разрезе. При этом профессиональная закрытость рекрутирования региональной административной элиты в целом усиливается. Следует отметить, что по уровню профессионализации эта элита значительно превосходит политическую элиту — депутатский корпус рассматриваемых субъектов РФ.

Во-вторых, за пределами административной сферы основным источником рекрутирования региональных чиновников служит бизнес, высшее руководство коммерческих структур (как государственных, так и частных). Причем бизнес является поставщиком большего количества региональных чиновников, чем все остальные источники «внешнего» рекрутирования вместе взятые. Впрочем, наблюдаются существенные региональные вариации, а также в целом тенденция к ослаблению плутократического рекрутирования. Кроме того, высшая административная элита (губернатор и его заместители) в меньшей степени напрямую приходят из бизнеса, чем другие чиновники. Наконец, по уровню плутократизации региональная административная элита значительно уступает политической элите (депутатскому корпусу) субъектов РФ, что может быть связано с различиями методов рекрутирования этих властных групп, а также правовых норм, регулирующих их деятельность.

В-третьих, представительные органы, прежде всего региональные legislatures, являются малозначимым источником рекрутирования высокопоставленных чиновников, но среди высшей административной элиты (губернатор и его заместители) доля бывших депутатов больше. При этом с середины 2000-х годов значимость законодательных органов в качестве поставщика административной элиты снизилась. Второстепенная роль региональных legislatures как канала рекрутирования неудивительна, учитывая тот факт, что они, как правило, являются довольно слабыми политическими институтами, почти полностью зависимыми от исполнительной власти и фактически неспособными ее контролировать.

Наконец, в целом региональной административной элите присуща высокая степень социальной закрытости: бассейн ее рекрутирования довольно узок, в ней преобладают выходцы из высокостатусных социально-профессиональных групп. В рассматриваемой элите практически отсутствуют персоны, которые в предшествующей карьере занимали социально-профессиональные позиции, относящиеся к низшим классам, при этом группы, занимающие средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре (интеллигенция, специалисты и пр.), также довольно слабо представлены в ней. В общем обнаруживается высокий уровень социально-классового неравенства в доступе к высшим административным позициям в регионах и ограниченность возможностей вертикальной мобильности.

Литература

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 99–242. EDN: YMNGUO

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: YMNGUO

Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // Полис. Политические исследования. 1998. № 1. С. 87–105. EDN: ESCPAN

Гимпельсон В.Е., Магун В.С. На службе государства российского: перспективы и ограничения карьеры молодых чиновников // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 5 (73). С. 19–36. EDN: HTLRNR

Даугавет А.Б. Представительная власть Санкт-Петербурга как неформальный институт (2000–2011) // Властные структуры и группы доминирования / под. ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 344–369. EDN: UMSTPF

Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 142–155. EDN: ESCVJD

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с. EDN: OXPZVW

Сафронов В.В. Консолидация авторитаризма или демократизация: поддержка путинского режима элитой С -Петербурга // Условия и возможности консолидации российского общества: сб. науч. трудов СИ РАН / отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 30–110. EDN: YSDUJY

Тев Д.Б. Высокопоставленные региональные администраторы: особенности карьеры после ухода с должности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 4. С. 37–52. EDN: VKQMHN

Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 77–95. EDN: KYGVDZ

Туровский Р.Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 82–92. EDN: OGDXDZ

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с. EDN: QODDDF

Шириков А. Анатомия бездействия: политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 276 с. (Труды факультета политических наук и социологии).

Bermeo N. Ministerial Elites in Southern Europe: Continuities, Changes and Comparisons // Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000 / ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. London: Frank Cass Publishers, 2003. P. 191–212.

Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: Notables, Party Men, Technocrats and Media Men // Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000 / ed. by P. Tavares de Almeida, A.C. Pinto, N. Bermeo. London: Frank Cass Publishers, 2003. P. 109–142.

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // American Political Science Review. 1967. Vol. 61, no. 2. P. 428–445. <https://doi.org/10.2307/1953255>.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis // Financial Management. 2010. Vol. 39, no. 3. P. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fischer J., Kaiser A. Hiring and Firing Ministers under Informal Constraints. Germany // The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing / ed. by K. Dowding, P. Dumont. London; New York: Routledge, 2009. P. 21–40.

Fortescue S. Russia's civil service: professional or patrimonial? Executive-level officials in five federal ministries // Post-Soviet Affairs. 2020. Vol. 36, no. 4. P. 365–388. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1757314>.

Giddens A. Elites in the British class structure // Elites and Power in British Society / ed. by P. Stanworth, A. Giddens. London: Cambridge University Press, 1974. P. 1–21.

Golosov G.V. Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014) // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69, no. 4. P. 553–570. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1337871>.

Grigoriev I., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010 // Research and Politics. 2020. Vol. 7, no. 4. P. 1–6. <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites // The Palgrave Handbook of Political Elites / ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 53–68.

Kerbo H.R., Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research // Sociological Quarterly. 1979. Vol. 20, no. 1. P. 5–22. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1979.tb02181.x>.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // Comparative Politics. 1988. Vol. 20, no. 4. P. 379–399. <https://doi.org/10.2307/421935>.

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure // Public Opinion Quarterly. 1954. Vol. 18, no. 1. P. 5–22. <https://doi.org/10.1086/266482>.

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions // The State: Critical Concepts. Vol. 1 / ed. by J.A. Hall. London, New York: Routledge, 1993. 104–129.

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976.

Szakonyi D. Politics for Profit: Business, Elections, and Policymaking in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Wirsching E. The revolving door for political elites: policymakers' professional background and financial regulation. Working Paper no. 222. Prepared in November 2018. URL: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/revolving-door> (дата обращения: 07.08.2021).

Источники

Более половины должностей в РФ — купленные // PASMI.RU. 07.08.2012. URL: <https://pasmi.ru/archive/45848/> (дата обращения: 01.09.2021).

Буравцева М. Есть ли жизнь после госслужбы // Ведомости. 21.06.2013. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/06/21/zhizn_posle_gosszluzhby (дата обращения: 09.08.2021).

Волкова О. Ученые назвали политические связи главным источником богатства в России // РБК. 11.03.2016. URL: <http://www.rbc.ru/economics/11/03/2016/56e2a1ac9a7947f56bedc71a> (дата обращения: 14.02.2021).

Planet Plutocrat // The Economist. 15.03.2014. URL: <http://www.economist.com/news/international/21599041-countries-where-politically-connected-businessmen-are-most-likely-prosper-planet> (дата обращения: 14.02.2021).

REGIONAL ADMINISTRATIVE ELITE: SOCIO-PROFESSIONAL SOURCES OF RECRUITMENT AND CAREERS

D. Tev

(denis_tev@mail.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences

Citation: Tev D. Regional'naya administrativnaya elita: sotsial'no-professional'nyye istochniki rekrutirovaniya i kar'yera [Regional administrative elite: socio-professional sources of recruitment and careers]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (2): 146–171. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>

Abstract. *The article deals with the socio-professional sources of recruitment and the careers of members of the regional administrative elite. The empirical basis of the study is the biographical database of 464 high-ranking officials of ten regions of Russian Federation. The study revealed that the dominant trend in the careers of administrators is bureaucratic professionalization: by the time they took their current position, the vast majority of them had already worked in administrative positions for more or less a long time. Moreover, the professional closeness of recruitment of the regional administrative elite is increasing. Outside the administrative sphere, the main supplier of regional officials is business, the top management of commercial organizations. However, there is a trend towards a weakening of plutocratic recruitment. In turn, legislative bodies, primarily regional legislatures, are an insignificant channel for recruitment of the administrative elite (and their role as a supplier of officials has declined since the mid-2000s), which is not surprising, given that they are usually rather weak political institutions, almost completely dependent on the executive branch and virtually unable to control it. Finally, the regional administrative elite is characterized by a high degree of social closeness: it is dominated by people from high-status socio-professional groups and there are practically no persons who in their previous careers occupied positions belonging to the lower classes. In general, the level of social class inequality in access to the highest administrative positions in the regions is high, and the opportunities for vertical mobility are limited.*

Keywords: *administrative elite, officials, sources of recruitment, careers, professionalization, business, social closeness.*

References

Bermeo N. Ministerial Elites in Southern Europe: Continuities, Changes and Comparisons. In: *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*. Ed. by Tavares de Almeida P., Pinto A.C., Bermeo N. London, Frank Cass Publishers, 2003, pp. 191–212.

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Rossijskie regional'nye jelity: innovacionnyj potencial v kontekste globalizacii [Russian Regional Elites: Innovative Potential in the Context of Globalization]. In: *Uslovija i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshhestva: Sborhik nauchnyh trudov SI RAN* [Conditions and opportunities for the consolidation of Russian society: Collection of Scientific Papers of the SI RAS]. Ed. by A.V. Duka, I.I. Eliseeva. St Petersburg: Nestor-Istorija, 2010, pp. 99–242. EDN: YMHGUO (In Russian)

Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskij A.V., Tev D.B. Regional'naja politicheskaja jelita: bassejn rekrutirovanija i kar'era [Regional political elite: careers and pool of recruitment]. *Vlast' i jelity* [Power and elites], 2020, 7 (1), pp. 76–122. (In Russian). <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: HTLRNR (In Russian)

Cotta M., Verzichelli L. Ministers in Italy: Notables, Party Men, Technocrats and Media Men. In: *Who Governs Southern Europe? Regime Change and Ministerial Recruitment, 1850–2000*. Ed. by Tavares de Almeida P., Pinto A.C., Bermeo N. London, Frank Cass Publishers, 2003, pp. 109–142.

Daugavet A.B. Predstavitel'naja vlast' Sankt-Peterburga kak neformal'nyj institut (2000–2011) [Representative power of St. Petersburg as an informal institution (2000–2011)]. In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija* [Power structures and domination groups]. Ed. by A.V. Duka. St Petersburg: Intersocis, 2012, pp. 344–369. EDN: UMSTPF (In Russian)

Edinger L., Searing D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry. *American Political Science Review*, 1967, 61 (2), pp. 428–445. <https://doi.org/10.2307/1953255>.

Faccio M. Differences between Politically Connected and Nonconnected Firms: A Cross-Country Analysis. *Financial Management*, 2010, 39 (3), pp. 905–928. <https://doi.org/10.1111/j.1755-053X.2010.01099.x>.

Fischer J., Kaiser A. Hiring and Firing Ministers under Informal Constraints. Germany. In: *The Selection of Ministers in Europe: Hiring and Firing*. Ed. by Dowding K., Dumont P. London; New York: Routledge, 2009, pp. 21–40.

Fortescue S. Russia's Civil Service: Professional or Patrimonial? Executive-level Officials in Five Federal Ministries. *Post-Soviet Affairs*, 2020, 36 (4), pp. 365–388. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2020.1757314>.

Gel'man V.Ja. Regional'naja vlast' v sovremennoj Rossii: instituty, rezhimy i praktiki [Regional power in modern Russia: institutions, regimes and practices]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political studies], 1998, 1, pp. 87–105. EDN: ESCPAN (In Russian)

Giddens A. Elites in the British class structure. In: *Elites and Power in British Society*. Ed. by Stanworth P., Giddens A. London: Cambridge University Press, 1974, pp. 1–21.

Gimpel'son V.E., Magun V.S. Na sluzhbe gosudarstva rossijskogo: perspektivy i ogranichenija kar'ery molodyh chinovnikov [In the service of the Russian state: prospects and limitations of the career of young officials]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions], 2004, 5 (73), pp. 19–36. EDN: HTLRNR (In Russian)

Golosov G.V. Legislative Turnover and Executive Control in Russia's Regions (2003–2014). *Europe-Asia Studies*, 2017, 69 (4), pp. 553–570. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1337871>.

Grigoriev I., Zhirkov K. Do political connections make businesspeople richer? Evidence from Russia, 2003–2010. *Research and Politics*, 2020, 7 (4), pp. 1–6. <https://doi.org/10.1177/2053168020979434>.

Hoffmann-Lange U. Theory-Based Typologies of Political Elites. In: *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by Best H., Higley J. London: Palgrave Macmillan, 2018, pp. 53–68.

Huntington S. *Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah* [Political order in changing societies]. Moscow: Progress-Tradicija, 2004. 480 p. EDN: QODDDF (In Russian)

Kerbo H.R., Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research. *Sociological Quarterly*, 1979, 20 (1), pp. 5–22. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1979.tb02181.x>.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations. *Comparative Politics*, 1988, 20 (4), pp. 379–399. <https://doi.org/10.2307/421935>.

Kuz'min A.S., Melvin N.Dzh., Nechaev V.D. Regional'nye politicheskie rezhimy v postsovetsoj Rossii: opyt tipologizacii [Regional political regimes in post-Soviet Russia: experience of typology]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political studies], 2002, 3, pp. 142–155. EDN: ESCVJD (In Russian)

Matthews D.R. United States Senators and the Class Structure. *Public Opinion Quarterly*, 1954, 18 (1), pp. 5–22. <https://doi.org/10.1086/266482>.

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions. In: *The State: Critical Concepts*. Vol. 1. Ed by Hall J.A. London, New York: Routledge, 1993, pp. 104–129.

Putnam R.D. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1976. 242 p.

Regional'nye jelity Severo-Zapada Rossii: politicheskie i jekonomicheskie orientacii [Regional Elites of Russia's North-West: Political and Economic Orientations]. Ed. by A.V. Duka. St Petersburg: Aletejja, 2001. 352 p. EDN: OXPZVW (In Russian)

Safonov V.V. Konsolidacija avtoritarizma ili demokratizacija: podderzhka putinskogo rezhima jelitoj S.-Peterburga [Consolidation of authoritarianism or democratization: support for the Putin regime by the elite of St. Petersburg].

In: *Usloviya i vozmozhnosti konsolidacii rossijskogo obshhestva: Sbornik nauchnyh trudov SI RAN* [Conditions and opportunities for the consolidation of Russian society: Collection of Scientific Papers of the SI RAS]. Ed. by A.V. Duka, I.I. Eliseeva. St Petersburg: Nestor-Istorija, 2010. pp. 30–110. EDN: YSDUJY (In Russian)

Shirikov A. *Anatomija bezdejstvija: Politicheskie instituty i konflikty v bjudzhetnom processe regionov Rossii* [Anatomy of inaction: Political institutions and conflicts in the budget process of Russian regions]. St Petersburg.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010. 276 p. (Trudy fakul'teta politicheskikh nauk i sociologii). (In Russian)

Szakonyi D. *Politics for Profit: Business, Elections, and Policymaking in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 342 p.

Tev D.B. Vysokopostavlennye regional'nye administratory: osobennosti kar'ery posle uhoda s dolzhnosti [Professional Careers of Senior Regional Officials after Leaving Office]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2015, 18 (4), pp. 37–52. EDN: VKQMHN (In Russian)

Turovskij R.F. Regional'nye politicheskie rezhimy: k metodologii analiza // Polis. Politicheskie issledovanija [Regional Political Regimes: Toward a Methodology of Analysis]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political studies], 2009, 2, pp. 77–95. EDN: KYGVDZ (In Russian)

Turovskij R.F. Institucional'nyj dizajn rossijskoj regional'noj vlasti: kazhushhajasja prostota? [Institutional design of Russian regional authorities: apparent simplicity?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2011, 5, pp. 82–92. EDN: OGDXDZ (In Russian)

Wirsching E. *The revolving door for political elites: policymakers' professional background and financial regulation. Working Paper no. 222*, 2018. URL: <https://www.ebrd.com/publications/working-papers/revolving-door> (accessed: 07.08.2021).

ЭЛИТЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ВКЛАД УКРАИНСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ВОЙНУ ПРОТИВ РОССИИ¹

В.А. Ачкасов

val-achkasov@yandex.ru

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ачкасов В.А. Вклад украинских интеллектуалов в информационную войну против России // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 172–184

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.7>

Аннотация. *Анализируется дискурс украинской, по преимуществу гуманитарной интеллигенции начала XXI в. Автор использует цитаты из публикаций украинских авторов только первого десятилетия нового столетия, чтобы продемонстрировать: интеллектуальная деятельность по производству и воспроизводству этноцентрических стереотипов и созданию особой этноцентричной черно-белой картины мира и формированию образа врага осуществляется на Украине систематически уже не менее тридцати лет. Такая деятельность может быть описана как идеологическое производство конфликтов, поскольку она легитимировала тотальное отчуждение от России и провоцировала межэтническую вражду внутри Украины. Без внешнего предписания (осуществляемого украинскими политиками и интеллектуалами) достичь этих целей было бы невозможно.*

Ключевые слова: *интеллектуалы, Украина, националистический дискурс, конфликты, политика идентичности, образ врага.*

Одна из важнейших целей информационной войны — изменение массового сознания в нужном для правящих элит направлении посредством исторической политики и политики идентичности. В реализации этой цели интеллектуалы играют ключевую роль, потому что, во-первых, «интеллектуалы и интеллигенция — это единственный слой общества,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00360

сохраняющий неизменный интерес к самой идее нации и способный привлечь другие классы к идее национальной солидарности в борьбе за независимость» [Смит 2004: 115]; во-вторых, они обладают доступом к наиболее влиятельным формам публичного дискурса (и зачастую контролем над ними), в частности к дискурсам массмедиа, политики, науки, образования и государственной бюрократии. А это значит, что они обладают доступом к сознанию масс.

«Будучи идеологическими лидерами общества, они, как отдельные представители, так и значимые фигуры доминирующих институтов общества, устанавливают общие ценности, цели и приоритеты; они формулируют практические принципы и консенсус», — отмечает Тён ван Дейк [Дейк 2013: 134]. Участие интеллектуалов — «хозяев дискурса» — в производстве политики идентичности и «исторической политики», как правило, носит опосредованный характер. Воздействуя на массовое сознание через СМИ и на дискурс политической элиты через институты политического консультирования, они способны как уменьшить, так и резко увеличить конфликтный потенциал в межэтнических и межгосударственных отношениях. При этом общая повествовательная конструкция, представляющая как прошлое, так, впрочем, и настоящее каждого социума, всегда служит интересам политической элиты и призвана способствовать реализации ее политических задач. Поэтому, в частности, столкновения по поводу исторических нарративов очень часто происходят не для выяснения исторических истин, всестороннего и объективного описания событий прошлого, а являются борьбой за политическое господство посредством символического господства того или иного толкования «национальной истории».

В свою очередь, идентификация нации с народом, понимаемым как издревле существующий, закрытый, неделимый коллективный этнокультурный организм с собственным укладом, ценностями и языком, имеющий уникальную героическую или трагическую историю, служит оправданием для отвержения «чуждых» примеров и культурных образцов. Предвзятое противопоставление образа своей нации/народа референтным общностям находит выражение в формировании образа внешнего и внутреннего врага, которыми практически для всех постсоветских наций служат Россия и русские. Социально-психологической движущей силой такой трансформации является ресентимент — глубинная экзистенциальная зависть и чувство национальной неполноцен-

ности, которые интеллектуальная элита этих новых наций испытывает к референтному обществу — России. На Украине этот психологический комплекс находит выражение в навязчивой одержимости установления различий там, где на самом деле общего на порядок больше, чем различий (так, утверждается, что «Россия не имеет никаких исторических точек соприкосновения с Украиной»), в декларировании генетического превосходства украинцев над русскими. Так, известный украинский писатель Юрий Андрухович заявляет: «Нас отличает категорическое нежелание жить в рабстве. Украинцы лучше пойдут в партизаны, чем будут мириться с произволом самодержца. Россиянам же, наоборот, нужен тиран, который бы держал их в узде и не давал шалить. Мне кажется, что мы с разных планет» и т.д. (см.: [Андрухович 2015]).

Националисты-диссиденты еще в советский период выработали своеобразное дуалистическое миропонимание, в соответствии с которым империя и все с ней связанное представляют собой исключительно силы зла и угнетения, а сами националистические движения — силы добра и свободы. Этот дуализм стал затем характерной особенностью политического дискурса элит практически всех постсоветских государств. «Было бы удивительно, — считает В.С. Малахов, — если бы новые суверены не воспользовались возможностью вписаться (в дискурс “постколониализма”) и представить свое нахождение внутри Российской империи и Советского Союза как пребывание в “тюрьме народов”» [Малахов 2014: 26]. Поэтому история Украины и почти всех посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы в современном нарративе выглядит как своеобразное перманентное «бегство от России».

После обретения независимости на Украине опубликовано немало исследований по истории Украины и украинского языка, в которых украинцы предстают как уникальная культурная и антропологическая общность, не имеющая практически ничего общего с русскими, с незапамятных времен борющаяся за национальную независимость. В результате все усилия по формированию национального самосознания на Украине строятся на принципах языковой, культурной и этнической эксклюзивности и превосходства «титulyного народа», уникальности его исторических свершений и особенно страданий (Голодомор 1930-х как геноцид украинского народа и др.)¹, а также на поиске причин всех

¹ Алейда Ассман отмечает, что после осуждения Холокоста, «тема страданий <...> приобрела, с инверсией героического в травматическое, позитивную

сегодняшних трудностей в прошлом и вне украинской этнонации. Как отмечают российские исследователи, целью разработанного украинскими интеллектуалами «постколониального проекта» была, во-первых, ликвидация на Украине «российского имперского дискурса» и, во-вторых, «освобождение от советчины», т.е. оказание средствами культуры помощи украинцам в осознании того, что вина и ответственность за советский тоталитаризм лежит не на них, поскольку украинская нация никогда не воспроизводила в себе черты патологического антропологического типа *homo soveticus*, характерного для российских имперских колонизаторов [Жеребкина, Жеребкин 2019: 137, 139]. При этом националистический дискурс опирается на приписывание России априорных мотивов злого умысла, враждебности, разрушения, растления, «геноцида» и т.д., придавая значение доказательных фактов вырванным из контекста событиям и явлениям. Поэтому постоянно утверждается, что именно русские «всегда разрывали украинскую землю, уничтожали культурные ценности, литературу, переписывали украинскую историю, уничижали все то, что так дорого каждому украинцу» [Вивчарик 2004: 222].

В то же время украинская нация рассматривается в элитном дискурсе как культурно однородное, целостное социальное образование, в котором некий коллективный интерес по определению должен доминировать над индивидуальными интересами. Личности или группы, которые не «растворяются» в нации и пытаются свободно выбирать альтернативные политические и культурные ценности, оцениваются как девиантные. Стремясь выдать свою точку зрения за доминирующую в общественном мнении, либеральные украинские интеллектуалы маргинализировали и принижали несогласных с ними соотечественников во имя достижения исторического «прогресса» — европеизации Украины. Осуществляя структурирование политической логики в терминах бинарной оппозиции «мы — они» они уничтожали общее для граждан страны символическое пространство и тем самым создавали предпосылки для массовой националистической мобилизации. При этом, как резонно замечает Н. Карпентьер, «дихотомия, определяющая врага и себя, не является нейтральной, а создает иерархию,

культурную ценность и высокий социальный статус, на который усиленно претендуют как индивидуумы, так и коллективы», и пишет в связи с этим о «виктимологической политике идентичности» [Ассман 2014: 83, 80].

в которой врага всегда позиционируют ниже себя, а себя выше врага» [Carpentier 2017: 172].

Уже первое правительство независимой Украины под руководством Л. Кравчука в условиях глубокого экономического кризиса пыталось контролировать социально-политическую ситуацию посредством создания новой системы ценностей с опорой на украинский этнический национализм как конструктивную силу, дополненную тропом «российской угрозы» вновь обретенной украинской независимости [Wilson 1997: 111]. Правда, справедливости ради следует заметить, что первый (Л. Кравчук), и второй (Л. Кучма) президенты Украины проводили политику постепенной, достаточно осторожной украинизации не только государственного аппарата, но и системы образования и медийного пространства. Однако после «оранжевой революции» 2004 г. и особенно Евромайдана 2013–2014 гг. эта политика стала проводиться чрезвычайно активно, с использованием всей мощи государства. Некоторые отступления от этой политики иногда происходили под давлением международных организаций или России, однако чаще такое давление приводило к прямо противоположным результатам.

Украинские политики и интеллектуалы, считая национальный язык «душой украинского народа», категорически отказывались наделять подобным сакральным статусом другие языки, особенно русский. Для них он не родной язык русских — граждан их страны, а исключительно политическое средство русификации Украины, вторжения в «украинское информационное пространство», привнесения в украинскую национальную культуру «низкопробной русской эрзац-культуры» и т.д. Как писал в начале нового века академик Академии высшей школы Украины В. Лызанчук, «московские ассимиляторы хорошо усвоили постулат: “Чей язык, того и власть, и того суд”. Для реализации своих целей они прибегают к морально-психологическому шантажу, новому идеологическому террору, разжиганию национальной вражды, чтобы взять политический реванш, закрепить российское этнокультурное господство в Украине и сохранить прежние привилегии» [В Завжди пам'ятай 2001: 669]. Только в этом контексте стали возможны публичные оценки русского языка как «языка попсы и блатняка», «собачьего языка» в противовес украинской «нежной соловьиной мове», а деятелей искусства, разговаривающих на нем, как «лакеев России». Характерно, что эти оценки давали один из ведущих писателей Украины Юрий Андрухович и министр культуры и туризма Украины (2007–2010) Василий Вовкун.

Очевидно, что «украинский язык становится важным маркером национальной идентичности именно из-за своей близости к русскому, из-за распространенности русского в Украине — он играет роль символической границы, призванной отграничить украинское «Я» от российского «Другого»»¹, — отмечает украинский исследователь Светлана Щербак. Трагедия, однако, состоит в том, что, используя в качестве «Другого» Россию, украинские модели национальной идентичности исключают также русский язык и русскую культуру. Таким образом, почти половина населения страны оказывается «Другим» — не просто иным, а именно «Другим» как полюсом символической (тотальной. — В.А.) оппозиции. Эссенциализирующие истории об «украинской Украине» предполагают исключение из состава нации всех русскоязычных, поскольку они не подпадают под (принятые примордиалистские. — В.А.) критерии этнической идентичности» [Щербак 2013: 235]. Отмечено это до начала вооруженного противостояния на Юго-Востоке Украины, когда русскоязычные граждане Украины в дискурсе майданных революций превратились в «ватников», «колорадов», «коммуно-олигархическую банду», а затем в предателей и смертельных врагов «щирых украинцев» — агентов влияния и орудие враждебного иностранного государства. Таким образом, можно утверждать, что условия и идейное обоснование, необходимые для начала «антитеррористической операции» против населения Юго-Востока Украины, были созданы задолго до того, как эта операция началась.

Для интеллектуалов Украины характерно навязчивое утверждение своей страны как европейской, но «попавшей в колониальную зависимость от московской метрополии. Соответственно миссия национал-демократических сил виделась как освобождение Украины от колониального пленения и возвращения ее в лоно европейской цивилизации»

¹ «[С] точки зрения этимологии, синтаксиса и произношения, разница между хорватским и сербским языками или между русским и украинским пренебрежимо мала по сравнению с разницей между финским и шведским или венгерским и румынским. Тем не менее от этого хорватский или украинский языки не перестают быть маркерами национальной идентичности. (Однако, кажется, что создатели наций чувствуют определенную неуверенность из-за этой близости: продолжающиеся попытки стандартизации письменного хорватского и украинского языков в общем предполагают предпочтение тех вариантов словаря и синтаксиса, которые воспринимаются как более удаленные от сербского и соответственно русского языка.)» [Нойманн 2004: 32].

[Финько 2013: 338]. Так, Тарас Кузио прямо называет Украину «постсоветским колониальным пространством», на котором стремление к национальному самоопределению неизбежно противоречит всем попыткам России вернуть себе ключевую роль в регионе [Kuzio 2002]. И поскольку отношения с Россией описываются интеллектуалами и политиками как колониальные, постольку постколониальное Украинское государства обречено на постоянную борьбу с ней. Ведь именно «тоталитарная Россия» препятствует свободному самоопределению и вхождению Украины в «объединенную демократическую Европу». Причем «вхождение в свободную Европу» становится своеобразным мифополитическим обрядом перехода, благодаря которому «его субъект утрачивает прежнюю, негативную (имперско-советскую), идентичность и приобретает новую, позитивную (национальную), превращаясь, как воображается, в равноправного и давно ожидаемого жильца “европейского дома”. В этой условной схеме “Европа” и “Запад” являются не географическими, а идеологическими топосами с ясно читаемым ценностным содержанием» [Березняков 2015: 183].

В то же время именно на полном неприятии российской альтернативы сблизилась позиции украинских либералов и радикальных националистов. «Именно это парадоксальное единство сделало Евромайдан глубоко противоречивым, оттолкнуло от себя многих русскоговорящих граждан Украины и в конечном счете предопределило превращение мирного протеста в вооруженный мятеж» [Байша 2021: 33].

В результате логика современных украинских либеральных интеллектуалов совпала с логикой украинских радикальных националистов 1920–1930-х годов, проект «националистической революции» которых также был ориентирован на Европу (правда, это была нацистская Германия, а не либеральный Евросоюз, как сегодня) и определял в качестве основного врага русских и Светский Союз. Да и цитировать теперь они предпочитают не умеренного украинского националиста XIX в. Михайло Драгоманова или реконструктора украинской национальной истории Михайло Грушевского, а радикальных этнонационалистов начала XX в. Дмитро Донцова, который призывал «укреплять волю нации: к жизни, к власти, к экспансии!», Степана Бандеру или Миколу Михневского, который, в частности, писал еще в начале XX в.: «Украинская нация должна сбросить господство чужаков, потому что оно отвратительно для самой души нации. Должна добыть себе свободу, даже если зашатается вся Россия! Должна добыть себе освобождение от рабства

национального и политического, даже если прольются реки крови!» (цит. по: [Жеребкина, Жеребкин 2019: 42]).

Именно подобного рода идеи в течение более 30 лет внушались украинским школьникам. Российские исследователи Л. Моисеенкова и П. Марциновский проанализировали около 20 учебников по истории Украины, издававшиеся в 1995–2002 гг. По их мнению, «взаимоотношения Украины и России в них представлены как перманентное противостояние <...> Украинцы на протяжении всей своей истории — борцы за независимость. Главная цель, которую ставят перед собой авторы учебников, — это преодоление в сознании учащихся представления об истории Украины как части российской истории» (цит. по: [Медведев 2006]) и утверждение представления о том, что «Украина — це Европа!»

При этом фактическая экономическая и институциональная близость к России, фактическая общность жизненного мира (культуры, быта, ценностных ориентаций) вступают в противоречие с ориентацией интеллектуальной и политической элиты страны исключительно на «европейские ценности». Отсюда уже отмеченное навязчивое стремление провести границу между украинским «Я» и российским «Другим», регулярно звучащие заявления украинских интеллектуалов: «Мы — великая европейская нация, а чтобы все другие европейцы приняли нас в таком статусе, нам следует все радикально реформировать в соответствии с мудрыми советами МВФ, ЕБРР и Совета Европы, а кто с этим не согласен, тот мизерный азиат, или еще хуже — совок» [Гриценко 1998]. Как отмечают российские исследователи, понятия «свобода» и «Украина как европейская нация» сыграли ведущую роль в политической мобилизации масс и формировании политической субъектности двух майданных революций на Украине начала XXI в. [Жеребкина, Жеребкин 2019: 102].

Однако затем пришло и разочарование. Как с горечью констатировала известный украинский поэт Оксана Забужко, «была революция. Был народ. Были жертвы. Были герои. А остались — только политики с бесстыдно, по-экзгибиционистски вываленными перед нами нечистотами и грязью своей политической кухни. <...> Нация с “отбитой” исторической памятью (нужно отдать должное — ее нам очень долго отбивали!) в который уж раз спускает в канализационную трубу свою историю» [Забужко 2007: 340]. Украину, ощутившую себя на Майдане «европейской нацией», так и не пригласили в Евросоюз и даже не приняли в НАТО.

Однако как в трагических условиях «утра после революции» противостоят «практикам прямого колониального насилия со стороны России и российской агрессии»? По мнению Оксаны Забужко, необходимо: 1) законодательными мерами заставить массы читать классическую украинскую литературу и особенно современных украинских постколониальных авторов; 2) призвать украинских интеллектуалов разоблачать на всех уровнях и любыми доступными средствами суть колониальной политики России; 3) заменить «совковых» политических лидеров Украины на подлинно аристократических. И тогда, возможно, будет преодолен «глубинный <...> хронический “национальный невроз”», и Украина сможет наконец действительно стать государством европейского уровня [Забужко 2007: 342]. Следует отметить, что все это написано еще в 2007 г.

Таким образом, националистический дискурс, много лет продуцируемый либеральными интеллектуальными элитами Украины, ведет к производству и воспроизведению этноцентрических стереотипов и созданию особой этноцентричной черно-белой картины мира. Происходит это в результате маргинализации и шельмования оппонентов, изменения «угла зрения» на те или иные исторические события, затемнения или, наоборот, акцентирования отдельных фактов, внесения изменений в уже существующую языковую картину мира, а также навязывания новых ее вариаций, отвечающих вполне определенным политическим, идеологическим и иным целям. Такая деятельность уже названа «идеологическим производством конфликтов» (В. Малахов). Она вольно или невольно легитимировала тотальное отчуждение от России и межэтническую вражду, поскольку без внешнего предписания (осуществляемого политиками и интеллектуалами) достичь этой цели было бы невозможно.

В результате вместо позитивной программы формирования национальной идентичности, вместо поиска компромисса в интерпретации сложных и трагических эпизодов совместной истории, признания общей ответственности за них или их совместного «забывания» интеллектуальные элиты Украины, наоборот, делали все для их актуализации и политизации, формируя и концептуализируя негативные мифологемы массового сознания, придавая видимость научной обоснованности несбыточным надеждам, примитивным ксенофобиям и идиосинкрзиям. Ну а возрожденный и дегуманизированный образ России как «заклятого врага» активно использовался и используется как важный ресурс

внешней и внутренней политики и средство политической консолидации эксклюзивной украинской этнонации.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Байша О. Дискурсивный разлом социального поля: уроки Евромайдана. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 184 с.

Березняков Д.В., Козлов С.В. Символическая политика постсоветской Украины: между «советским прошлым» и «европейским будущим»? // Символическая политика. Вып. 3: Политические функции мифов / редкол.: Малинова О.Ю. и др. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 171–191.

Дейк ван Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.

Жеребкина И., Жеребкин С. Киборг-национализм, или Украинский национализм в эпоху постнационализма. СПб.: Алетейя, 2019. 270 с.

Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 228 с.

Медведев Р.А. История как средство самоидентификации // Россия в глобальной политике. 2006. № 4. С. 148–158. EDN: UHVOBV.

Нойманн А. Использование «другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.

Финько А. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского, А.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013. С. 282–381.

Щербак С. Национализм и проблема социальной интеграции в Украине // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского, А.К. Толпыго. М.: Весь Мир, 2013. С. 219–236.

В Завжди пам'ятай: Ти — Українець! (Друге доповнене видання). Львів: За вільну Україну, 2001. 252 с.

Вивчарик М. Н. Україна: від етносу до нації. Київ: Вища шк. 2004. 239 с.

Забужко О. Notre Dame D'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій. Київ: Факт, 2007. 640 с.

Carpentier N. The Discursive-Misterial Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Partipation. New York: Peter Lang 2017. 472 p.

Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the in the Post-S in the Soviet Colonial Space // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30, no. 2. P. 241–264

Wilson F. *Ukrainian Nationalism in the 1990-s: a Minority Faith*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Xviii+300 p.

Источники

Андрухович Ю. Интервью Бульвару Гордона. 08.09.2015. URL: <https://gordonua.com/news.html> (дата обращения: 10.09.2015).

Гриценко О. Світ, Європа і ми // І. 1998. № 13. URL: <http://www.ji.iviv.ua/n13-new-eur.htm> (дата обращения: 11.12.2000).

CONTRIBUTION OF UKRAINIAN INTELLECTUALS TO THE INFORMATION WAR AGAINST RUSSIA

V. Achkasov

val-achkasov@yandex.ru

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia.

Citation: Achkasov V. Vklad ukrainskikh intellektualov v informatsionnyuy voynu protiv Rossii [Contribution of Ukrainian intellectuals to the information war against Russia]. *Vlast' I elity* [Power and Elites], 2022, 9 (:): 172–184. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.7>

Abstract. *The article analyzes the discourse of Ukrainian primarily humanitarian intelligentsia at the beginning of the 21st century. Therefore, the author uses quotations from publications of Ukrainian authors only in the first decade of the new century to demonstrate that intellectual activity in the production and reproduction of ethnocentric stereotypes and the creation of a special “ethnocentric” “black and white” picture of the world and the formation of the image of the enemy has been systematically carried out in Ukraine for at least thirty years. Such activity can be described as “ideological production of conflicts”, since it legitimized total alienation from Russia and provoked inter-ethnic hostility within Ukraine. Without an external prescription (implemented by Ukrainian politicians and intellectuals), it would have been impossible to achieve these goals.*

Keywords: *intellectuals, Ukraine, nationalist discourse, conflicts, identity politics, enemy image.*

References

Assman A. *Dlinnaya ten” proshlogo: Memorial”naya kul”tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: New Literary Review, 2014. 328 p. (In Russian)

Baisha O. *Diskursivnyy razlom sotsial'nogo polya: Uroki Yevromaydana* [Discursive Fracture of the Social Field: Lessons from Euromaidan]. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2021. 184 p. (In Russian)

Bereznyakov D.V., Kozlov S.V. Simvolicheskaya politika postsovetskoj Ukrainy: mezhdru «sovetskim proshlym» i «yevropeyskim budushchim»? [Symbolic politics of post-Soviet Ukraine: between the “Soviet past” and the “European future”?]. *Simvolicheskaya politika. Vyp. 3: Politicheskiye funktsii mifov* [Symbolic policy. Issue 3: Political functions of myths]. Ed. by O.Yu. Malinova et al. Moscow: INION RAN, 2015. P. 171–191. (In Russian)

Carpentier N. *The Discursive-Mistrial Knot: Cyprus in Conflict and Community Media Partipation*. New York: Peter Lang 2017, 472 p.

Dijk van T. *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2013. 344 p. (In Russian)

Finko A. Mul'tikul'turalizm i yego opponenty: pravyye sily v politicheskoy sisteme Ukrainy [Multiculturalism and its opponents: right-wing forces in the political system of Ukraine]. In: *Krizis mul'tikul'turalizma i problemy natsional'noy politiki* [Crisis of multiculturalism and problems of national policy]. Ed. by M.B. Pogrebinsky and A.K. Tolpygo. Moscow: Ves' Mir Publ., 2013. P. 282–381. (In Russian)

Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the in the Post-S in the Soviet Colonial Space, *Nationalities Papers*, 2002, 30 (2), pp. 241–264.

Malakhov V.S. *Kul'turnyye razlichiya i politicheskiye granitsy v epokhu global'nykh migratsiy* [Cultural differences and political boundaries in the era of global migrations]. Moscow: New Literary Review, 2014. 228 p. (In Russian)

Medvedev R.A. Istoriya kak sredstvo samoidentifikatsii [History as a Means of Self-Identification], *Russia in Global Affairs*, 2006, 4, pp. 148–158. EDN: UHVOBV. (In Russian)

Neumann A. *Ispol'zovaniye «drugogo»*. *Obrazy Vostoka v formirovaniy yevropeyskoy identichnosti* [The use of the “other”. Images of the East in the formation of European identity]. Moscow: New publishing house, 2004. 336 p. (In Russian)

Shcherbak S. Natsionalizm i problema sotsial'noy integratsii v Ukraine [Nationalism and the problem of social integration in Ukraine]. In: *Krizis mul'tikul'turalizma i problemy natsional'noy politiki* [Crisis of multiculturalism and problems of national policy]. Ed. by M.B. Pogrebinsky and A.K. Tolpygo. Moscow: Ves' Mir Publ., 2013. P. 219–236. (In Russian)

Smith E. *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teoryi natsiy i natsionalizma* [Nationalism and modernism. A critical review of modern theories of nations and nationalism]. Moscow: Praxis, 2004. 464 p. (In Russian)

V Zavzhdy pam'yatay: Ty — Ukrainets'! (*Druhe dopovnene vydannya*) [Always remember: You are Ukrainian! (Second amended edition)]. L'viv: Za vil'nu Ukraïnu [Lviv: For a free Ukraine], 2001. 252 p. (In Ukrainian)

Vyycharyk M. N. *Ukrayina: vid etnosu do natsiyi* [Ukraine: from ethnos to nation]. Kyiv: Vyshcha shk [Kyiv: Higher school], 2004. 239 p. (In Ukrainian)

Wilson F. *Ukrainian Nationalism in the 1990-s: a Minority Faith*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. xviii+300 p.

Zabuzhko O. *Notre Dame D'Ukraine: Ukrainka v konflikti mifolohiy* [Notre Dame D'Ukraine: Ukrainian woman in the conflict of mythologies]. Kyiv: Fakt, 2007. 640 p. (In Ukrainian)

Zherebkina I., Zherebkin S. *Kiborg-natsionalizm ili ukrainskiy natsionalizm v epokhu postnatsionalizma* [Cyborg-nationalism or Ukrainian nationalism in the era of post-nationalism]. St. Petersburg: Aletyya Publ., 2019. 270 p. (In Russian)

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛИТАРНЫХ АСПЕКТАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ¹

В.А. Гуторов

gut-50@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Москва, Россия

Цитирование: Гуторов В.А. К вопросу об элитарных аспектах образовательной политики // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 2. С. 185–206

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.8>

***Аннотация.** В современном мире образование является тем структурирующим механизмом, с помощью которого как рядовые граждане, так и влиятельные общественные группы стремятся обеспечить и улучшить свое социальное и экономическое положение. Выбор форм школьного и университетского образования, как правило, характеризует ориентации*

¹ Статья подготовлена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук» (проект «Современные концепции общественного согласия: актуальные проблемы политической теории и практики», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600085-5-5.6.1) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

The article was prepared at the Federal State Budgetary Institution of Science, the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (project “Modern Concepts of Public Consent: Actual Problems of Political Theory and Practice”, registration number in EGISU NIOKTR 1022061600085–5–5.6.1) with the support of the Ministry of Science and higher education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

социальных групп в отношении конкретных академических свидетельств, которые, как считается, имеют вес в различных социальных пространствах и секторах занятости. Во многих местных, национальных и даже международных контекстах определенные типы образовательных институтов понимаются как существенный сегмент сети институциональных каналов, которые более или менее гарантируют продвижение к будущим доминирующим экономическим и социальным позициям. Кроме того, для многих представителей более обеспеченных социальных групп образование является важнейшей «стратегией отличия». В рамках такого подхода изучение элит в современной критической литературе нередко ограничивается так называемой «репродуктивной точкой зрения», сторонники которой усиленно акцентируют внимание на «разоблачении» высшего образования как «распределительного центра неравенства». При этом вполне позитивные процессы структурирования и упорядочивания, присущие образованию «по природе», отодвигаются на второй план. Образование рассматривается как процесс, направленный на легитимацию властных структур, сохранение устойчивого равновесия между политическими институтами, конкретными секторами обучения и социальной стратификацией. С этой точки зрения ведущие университеты «консервируют» социальное неравенство, в подавляющем большинстве случаев обучая элитные социальные группы с высоким уровнем дохода. В статье предпринимается попытка ответить на актуальный вопрос: какую роль играют современные теоретические дискуссии о роли элит, прежде всего политических, в интерпретации обозначенных выше процессов и трансформаций. В методологическом плане ответ на данный вопрос во многом зависит от специфики современных интерпретаций понятия «элита». Один из наиболее принципиальных выводов автора состоит в том, что анализ процессов эволюции образовательных стратегий, их адаптации к изменениям в социальной структуре, политике и новой институциональной среде, а также изучение влияния этих стратегий на системы образования на национальном и глобальном уровнях по-прежнему остается одной из главных задач социальных наук, решение которых возможно только на междисциплинарном уровне. Многочисленные проблемы, связанные с интерпретацией новой глобальной динамики, следствием которой, безусловно, является зарождение международных структур, формирующих идентичность, статус, траектории и методы элитного образования, еще долго будут привлекать внимание ученых.

Ключевые слова: образование, элита, государство, средняя школа, университет, образовательные стратегии, меритократия, неолиберализм, классовая дифференциация, глобальная динамика.

В современном мире образование является тем структурирующим механизмом, с помощью которого рядовые граждане и влиятельные общественные группы стремятся обеспечить и улучшить свое социальное и экономическое положение. Как отмечают, например, С. Эджертон и П. Фарбер, «высшее образование представляет собой перекресток нашего социального и политического ландшафта, на котором регулируются... перспективы и вызовы нашей противоречивой, культурно разнообразной и принципиально неполной демократии» [Edgerton, Farber 2005: 2]. В работе «Изобретение современного Я и Джон Дьюи» американский политолог и теоретик образования Томас Попкевич следующим образом характеризует основные инверсии и трансформации образовательной политики и новых принципов «политической педагогики»: «Эпистемологическая основа действий правительства состоит в том, что можно упорядочивать и контролировать будущее в настоящем, обучая и подготавливая отдельных граждан к тому, чтобы они становились предрасположенными к новым видам ответственности в постоянно меняющемся, плюралистическом и фрагментированном мире. Чтобы сделать этот способ управления возможным, решающее значение приобретает обучение, продолжающееся на протяжении всей жизни. Гражданин, обогащаемый всевозможными нарративами относительно будущего, должен быть человеком образующим и обучающим... Обучение не ограничивается атмосферой классной комнаты, конкретным местом или временем. Образование и профессиональная подготовка должны распространяться на все слои общества и должны быть непрерывным и непрекращающимся занятием. Система образования не может выполнить эту задачу в одиночку. Гражданин, будучи его субъектом, должен быть готов учиться на протяжении всей своей жизни и заниматься обучением в более широком смысле. Образование снова становится проектом национальной мобилизации, но с совершенно другим значением, чем раньше. Образование — это не только вопрос школьного обучения, оно как бы пронизывает управление всеми видами общественной деятельности. Новые технологии, применяемые в сфере уголовного судопроизводства, имеют большее педагогическое значение, чем уголовное... Здесь заложен парадокс. С одной стороны, скорее кажется, что образовательная мысль распространяется и стремится доминировать в гораздо большем пространстве, чем в прошлом. С другой стороны, она в настоящее время стремится к тому, чтобы стать более узкой, чем прежде, делая педагогику ограниченной

и предназначенной лишь для того, чтобы сделать человека исключительно объектом обучения. При этом решается чисто индивидуальная задача, часто выражаемая риторикой обучения, длящегося всю жизнь, равно как и риторикой саморегулирования, наделения полномочиями и т.д. Все это указывает на более сложную ситуацию. Теперь уже не кажется надуманным утверждение о том, что общество превратилось в школу. Таким образом, понятие Дьюи “Школа как Общество” приобретает новый вид, а именно “Общество как Школа” [Popkewitz 2005: 55–56; см. также: Popkewitz 2013: 1–18].

Выбор форм школьного и университетского образования, как правило, характеризует ориентации социальных групп в отношении конкретных академических свидетельств, которые, как считается, имеют вес в различных социальных пространствах и секторах занятости. Во многих местных, национальных и даже международных контекстах определенные типы образовательных институтов понимаются как существенный сегмент сети институциональных каналов, которые более или менее гарантируют продвижение к будущим доминирующим экономическим и социальным позициям. Кроме того, для многих представителей более обеспеченных социальных групп образование является важнейшей «стратегией отличия». Речь идет либо о сохранении и расширении ресурсов, к которым семьи уже имеют доступ, либо о приобретении средств, с помощью которых можно аккумулировать определенные виды капитала, считающиеся жизненно важными для будущего прогресса (см. подробнее: [Universities and the Production of Elites 2018: 3 sq.; Stevens 2009: 1–4; Elite Education 2016]).

В рамках такого подхода изучение элит в современной критической литературе нередко ограничивается так называемой репродуктивной точкой зрения, сторонники которой усиленно акцентируют внимание на «разоблачении» высшего образования как «распределительного центра неравенства». При этом вполне позитивные процессы структурирования и упорядочивания, присущие образованию по природе, отодвигаются на второй план. Образование рассматривается как процесс, направленный на легитимацию властных структур, сохранение устойчивого равновесия между политическими институтами, конкретными секторами обучения и социальной стратификацией. С этой точки зрения ведущие университеты «консервируют» социальное неравенство, в подавляющем большинстве случаев обучая элитные социальные группы с высоким уровнем дохода.

В контексте другого теоретического подхода стратификация в высшем образовании понимается как функциональный ответ на общественную потребность в навыках и талантах. Наиболее известной в этом плане является теория человеческого капитала, которая предполагает, что образование — это индивидуальное вложение времени (и денег), направленное на повышение производительности как следствие компетентности. С этой точки зрения стратификация определяется объективными общественными потребностями.

Исследования в русле концепции «правительности» и критического дискурс-анализа отчетливо демонстрируют, насколько текущие дебаты о политике образования связаны с глобальным императивом, требующим подчинения индивидов и организаций «постоянному экономическому трибуналу рынка» (Мишель Фуко). Неолиберальное государство формирует и усиливает конкуренцию в сфере высшего образования, тесно связанную с «экономизацией» последнего, меняющей отношения между структурами власти, рынком и университетами (см. подробнее: [Brown 2019; Capital at the Brink 2014; Di Leo 2020; Neoliberalism and Education Systems in Conflict 2021; Panigrahi 2022]).

Какую роль играют современные теоретические дискуссии о роли элит, прежде всего политических, в интерпретации обозначенных выше процессов и трансформаций? В методологическом плане ответ на данный вопрос, по крайней мере в предшествующие несколько десятилетий, во многом зависел от характера определения понятия «правлящая элита». Например, учитывая проблематичность трактовки данного понятия, Р. Даль предпочитал формулировать его в чисто гипотетическом плане: «Гипотеза о существовании правящей элиты может быть строго проверена только в том случае, если: 1) гипотетическая правящая элита — это четко определенная группа; 2) существует достаточное количество случаев, связанных с ключевыми политическими решениями, в которых предпочтения гипотетической правящей элиты противоречат предпочтениям любой другой вероятной группы, которую можно было бы предположить; 3) в таких случаях обычно преобладают предпочтения элиты» [Dahl 1958: 466; см. также: Lukes 2021: 5 sq.].

Сравнительный анализ гипотезы Р. Даля с современными работами, посвященными политико-теоретическим проблемам образования, показывает, что предложенное американским политологом определение иногда используется для противопоставления «элиты» так называемому высшему классу. «Под “элитами”, — отмечают М. Бёрессон, Д. Броди,

Т. Дальберг и И. Лидегран в работе, посвященной политике образования в современной Швеции, — мы просто подразумеваем группы, занимающие доминирующие (формальные и неформальные) позиции в общем поле власти или в различных сферах, таких как экономическая, политическая, академическая или художественная. Индивид принадлежит к элите на основании его или ее индивидуального положения и заслуг. Для элитарных групп крайне важно воспроизвести и укрепить те специфические формы капитала, которыми они обладают (политический капитал внутри политической элиты и т.д.). Напротив, высший класс определяется по отношению к социальному пространству, т.е. к классовой структуре, и не нуждается в воспроизведении отдельных видов капитала (политического, художественного и т.д.), а просто сохраняет или укрепляет доминирующее положение в социальной сфере. В западных обществах наиболее важное разделение внутри высших классов имеет тенденцию отделять тех, кто более богат с точки зрения экономического капитала (финансовая и промышленная буржуазия), от тех, чье положение в большей степени зависит от культурного капитала и системы образования (ученые, художники, интеллектуалы и др.). Между этими двумя группами находятся группы профессионалов с более сбалансированным портфелем капиталов (высшие государственные служащие, инженеры, юристы и врачи)» [Börjesson et al. 2016: 94].

Невозможно также игнорировать и тот очевидный факт, что в настоящее время ситуация резко изменилась: характерный для прежних времен уравновешенный академический дискурс отступает на задний план, и интерпретации роли элит нередко становятся все более и более радикальными. Совершенно очевидно, что решающую роль в этом плане играет анализ «неолиберального момента» в современной политике и политической теории. Типичным примером в этом плане является работа американского политолога Венди Браун с характерным названием «На руинах неолиберализма: подъем антидемократической политики на Западе», в которой весьма рельефно характеризуются результаты деятельности неолиберальных правительств и политических партий в последние два десятилетия: «Застигнув сами себя врасплох, крайне правые силы пришли к власти в либеральных демократиях по всему миру. Каждые выборы приносят новый шок: неонацисты в немецком парламенте, неофашисты в итальянском парламенте, брексит, инициированный таблоидной ксенофобией, рост белого национализма в Скандинавии, авторитарные режимы, формирующиеся

в Турции и Восточной Европе, и, конечно же, тремпизм. Расистские, антиисламские и антисемитские ненавистничество и воинственность нарастают на улицах и в интернете, и вновь вступившие в коалицию ультраправые группы смело прорываются в светлое публичное пространство после многих лет, в течение которых они в основном скрывались в тени. Политиканы и политические победы придают смелости крайне правым движениям, которые, в свою очередь, приобретают изощренность в качестве политических дельцов и экспертов, фабрикующих обращения в социальных сетях. По мере того как количество новобранцев продолжает расти, центристы, базисные неолибералы и традиционные либералы и левые проявляют колебания. Возмущение, морализаторство, сатира и тщетные надежды на то, что внутренние фракции или скандалы в рядах правых приведут их к самоуничтожению, гораздо более распространены, чем серьезные стратегии борьбы с этими силами, опирающиеся на убедительные альтернативы. У нас даже есть проблемы с наименованиями: что это — авторитаризм, фашизм, популизм, нелиберальная демократия, недемократический либерализм, правая плутократия? Или что-то другое? Неспособность предсказать, понять или эффективно противодействовать этим событиям отчасти объясняется вызывающими слепоту утверждениями о бессмертии западных ценностей и институтов, особенно прогресса, Просвещения и либеральной демократии. Частично же непонимание вызвано неизвестной прежде агломерацией элементов в среде возвышающихся правых — любопытной комбинацией либертарианства, морализма, авторитаризма, национализма, ненависти к государству, христианского консерватизма и расизма. Эти новые силы сочетают в себе знакомые элементы неолиберализма (лицензирование капитала, ограничение труда, демонизация социального государства и политики, нападки на равенство, провозглашение свободы) с их кажущимися противоположностями (национализм, принуждение к традиционной морали, популистский антиэлитизм и требования государственных решений экономических и социальных проблем). Они сочетают нравственную праведность с почти праздничным аморальным и нецивилизованным поведением. Они поддерживают власть, демонстрируя при этом беспрецедентную публичную социальную расторможенность и агрессию. Они негодуют против релятивизма, но также против науки и разума, отвергают утверждения, основанные на доказательствах, рациональную аргументацию, достоверность и ответственность. Они

презирают политиков и политику, демонстрируя при этом свирепую волю к власти и политические амбиции. Где мы?» [Brown 2019: 1–2].

В свете подобного рода характеристик представляются далеко не случайными постоянные акцентировки современными учеными темы и самого понятия «предательство элит». В новейшей работе «Предательство элит: о политическом недовольстве», вызывающей отчетливые ассоциации с известной книгой Жюльена Бенда, имеющей аналогичное название [Benda 2003], австрийский историк Георг Шмид следующим образом формулирует причины, порождающие в наши дни необходимость использовать именно термин «предательство» для описания политического поведения элитарных групп на Западе: «Название настоящей книги отсылает к знаменитому произведению Жюльена Бенда *La Trahison des Clercs*. Однако это не парафраз. Намерение здесь состоит в том, чтобы проанализировать лишь несколько вариантов измены, которую Бенда имел в виду в межвоенные годы. На этот раз целью являются не только интеллектуалы: проклятие заходит гораздо дальше. Борьба за власть, безусловно, остается одной из отличительных черт борьбы за символическо-семиотическое господство. Оно не ограничивается кастой интеллектуалов; во всяком случае, сегодняшние интеллектуалы, как правило, гораздо менее националистичны и расистски настроены, чем образованные люди типа Барреса и Морраса. Нынешние истинные вдохновители совсем другого калибра, среди них мало интеллектуалов... *Предательство* может обострить то, что должно означать *анафему*. На чаше весов висят не только образованные люди (т.е. те, кто таковыми себя считает). Фактически речь идет о всей структуре общества. Термин “элита” имеет более широкое значение, чем термин “интеллектуал”. К тому же его значение является более туманным. Подобно тому как вы могли бы поставить вопрос, “кто кого предает и с какими мотивами”, вы также можете спросить: *элита* по отношению к какой другой части общества, или кто определяет, кто является элитой, а кто нет (или не совсем)? Может быть, это просто своего рода самоопределение, влекущее за собой самолюбование? *Денежные элиты* представляют наименьшие проблемы с точки зрения определения. Другие элиты чертовски трудно определить и описать. Тем не менее есть подходы, обещающие хотя бы приблизительное понимание. Можно анализировать властные структуры, можно также попытаться выяснить, как возник миф (во многом так и оно и есть) о такого рода меритократической деноми-

нации. Таким образом, возникает загадка относительно того, кто измеряет и кто является судьей в плане определений и их последующей легитимации. Или вы можете задать вопрос, почему принцип “услуга за услугу” больше не работает (если вообще когда-либо работал). В социальных отношениях нет реальной взаимности. Это вполне могло бы объяснить часть того дурного настроения, которое диагностируется практически везде... Запад, каким мы его знаем, похоже, подходит к концу (или по крайней мере меняет свой внешний вид до неузнаваемости). Мы наконец приходим к правдоподобному предположению: слишком долго мы вкладывали свои интеллектуальные силы и финансовые средства в сомнительные вещи, в то же время мы вернулись к классовым обществам, которые, как нам казалось, остались позади. Речь идет не об очередной декленистской химере... Становится загадочным, каким образом соответствующая власть наделяется полномочиями и отныне, возможно, так будет всегда. Даже одаренные ученые, эрудиты, художники могут вознестись в более возвышенные сферы только тогда, когда их выбирает рынок, управляемый капиталом, будь он символическим или чисто материальным. *Ведущий интеллеktуал* выбирается в зависимости от его или ее полезности для властей и агентств, несущих ответственность за существование системы. По сути, это замкнутый круг... В этом смысле, вероятно, необходимо переосмыслить всю концепцию “элит”: по крайней мере частично они были заменены армиями преступных идиотов. Как бы то ни было, за определениями элит гнаться не имеет смысла — они имеются повсюду» [Schmid 2021: 9–10].

Аналогичные мотивы и акцентировки широко представлены работах американского политолога и публициста Джона Джудиса, прежде всего в книге «Парадокс американской демократии: элиты, особые интересы и предательство общественного доверия»: «В прошлом существование могущественного политического истеблишмента могло компенсировать недостатки государственных институтов и способствовать преодолению отсутствия общих национальных целей, но сейчас наблюдается тревожное снижение качества американского лидерского класса — государственных чиновников, банкиров-инвесторов, генеральных директоров и ученых, которых прежде периодически призывали поделиться своей мудростью и опытом с правительством и страной... Безответственность национальных элит, власть и распространение групп с особыми интересами, а также паралич Конгресса и исполни-

тельной власти совместно вносят свой вклад в разъедающий общественный цинизм. Американцы, конечно, часто скептически относились к правительству и политикам, но за последние десятилетия этот скептицизм принял особенно ожесточенный характер» [Judis 2000: 2–3; см. также: Judis 2016: 9–14; Judis 2020: 21 sq.; Judis 2021: passim; ср.: Mayerhöffer 2021: 167 sq.].

В сфере теоретической интерпретации образовательной политики отправной точкой становится соотношение (нередко переходящее в противопоставление!) понятий «элита» и «высокое качество», которые требуют дальнейшего определения, «неизбежно имеют оценочный характер и по существу оспариваются». Концепция элиты «связана с социальной иерархией и социальным статусом», а понятие «высокое качество» «связано с выдающимися достижениями». Элитное образование относится, во-первых, к «моделям обоснования», узаконивающим вертикальные различия в системе образования; во-вторых, к практикам, которые приводят к этим различиям; и, в-третьих, к индивидуальным и институциональным представлениям о себе, которые соотносятся с последними». Данная модель опирается на «процессы различия, открытые для иерархической интерпретации в верхнем сегменте системы образования» [Derpe, Krüger 2016: 107].

Исследователи уже давно утверждают, что школьные результаты, будь то успеваемость или достижения, в значительной степени связаны с социальной принадлежностью учащихся. Например, несмотря на массовость системы образования США, складывавшейся на протяжении всего XX в., социально-классовые различия сохранялись в значительной степени на постоянном уровне. В частности, в научной литературе постоянно подчеркивается тот факт, что классовая и расовая стратификация в семьях и учебных заведениях влияет на успеваемость, модели поступления в колледж (посещаемость высших учебных заведений, места назначения и количество выпускников) и связанные с ними социальные и экономические результаты. К ним относятся среди прочего: семейный социальный и культурный капитал, а также дифференциация оценок в школах различных форм этого капитала; иерархический характер доступа к академическим знаниям в начальной школе и к углубленным курсам математики и естественных наук в средней школе; усиление сегрегации и гиперсегрегации в результате отмены судебных постановлений о десегрегации и др. Факторы, более конкретно связанные с колледжами и университетами, дополнительно также способ-

ствую возникновению социального и экономического неравенства. Например, изменения в политике и процессах финансовой помощи затрудняют для бедных, рабочих и студентов с уровнем дохода ниже среднего посещать и продолжать обучение в высших учебных заведениях. Это означает, что бедные студенты и студенты из рабочего класса все чаще не допускаются в флагманские государственные университеты, которые ранее обеспечивали гарантии социальной мобильности для целых поколений студентов-выходцев из рабочего класса [см. подробнее: *Educating Elites 2010: V--VII*].

Вместе с тем, как отмечают А. Хауард и Р. Хастамбиде-Фернандес, «отсутствие внимания к привилегиям и преимуществам элитарных групп особенно заметно в образовательной науке. Взгляд исследователей в области образования традиционно был обращен “вниз” на опыт сообществ, считающихся подверженными риску, предположительно с намерением улучшить их положение. Действительно, теоретизирование по поводу отношений между образованием, культурой и обществом, как правило, возникало в результате изучения бедных и маргинализованных групп в государственных школах. Редко исследователи в области образования учитывали классовые привилегии и образовательные преимущества в своих попытках понять неравенство и способствовать социальной справедливости через образование. Несоразмерный провал государственных школ, особенно тех, которые обслуживают расовые меньшинства, недавних иммигрантов и работающую бедноту, с энтузиазмом изучался и объяснялся многими критиками. Тем не менее критические линзы редко применяются к системам, практикам и политике, которые работают на укрепление социальных, политических, культурных и экономических привилегий доминирующих групп. На самом деле элитное образование осталось практически нетронутой территорией и остается в значительной степени вне поля зрения общественности и ученых» [*Educating Elites 2010: 2*].

Именно в данном контексте М. Бёрессон, Д. Броди, Т. Дальберг и И. Лидегран разрабатывают концепцию элитного образования, выделяя три фундаментальные характеристики последнего: «В первую очередь это *меритократическое* определение, предполагающее набор студентов на основе академических заслуг. В некоторых случаях могут быть действительными заслуги, отличные от академических достижений, например, при поступлении в художественные школы. Кроме того, те программы и учреждения, которые являются наиболее избиратель-

ными, также следуют этому принципу при наборе учителей и директоров, тем самым умножая эффект отбора: “лучшие” студенты получают “лучших” учителей. Наиболее значительным эффектом процесса меритократического отбора, вероятно, является эффект сверстников, когда амбиции, высокие достижения и постоянные усилия рассматриваются как норма. Второе определение элитарного образования — *социальное*, которое обозначает элитные школы или программы как те, которые способствуют воспроизводству доминирующих групп внутри следующих друг за другом поколений. <...> Третье определение — *функциональное*, согласно которому элитные институты понимаются как места формирования завтрашних доминирующих акторов. Элитное образование в этом функциональном смысле также действует на более низких уровнях образовательной системы, посредством чего определенные престижные школы и программы готовят своих учеников к поступлению на востребованные и эксклюзивные программы на более высоких уровнях системы. Здесь мы можем различать элитные школы и программы более общей направленности и более специализированные школы и программы. Эти три определения, конечно, взаимосвязаны. Таким образом, программы, которые очень избирательны с точки зрения учебных способностей, как правило, набирают своих учеников из семей, принадлежащих к социальной элите и/или высшим классам, и часто предлагают эффективную подготовку к будущему успеху в системе образования и за ее пределами» [Börjesson, Broady, Dalberg, Lidegran 2016: 93–94].

Исходным моментом сравнительного анализа понятия «элитное образование» для понимания производства элитного статуса в частных и государственных школах является тот факт, что приобретение данного статуса не ограничивается простым присвоением сертификатов или степеней. Согласно гипотезе Хастамбиде-Фернандеса, производство элитного статуса требует «пяти взаимосвязанных и совместно производящих процессов» элитного образования: *исключение, участие, высокое качество, право и предвидение*. Поскольку элитный статус по определению является исключительным, возможности для его достижения должны быть ограничены путем разграничения тех, кто имеет доступ, а кто — нет. Иногда исключение институционализируется через процессы приема, которые могут включать в себя тестирование или другие демонстрации заслуг, а в других случаях оно действует тонкими способами, выдвигая к участникам требования, которые невыполнимы из-за

таких барьеров, как язык, отсутствие транспорта или даже элементарное отсутствие информации. Элитные образовательные программы также должны иметь ограниченное определение того, что делает их элитными и что устанавливает условия участия для тех, кто способен добиться включения. Хотя иногда условия участия могут быть общими, например академическая успеваемость, в большинстве случаев элитные образовательные программы каким-то образом сужают свою область знаний, например математику и естественные науки или искусство в случае некоторых специализированных школ. Затем ожидается, что учащиеся продемонстрируют высокое качество, чтобы подтвердить свою принадлежность, что они всегда делают под угрозой потенциального исключения, когда высокие стандарты не соблюдаются. Таким образом, исключение — это не просто этап процесса, а постоянная часть производства элитарного статуса, и его следует избегать любой ценой. Постоянная демонстрация высокого качества посредством участия в условиях постоянной угрозы исключения является ключом к созданию чувства права, которое интегрируется в аффективные структуры вовлеченных лиц. Это чувство права затем проецируется в будущее через способность представлять элитное будущее, процесс, который обозначается тогда, когда студенты начали задумываться о присоединении к элитным программам. Основываясь на этих пяти принципах, Хастамбиде-Фернандес предложил рабочее определение элитных образовательных программ как институциональных схем, функционирующих в том или ином режиме механизма исключения, основанного на дискурсивно релевантных критериях, которые обеспечивают доступ к образовательному участию, открывая тем самым возможности, которые определенные группы с высоким статусом считают важными, или аудитории, в которых избранные должны продемонстрировать превосходство и заслуги. Все эти моменты, в свою очередь, порождают ощущение «права на возможности», а также определенные виды на будущее, которые также считаются желательными в рамках доминирующих ориентаций и концепций экономического и социального успеха [Gaztambide-Fernandez, Maudlin 2016: 61–62; см. также: Gaztambide-Fernandez 2009: passim].

Повышение уровня общего и технического образования долгое время представлялось лекарством от растущего экономического неравенства с дополнительными социальными преимуществами. Некоторые политики и публицисты поддерживали глобализацию и техни-

ческие изменения как движущие силы прогрессивных социальных реформ, призывая правительства расширять возможности получения образования и повышать профессиональные навыки во имя «эффективной конкуренции». Однако экспансия образования привела к тому, что затраты на его получение стали перекладываться на молодых получателей дипломов без каких-либо гарантий соразмерных выгод. Данная тенденция способствовала падению доверия к современным элитам, несмотря на то что они выглядят более компетентными и подотчетными. «Во всем мире у тех, кто принимает “решения с серьезными последствиями”, есть один общий элемент. Они учились в элитных школах и университетах, как правило в стране, которой они правят сейчас, или в стране, которая управляла ею раньше» [Shipman, Turner, Edmunds 2018: 167]. В США это «Лига плюща» (the Ivy League) — восьмерка самых обеспеченных и самых дорогих университетов, основанных между 1636 и 1865 гг.; в Англии — Оксфорд или Кембридж; во Франции — «Большие школы», не входящие в систему государственных университетов.

Без элитного высшего образования альтернативные пути успешной карьеры, такие как платная школа или унаследованное состояние, больше не являются достаточными для получения престижной работы. Элитные учебные заведения (лучшие университеты, бизнес-школы и военные академии) стали обязательным путем к вершине власти даже для тех молодых людей, социальное происхождение которых раньше было вполне достаточной гарантией. Эти учебные заведения пересмотрели свои учебные программы и изменили систему отбора, чтобы обеспечить набор «лучших» и расширить свое преимущество перед остальными. Выпускники университетов с самым жестким отбором в настоящее время доминируют на самых влиятельных и высокооплачиваемых должностях, особенно в государственном секторе. В 2015 г. в Великобритании почти три четверти высших судей, более половины высокопоставленных государственных служащих и журналистов, 47 % членов кабинета министров, 40 % главврачей и более 30 % топ-менеджеров 100 компаний были выпускниками «Оксбриджа». В последние годы в ответ на давление правительства входящие в него колледжи увеличили долю мест, предоставляемых учащимся государственных школ, с целью более справедливого доступа. В США «Лига плюща» использует крупные пожертвования для предоставления большего количества стипендий для способных студентов из неблагополучных семей, одновременно сохраняя «унаследованные предпочтения»

для менее способных студентов, чьи богатые родители делали пожертвования в прошлом [см.: Shipman, Turner, Edmunds 2018: 166–167; см. также: Tobolowsky 2017: 1–14].

В своей недавно опубликованной работе «Геритократия: элиты, большие школы и злключения заслуг» социолог Поль Паскали следующим образом комментирует нынешнюю ситуацию, сложившуюся в сфере французского высшего образования: «Повторяющиеся дебаты вокруг социальной замкнутости элит и их “школьных прихожих” не обошлись без последствий для этих кризисов веры. Высшие школы настолько привыкли представлять себя образцами меритократической добродетели, что нередко в ответ на официальные речи некоторые из их бывших студентов проболтались или плюнули в суп. В этом плане в заявлениях, сделанных после кризиса “желтых жилетов” о диверсификации элит, есть что-то парадоксальное, поскольку волонтаризм, проявленный “великими школами” посредством реформ, представленных в качестве беспрецедентных (отмена конкурсных экзаменов, считающихся дискриминационными, введение бонусных баллов для стипендиатов, увеличение количества подготовительных работ, предназначенных для “достойных” студентов из рабочих семей), также может косвенно рассматриваться как признание неудачи. Несмотря на два десятилетия мобилизации, цель которой — социальная открытость, а также арсенал целенаправленных мер (особая подготовка, зарезервированные пути поступления, параллельный прием, репетиторство, наставничество, стипендии и т. д.), большинство школ, особенно самые популярные, все еще пытаются открыть свои двери для детей из рабочего класса... Любопытно, что эта оценка очень похожа на оценку, которую тридцать лет назад уже давал Пьер Бурдьё в книге *La Noblesse d'Etat*. Однако в то время школьная аристократия была еще далека от того, чтобы с таким энтузиазмом перекраивать границы своих республиканских королевств. Со своей стороны университеты по-прежнему обладали обширной территорией, конечно, пересеченной тысячей барьеров, но куда любой бакалавр мог войти и выйти, не будучи пораженным унижением» [Pasquali 2021: 9–10].

В Германии демонтаж школьной системы, ранее считавшейся равноправной, начался еще в 1810 г., когда В. фон Гумбольдт основал *Гуманистическую гимназию*. Это привело к дальнейшим реформам, когда на уровне средней школы были введены три типа школ — «народные школы» (Volksschule), «реальные школы» (Realschule) и гимназии

(Gymnasium). Это изменение привело к тому, что только Abitur — аттестат об окончании гимназии — стал единственным правовым документом для поступления в университет. Таким образом, в большинстве немецких федеральных земель (Bundesländer) академическая сегрегация осуществлялась начиная с десятилетнего возраста [см. подробнее: Zymek 2014: 59–79]. В начале XIX в. Германии также были созданы первые современные исследовательские университеты, финансируемые государством. Созданные по образцу Берлинского университета, также основанного Гумбольдтом в 1810 г., эти высшие учебные заведения сочетали исследования и преподавание, а не сосредоточивались исключительно на обучении, как это было раньше. Ожидалось, что окончание одного из этих новых исследовательских университетов приведет к карьерному росту в государственных учреждениях и других профессиях, таких как юриспруденция, медицина, инженерное дело и т.д. [см.: Дерре, Kastner 2014: 263–283].

За последние два десятилетия XXI в. ситуация изменилась. Теперь молодые люди могут получить специальный квалификационный документ для поступления в высшее учебное заведение по конкретному предмету (fachgebundene Hochschulreife). Для этого необходимо посещать «профессиональные» гимназии, дающие доступ к профильным высшим профессиональным школам (Fachhochschulen) и университетам [см.: Trautwein, Neumann 2008: 487]. Это изменение позволило тем, кто не стремится или не может выбрать более «академическое» образование на уровне средней школы, получить возможность продолжать учиться с перспективой профессиональной элитной карьеры в будущем [см.: Дерре, Helsper, Kreckel, Krüger, Stock 2015: 82–94]. Одновременно в Германии началась широкомасштабная дискуссия об элитарном образовании. Ее причиной стали результаты исследований международных фондов, в которых констатировались относительно плохие результаты немецких школ и университетов по сравнению с другими странами [см.: Kreckel 2010: 235–256]. В ходе дискуссии были выявлены причины «вертикальных различий на каждом уровне образования» и поставлен вопрос об эгалитарном характере образовательной системы в Германии, которая предполагает равенство свидетельств об образовании и самих учебных заведений [см. подробнее: Krüger Н.-Н., Helsper, Sackmann, Breidenstein, Brockling, Kreckel, Mierendorff, Stock 2012: 327–343].

В области высшего образования реформы, направленные на «вертикальную дифференциацию системы», проводятся с 2004 г. В част-

ности, в рамках «Инициативы высокого качества» (программы развития до 2017 г. с бюджетом более 4 млрд евро) федеральное правительство Германии надеялось создать небольшую группу высших учебных заведений, которые подготовят новое поколение выдающихся ученых и повысят международный авторитет немецких университетов, а также их «глобальную конкурентоспособность». К настоящему времени сорок университетов получили статус «элитных», причем только 11 из них были неофициально признаны «элитными университетами». В других университетах определенные исследовательские кластеры или отделения аспирантуры получили статус элитных центров или факультетов. Например, в Берлине Университет им. Гумбольдта и Свободный университет, а также Университет Людвиг-Максимилиана и Технический университет в Мюнхене в настоящее время признаны элитными. Точно так же определенные дисциплины, такие как социальные науки в университетах Франкфурта или Билефельда, считаются элитными, в то время как остальные 70 немецких университетов пока не заслужили такого уровня оценки [см.: Derpe, Helsper, Kreckel, Krüger, Stock 2015: 90 sq.].

* * *

В работе Р. Хастамбиде-Фернандеса и Дж. Модлин «“Частные школы в государственной системе”: выбор школы и производство элитного статуса в США и Канаде» представлена, на наш взгляд, вполне адекватная итоговая оценка исходных предпосылок процесса формирования новых моделей элитного образования на уровне средней школы, которые, безусловно, оказывают влияние на конфигурацию университетских программ как в теоретическом, так и в чисто прагматическом плане: «Переключение внимания на роль государственных школ в предоставлении возможностей для элитного образования требует от нас большей конкретики в отношении того, что именно мы подразумеваем под “элитными” образовательными программами. Термин “элита” всегда действует как классификационный термин, даже когда используется как существительное, которое обычно подразумевает ответ на вопрос: элита чего? В качестве прилагательного термин “элита” служит маркером превосходства (например, элитный спортсмен, элитное воинское подразделение, элитный грабитель банков и т.д.). Этот термин происходит от латинского *eligere*, того же корня, что и слово “избранный”, предполагая, что элита — это “избранные”, как предполагает Карабель в своем историческом исследовании политики приема в Йельский, Принстонский

и Гарвардский университеты. Быть элитой означает быть избранным не только кем-то или в каком-либо месте, но и другими столь же избранными — или столь же элитарными группами, учреждениями или организациями, обладающими властью и высоким статусом, чтобы присвоить такой статус и обеспечить такой выбор. Исследования производства элитного статуса были сосредоточены на роли избранных частных школ в формировании властных элит. Исследования элитных школ, как правило, опираются на теории социального и культурного воспроизводства, такие как работы Бурдьё и Пассерона, чтобы объяснить взаимосвязь между образованием, семьей и передачей положения в социальном классе, что увековечивает неравенство и изоляцию. Согласно тезису Бурдьё, культурный и социальный капитал, в том числе навыки, вкусы, язык, манеры и репутация, характерные для социального класса, наряду с экономическими ресурсами необходимы для воспроизводства неравенства, что ясно видно из того, как элитные частные школы могут контролировать доступ с помощью политики приема и цен на обучение, которые отражают экономическое и образовательное неравенство. Однако такая фокусировка внимания к взаимосвязи между экономическими ресурсами и статусом элиты предполагает отождествление элиты и частного сектора и предположение об эквивалентности этих терминов. Это смешение проблематично, потому что не все частные школы являются элитными и не все элитные школы являются частными. Ограниченный, линейный процесс передачи социального статуса от поколения к поколению, подразумеваемый теорией социального воспроизводства, не может объяснить опыт студентов, которые не происходят из высшего сословия, но, тем не менее, достигают элитного статуса. Это также предполагает, что посещение этих школ гарантирует не только культурный, но и некоторую форму финансового капитала. Однако получение элитного статуса является более сложным процессом. В то время как социальный класс технически определяется исключительно экономическими ресурсами, группы элитного статуса более конкретно определяются знаниями и культурными модусами, обладающими высоким статусом. Последние связаны с различными видами привилегий, не только экономическими, но также в ряде важных аспектов — с категориями пола и расы» [Gaztambide-Fernandez, Maudlin 2016: 59–60; см. также: Bourdieu, Passeron 1990: passim].

Анализ процессов эволюции образовательных стратегий, их адаптации к изменениям в социальной структуре, политике и новой инсти-

туциональной среде, а также изучение влияния этих стратегий на системы образования на национальном и глобальном уровнях по-прежнему остаются одной из главных задач социальных наук, решение которых возможно только на междисциплинарном уровне. Многочисленные проблемы, связанные с интерпретацией новой глобальной динамики, следствием которой, безусловно, является зарождение международных структур, формирующих идентичность, статус, траектории и методы элитного образования, еще долго будут привлекать внимание ученых.

Литература/References

Ansell B.W., Samuels D. J. *Inequality and Democratization: An Elite-Competition Approach*. New York: Cambridge University Press, 2014. 226 p.

Benda J. *La trahison des clercs*. Paris: Editions Grasset, 2003. 334 p.

Börjesson M., Broady D., Dalberg T., Lidegran I. Elite Education in Sweden: A Contradiction in Terms? In: *Elite Education: International Perspectives*. Ed. by C. Maxwell, P. Aggleton. London; New York: Routledge, 2016, pp. 92–103.

Bourdieu P., Passeron J. C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. London; Newbury Park; New Delhi: Sage Publications, 1990. 254 p.

Brown W. *In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West*. New York: Columbia University Press, 2019. 248 p.

Capital at the Brink: Overcoming the Destructive Legacies of Neoliberalism. Ed. by Jeffrey R. Di Leo, U. Mehan. Ann Arbor: Open Humanities Press, 2014. 277 p.

Chomsky N., Polychroniou C. J. *The Precipice: Neoliberalism, the Pandemic and the Urgent Need for Social Change*. Chicago: Haymarket Books, 2021. 368 p.

Dahl R. A. A Critique of the Ruling Elite Model. *American Political Science Review*, 1958, no. 52, pp. 463–469.

Deppe U., Kastner H. Exklusive Bildungseinrichtungen in Deutschland. Entwicklungstendenzen und Identifizierungshurden. In: *Elite und Exzellenz im Bildungssystem — Nationale und internationale Perspektiven*. H.-H. Krüger, W. Helsper (Hrsg.). Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. Supplement 17. Wiesbaden: Springer VS, 2014, S. 263–283.

Deppe U., Helsper W., Kreckel R., Krüger H.-H., Stock M. Germany's Hesitant Approach to Elite Education. In: *Elites, Privilege and Excellence: The National and Global Redefinition of Educational Advantage*. Ed. by A. van Zanten, S. J. Ball, B. Darchy-Koechlin. London: Routledge, 2015, pp. 82–94.

Deppe U., Krüger H.-H. Elite Education in Germany? Trends, Developments and Challenges // In: *Elite Education: International Perspectives*. Ed. by C. Maxwell, P. Aggleton. London; New York: Routledge, 2016, pp. 104–113.

Di Leo J.R. *Catastrophe and Higher Education: Neoliberalism, Theory, and the Future of the Humanities*. Palgrave Macmillan, 2020. 272 p.

Edgerton S., Farber P. Introduction: Dreaming the Academy. In: *Imagining the Academy: Higher Education and Popular Culture*. Ed. by S. Edgerton, G. Holm, T. Daspit, P. Farber. New York: Routledge Falmer, 2005, pp. 1–13.

Educating Elites: Class Privilege and Educational Advantage. Ed. by A. Howard, R. Gaztambide-Fernandez. Lanham; New York; Toronto; Plymouth, UK: Rowman & Littlefield Education, 2010. 214 p.

Elite Education: International Perspectives. Ed. by C. Maxwell, P. Aggleton. London; New York: Routledge, 2016. 202 p.

Gaztambide-Fernandez R. The Best of the Best: Becoming Elite at an American Boarding School. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2009. 312 p.

Gaztambide-Fernandez R., Maudlin J.G. “Private Schools in the Public System”: School Choice and the Production of Elite Status in the USA and Canada. In: *Elite Education: International Perspectives*. Ed. by C. Maxwell, P. Aggleton. London; New York: Routledge, 2016, pp. 55–68.

Judis J.B. *The Paradox of American Democracy: Elites, Special Interests, and the Betrayal of Public Trust*. New York: Pantheon Books, 2000. 320 p.

Judis J.B. *The Populist Explosion: How the Great Recession Transformed American and European Politics*. New York: Columbia Global Reports, 2016. 184 p.

Judis J.B. *The Socialist Awakening: What's Different Now about the Left*. New York: Columbia Global Reports, 2020. 127 p.

Judis J.B. *The Politics of Our Time: Populism, Nationalism, Socialism*. New York: Columbia Global Reports, 2021. 432 p.

Kreckel R. Zwischen Spitzenforschung und Breitenausbildung. In: *Bildungsungleichheit Revisited*. H.-H. Krüger, U. Rabe-Kleberg, R.-T. Kramer, J. Budde (Hrsg.). Wiesbaden: VS Verlag, 2010, S. 235–256.

Krüger H.-H., Helsper W., Sackmann R., Breidenstein G., Brockling, U., Kreckel R., Mierendorff J., Stock M. Mechanismen der Elitebildung im deutschen Bildungssystem. Ausgangslage, Theoriediskurse, Forschungsstand. *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft*. 2012, no. 15(2), pp. 327–343.

Lukes S. *Power: A Radical View*. Third Edition. London: Red Globe Press, 2021. 244 p.

Mayerhöffer E. *Elite Cohesion in Mediatized Politics: European Perspectives*. London; New York: Rowman & Littlefield International Ltd., 2021. 240 p.

Neoliberalism and Education Systems in Conflict: Exploring Challenges Across the Globe. Ed. by Kh. Arar, D. Örucü, J. Wilkinson. New York; London: Routledge, 2021. 212 p.

Panigrahi S. *Ideology, Conflict and State Control in Higher Education. A Sociological Analysis*. Los Angeles et al.: Sage, 2022. 310 p.

Pasquali P. *Héritocratie: Les élites, les grandes écoles et les mésaventures du mérite (1870–2020)*. Paris: La Découverte, 2021. 311 p.

Popkewitz T. S. *Inventing the Modern Self and John Dewey: Modernities and the Traveling of Pragmatism in Education*. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 302 p.

Popkewitz T. The Sociology of Education as the History of the Present: Fabrication, Difference and Abjection. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 2013. vol. 34, issue 3, pp. 1–18.

Schmid G. *The Treachery of the Elites: On Political Discontent*. Berlin etc.: Peter Lang, 2021. 217 p.

Shipman A., Turner B., Edmunds J. *The New Power Elite: Inequality, Politics and Greed*. London; New York: Anthem Press, 2018. 260 p.

Stevens M.L. *Creating a Class: College Admissions and the Education of Elites*. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press, 2009. 308 p.

Tobolowsky B.F. Cultivating Anti-intellectualism in the Fictional University. In: *Anti-Intellectual Representations of American Colleges and Universities: Fictional Higher Education*. Ed. by B. F. Tobolowsky, P. J. Reynolds. New York: Palgrave Macmillan, 2017, pp. 1–14.

Trautwein U., Neumann M. Das Gymnasium. In: *Das Bildungswesen in der Bundesrepublik Deutschland*. K. S. Cortina, J. Baumert, A. Leschinsky, K.U. Mayer, L. Trommer (Hrsg.). Reinbek: Rowohlt, 2008, S. 467–502.

Universities and the Production of Elites: Discourses, Policies, and Strategies of Excellence and Stratification in Higher Education. Ed. by R. Bloch, A. Mitterle, C. Paradeise, T. Peter. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 392 p.

Zymek B. Ausleseverfahren und Institutionen der nationalen Elitebildung und ihre internationalen Herausforderungen. Eine historisch-vergleichende Skizze zu Frankreich, England und Deutschland. In: *Elite und Exzellenz im Bildungssystem — Nationale und internationale Perspektiven*. H.-H. Krüger and W. Helsper (Hrsg.). Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. Supplement 17. Wiesbaden: Springer VS, 2014, S. 59–79.

TO THE QUESTION OF ELITARIAN ASPECTS OF EDUCATIONAL POLICY

V. Gutorov

gut-50@mail.ru

Saint Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia.

The Federal Scientific Research Sociological

Center of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

Citation: Gutorov V. K voprosu ob elitarnykh aspektakh obrazovatel'noy politiki [To the question of elitarian aspects of educational policy]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 185–206. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.8>

Abstract: *It is generally recognized that in the modern world education is the structuring mechanism by which both ordinary citizens and influential social groups seek to secure and improve their social and economic position. The choice of forms of school and university education, as a rule, characterizes the orientation of social groups in relation to specific academic credentials, which are considered to have weight in various social spaces and sectors of employment. In many local, national and even international contexts, certain types of educational institutions are understood as an essential segment of the network of institutional channels that more or less guarantee progress towards future economic and social dominance. In addition, for many members of the more affluent social groups, education is the most important “strategy of difference.” Within the framework of this approach, the study of elites in modern critical literature is often limited to the so-called “reproductive point of view”, whose supporters strongly focus on the “exposing” of higher education as a “distribution center of inequality”. At the same time, quite positive processes of structuring and ordering, inherent in education “by nature”, are relegated to the background. Education is seen as a process aimed at legitimizing power structures, maintaining a stable balance between political institutions, specific sectors of education and social stratification. From this point of view, leading universities “conserve” social inequality, in the vast majority of cases, teaching elite social groups with high income levels. The article attempts to answer a topical question: what role do modern theoretical discussions about the role of elites — primarily political ones — play in interpreting the processes and transformations outlined above? In methodological terms, the answer to this question largely depends on the specifics of modern interpretations of the concept of elite”. One of the most fundamental conclusions of the author is that the analysis of the processes of evolution of educational strategies, their adaptation to changes in the social structure, politics and the new institutional environment, as well as the study of the impact of these strategies on education systems at the national and global levels is still one of the main tasks of the social sciences, the solution of which is possible only at the interdisciplinary level. Numerous problems associated with the interpretation of the new global dynamics, the consequence of which, of course, is the emergence of international structures that form the identity, status and trajectories and methods of elite education will attract the attention of scientists for a long time to come.*

Keywords: *education, elite, state, secondary school, university, educational strategies, meritocracy, neoliberalism, class differentiation, global dynamics.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (val-achkasov@yandex.ru).

Быстрова Алла Сергеевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (abc_46@mail.ru).

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (gut-50@mail.ru).

Лапина Наталия Юрьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом глобальных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН (lapina_n@mail.ru).

Лу Сяо, аспирант кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (xiao.lu.edu@yandex.ru).

Сафронов Вячеслав Владимирович, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (vsafroнов@list.ru).

Сельцер Дмитрий Григорьевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (seltser@yandex.ru).

Тев Денис Борисович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (denis_tev@mail.ru).

Цепилова Ольга Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (tsepilova@mail.ru).

CONTRIBUTORS

BYSTROVA, Alla, Candidate of Sc. (Economics), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (abc_46@mail.ru).

CHIRIKOVA, Alla, Dr. of Sc. (Sociology), main researcher, Federal State Institution of Science, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (chirikova_a@mail.ru).

GUTOROV, Vladimir, Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University, Russia (gut-50@mail.ru).

LAPINA, Natalia, Dr. of Sc. (Political Sc.), chief scientific officer, Head of the Global Problems department, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (lapina_n@mail.ru).

LU, Xiao, postgraduate student of the Department of International Relations and Political Science, Derzhavin Tambov State University (xiao.lu.edu@yandex.ru).

SAFRONOV, Vyacheslav, senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (vsafironov@list.ru).

SELTSER, Dmitriy, Dr. of Sc. (Political Sc.), Prof., International relations and political science department, Derzhavin Tambov State University (seltser@yandex.ru).

TEV, Denis, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society,

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (denis_tev@mail.ru).

TSEPILOVA, Olga, Candidate of Sc. (Sociology), senior researcher of the Department of Sociology of authority, power structures and civil society, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg) (tsepilova@mail.ru).

Научное издание

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ
ТОМ 9
Выпуск 2

Под редакцией А.В. Дуки

Редактор *М.В. Банкович*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковской*

Подписано в печать 00.12.2022.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 12,3. Уч.-изд. л. 11.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № .

Издательство «Интерсоцис».
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Отпечатано в типографии «Реноме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40